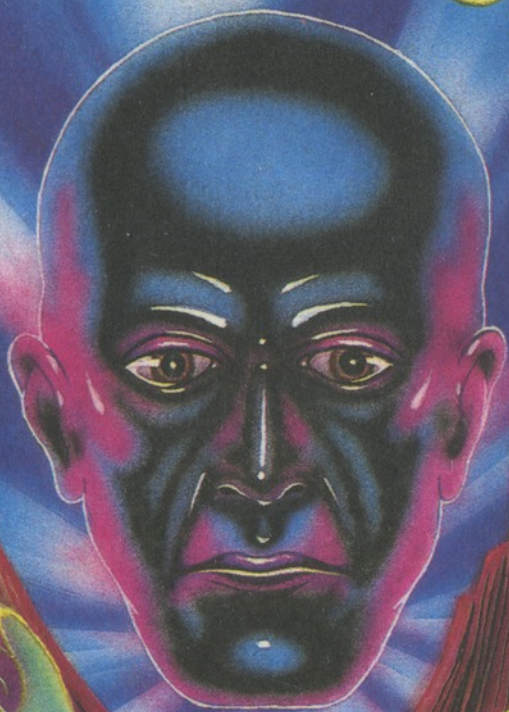

ДЖЕК ВЭНС

ЗВЕЗДНЫЙ КОРОЛЬ

АССОЦИАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ

МОЛЭКСИМП

П Р Е Д С Т А В Л Я Е Т

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ ДЖЕКА ВЭНСА

КРИМ-ПРЕСС
1992

ББК 84.7 США
З-43

ЗВЕЗДНЫЙ КОРОЛЬ

Фантастические романы

Подготовка серии

Н. Демидов

Л. Моргун

К. Орленко

Редактор

В. Чудинов

Перевод с английского

К. Петров

Художественное оформление

С. Атрошенко

Иллюстрации

А. Павленко

Технический редактор

А. Решетова

Корректоры

Е. Пичугова, Г. Мубаракшина

З 4703040100- 010
86558- 92 без объявл.

ISBN 5-86558-009-4

© КРИМ-ПРЕСС, 1992

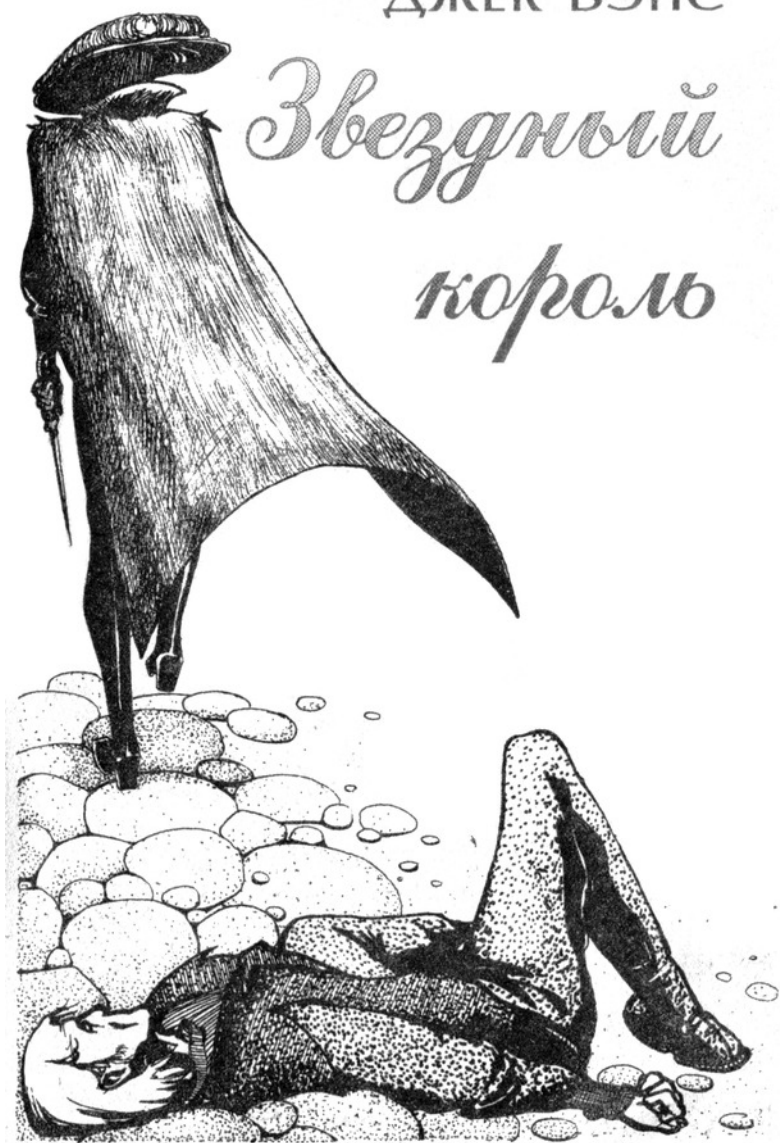
© Асмадей, 1992

© С. Атрошенко, 1992. Худ. оформление

© К. Андронкин 1992. Перевод

ДЖЕК ВЭНС

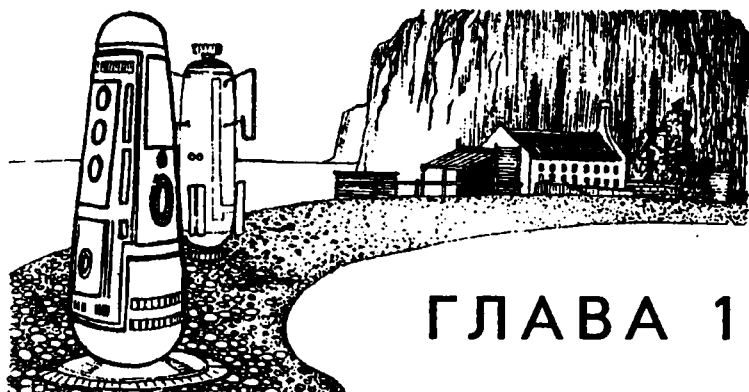
Звездный
король

Jack Vance

The Star King

ГЛАВА 1

«Закон неэффективен там, где нет принуждения».

*Выдержки из статьи в журнале
«Космополис» за сентябрь 1932 года.*

Смейд с планеты Смейда»

Вопрос: И вы никогда не чувствуете одиночества?

Ответ: С тремя женами и одиннадцатью детьми?

Вопрос: Что же все-таки побудило вас обосноваться на этой планете? В общем-то, это весьма унылое место, не так ли?

Ответ: Красота — понятие относительное и зависит в большей степени от объекта. И надо вам запомнить, что я не соержу здесь курорт для отдыха.

Вопрос: Какого рода люди являются постоянными посетителями вашей таверны, мистер Смейд?

Ответ: Люди, которые хотят спокойной жизни и возможности немного передохнуть от трудов праведных. Случайные путешественники или исследователи.

Вопрос: Я слышал, что некоторые из ваших клиентов имеют сомнительную репутацию. Фактически, если говорить без обиняков, широко распространено мнение, что та-

верна Смейда частенько посещается самыми отъявленными пиратами и грабителями.

Ответ: Я полагаю, что и они время от времени нуждаются в отдыхе.

Вопрос: У вас не возникают трудности во взаимоотношениях с этими людьми? Трудности, связанные в основном с поддержанием, так сказать, порядка?

Ответ: Ничуть. Им известны мои правила. Я говорю: Джентльмены, будьте сдержанны. Отличия между вами принадлежат только вам. Они преходящи, мимолетны. Атмосфера же гармонии в таверне — это мое дело, и я намерен, чтобы так было всегда!

Вопрос: И что же, они сдерживают себя?

Ответ: Как правило.

Вопрос: А если нет?

Ответ: Таких людей я сбрасываю в море.

Смейд был человеком скрытным. О его происхождении и молодых годах было известно только ему самому. В 1479 году он приобрел крупную партию отличного строевого леса, который по каким-то весьма неясным причинам переправил на маленькую каменистую планету, расположенную на краю Галактики, в так называемой Глуши. И здесь, с помощью десяти законтрактованных рабочих и примерно такого же количества рабов, он соорудил Таверну Смейда.

Расположена она была на длинной узкой косе, поросшей вереском, между горами Смейда и океаном Смейда, точно на экваторе планеты. Построил он ее в старинном стиле, возведя стены из камня; стропила из досок и крышу из шифера. Когда она была закончена, то хорошо вписалась в окружающий ее ландшафт, с первого взгляда напоминая случайное обнажение горных пород продолговатое двухэтажное строение с высокой двускатной крышей, двумя разными рядами окон по фасаду и тыльной стороне, с дымовыми трубами по краю крыши. За таверной стояла группа кипарисов, которые ничуть не казались чужеродными на фоне такого пейзажа.

Смейд добавил несколько новых черточек к экологии планеты: в укромной долине позади таверны он посадил

огород и фруктовый сад, еще в одной из долин держал небольшое стадо скота и некоторое количество домашней птицы. Количество животных было весьма умеренным, и не возникало никаких признаков того, что их присутствие может принципиально повлиять на природу планеты.

Владения Смейда могли простирались сколь угодно далеко — на планете не имелось других обитателей, но он предпочитал держать под своим контролем площадь примерно в три акра внутри побеленного каменного забора. Он оставался совершенно глух ко всему, что происходило снаружи этого забора, если только у него не было причин опасаться ущемления своих личных интересов, но такого до сих пор еще не случалось.

Планета Смейда оказалась единственным спутником звезды Смейда, едва различимого белого карлика в сравнительно пустынной области пространства. Прежняя флора планеты могла считаться скудной: лишайники, мхи, примитивные стелющиеся и выющиеся растения, водоросли на поверхности океана, придававшие воде черный цвет. Фауна развилась еще более скудно: белые черви в морском иле, немного студнеобразных созданий, которые питались черными водорослями, и небольшое количество низкоорганизованных одноклеточных.

Следовательно, изменения в экологии, произведенные Смейдом, вряд ли могли нанести планете какой-либо ущерб.

Сам Смейд выглядел высоким, широкоплечим и сильным человеком. Он обладал белой, как кость, кожей и черными, как смоль, волосами. Прошлое его, как об этом уже упоминалось, оставалось неопределенным, и никто не слышал, чтобы он когда-нибудь вспоминал о нем. Тем не менее таверну он содержал, в высшей степени соблюдая правила приличия. Три его жены жили в полном согласии, дети были красивы и хорошо воспитаны, сам Смейд считался безукоризненно вежливым. Гостеприимство его было щедрым, и у него не возникало затруднений с приумножением доходов. Над стойкой бара висела надпись: «Ешь и пей сколько захочешь. Кто может платить и платит — клиент. Кто не может и не платит — гость заведения».

Завсегдатаями Смейда оказывались самые разные люди: исследователи, разведчики, техники по обслуживанию приводов Джарнелла, частные агенты по розыску пропавших лиц и украденных сокровищ, гораздо реже — представители «Интергалактопола», или «хорьки» на жаргоне обитателей Глуши. Остальными посетителями было всякое отребье, и они отличались друг от друга не больше чем отличаются друг от друга бесчисленные виды преступлений. Мирясь с необходимостью, Смейд совершенно одинаково обращался со всеми своими клиентами.

В июле 1524 года в таверне Смейда появился Кирт Герсен, представившийся разведчиком. Его корабль являл собой стандартную модель, сдаваемую в аренду соответствующими предприятиями в пределах Ойкумены. Это был цилиндр длиной в десять метров, оборудованный только крайне необходимым: монитором-автопилотом, устройством для поиска звезд, хронометром, телескопом и органами ручного управления, расположенными в носовой части. В средней секции находились жилой отсек, информационное устройство и кладовые. На корме размещался энергоблок, расщепитель Джарнелла и еще одно хранилище. Корабль зиял заплатками и выбоинами, как и любой другой разведчик.

Внешность Герсена также производила впечатление заурядной, одежда — изрядно поношенной, особой разговорчивостью он не отличался. Но все это мало интересовало Смейда.

— Вы долго собираетесь у нас пробыть, мистер Герсен?

— Скорее всего дня два-три. Мне нужно кое-что обдумать у вас в тиши, сэр.

Владелец таверны понимающе кивнул.

— У нас сейчас затишье. Только вы и Звездный Король. Если вам нужна тишина, то ее будет с избытком.

— Меня это вполне устраивает, — ответил Герсен, и это было правдой. После завершения всех дел у него оставалось еще немало неразрешенных проблем.

Он повернулся было, затем остановился и оглянулся, так, словно слова Смейда только сейчас дошли до его сознания.

— У вас в таверне сейчас находится Звездный Король? — изумился он.

— Во всяком случае, он мне так представился.

— Ни разу не доводилось встречаться со Звездным Королем, знаете ли. Кроме того, даже наши ученые мало что о них знают.

Смейд вежливо поклонился, давая понять, что разговор достиг дозволенных пределов откровенности, и сделал рукой жест в сторону часов.

— Время наше — местное. Можете переставить ваши часы. Ужин в семь часов, ровно через полчаса.

Герсен поднялся по каменной лестнице в свою комнату, крохотную клетушку с кроватью, стулом, столиком. Он взглянул в окно на полосу вереска между горами и океаном. На посадочной полосе было всего два корабля: его собственный и другой, более крупный и тяжелый, очевидно, принадлежавший Звездному Королю.

Герсен умылся в ванной, расположенной в общем коридоре, и спустился в холл на первый этаж, где пообедал продуктами с принадлежавших Смейду огорода и скотного двора.

Пока он обедал в столовой, спустились еще два гостя. Первым был Звездный Король, который, шурша своей богатой одеждой, быстро прошел в дальний конец комнаты — индивидуум с черной кожей и такими же черными глазами. Роста он был выше среднего и держался с предельным высокомерием. Антрацитовый цвет кожи делал его лицо похожим на причудливую маску; штаны из оранжевого шелка и свободная белая мантия с белым кушаком, широкая с серыми и черными полосами шапочка, щегольски сбитая на правую часть головы, — все это смотрелось весьма своеобразно.

Герсен оторвался от еды и посмотрел на него с нескрываемым любопытством. Это был первый Звездный Король, которого он увидел воочию, хотя ходили слухи о том, что сотни их инкогнито посещают планеты людей. Это была одна из великих тайн Космоса со времени первого посещения людьми планеты Лямбда-Грас.

Второй из гостей, по-видимому, только-только прибыл — худой мужчина средних лет неопределенной расовой при-

надлежности. Герсен повидал множество подобных людей — самых разнообразных бродяг Глуши. Этот человек имел короткие неопрятные светлые волосы и болезненно белую кожу, весь его вид говорил о неуверенности и неопределенности. Ел он без аппетита, поглядывая то на Герсена, то на Звездного Короля, однако казалось все же, что более изучающие взгляды он бросает в сторону Герсена.

Герсен попытался избежать этих с каждой минутой все более и более настойчивых взглядов — меньше всего ему хотелось быть вовлеченным в какие-нибудь дела незнакомца.

После обеда, когда Герсен сидел, наблюдая за отблесками молний над океаном, этот человек бочком подошел к нему, часто мигая и нервно гримасничая. Стараясь придать своему голосу безразличный тон, несмотря на то что его явно била дрожь, незнакомец произнес:

— Мне кажется, что вы прибыли из Кринктауна?

С самого детства Герсен привык скрывать свои чувства за тщательной, если не сказать свинцовой, непроницаемостью. Однако вопрос незнакомца, перекликавшийся с его собственными тревогами и неловкостью, озадачил его. Он сделал паузу перед тем, как ответить, и все же утвердительно кивнул.

— По сути дела, да.

— Я ожидал увидеть кое-кого другого, но, впрочем, это не имеет значения. Я уже решил, что не смогу выполнить свои обязательства. Ваша поездка сюда стала бессмысленной. Вот и все.

Он отступил, ослабившись лишенной какой-либо доли веселья улыбкой, очевидно, для того, чтобы как можно собраннее встретить ожидаемую резкую реакцию.

Герсен вежливо улыбнулся и покачал головой.

— Вы, очевидно, по ошибке приняли меня за кого-то другого.

Ответом ему был полный недоверия взгляд.

— Но вы же прибыли сюда из Кринктауна?

— И что из того?

Незнакомец сделал безнадежный жест.

— Все равно. Я ожидал. Но теперь уже все равно, — и, выждав несколько мгновений, добавил

— Я заметил ваш корабль модель ЭВ. Вы, значит, разведчик.

— Верно.

Откровенность Герсена придала незнакомцу еще большую смелость.

— И сейчас вы направляетесь дальше? Или назад?

— Дальше, — затем, решившись на еще большую откровенность, Герсен добавил

— Не могу сказать, что мне сопутствует удача.

Напряженность, казалось, покинула незнакомца. Плечи его поникли.

— Я и сам занимаюсь этим делом. Что же касается удачи... — он безнадежно вздохнул, и Герсен уловил запах самодельного виски, производимого Смейдом.

— Если удачи не было, я, несомненно, должен винить в этом только самого себя.

Однако подозрения Герсена полностью не исчезли. Голос незнакомца звучал выразительно, произношение выдавало образованного человека — но это само по себе еще ничего не значило. Он мог быть в действительности лишь тем, кем представился, — разведчиком, имевшим какие-то неприятности в Кринктауне. Но возможно, все было иначе. Герсен с удовольствием предпочел бы остаться наедине со своими мыслями, но из элементарной предосторожности следовало взглянуть более глубоко на создавшееся положение. Он глубоко вздохнул и, как бы выражая печальное свое состояние, сделал любезный, хотя и ничего не значащий жест.

— Может быть, хотите присоединиться ко мне?

— Нет, благодарю вас.

Незнакомец уселся рядом с ним и, казалось, осмелел настолько, словно и не было у него никаких хлопот и неприятностей.

— Зовут меня Тихальт. Луто Тихальт. Выпьете? — и, не дожидаясь согласия, он сделал знак одной из младших дочерей Смейда, девочке лет девяти или десяти, одетой в скромную белую кофту и длинную черную юбку.

— Я предпочитаю виски, малышка, а этому джентльмену подай то, что он сам соизволит выбрать.

Казалось, Тихальт черпал силы то ли из выпивки, то ли из предстоящего разговора. Голос его стал тверже, взгляд — более ясным и ярким.

— Сколько же времени вы отсутствовали?

— Месяца четыре или пять, — ответил Герсен, не выходя из роли разведчика. — И за все это время ничего не видел, кроме скал, грязи и серы... Не знаю даже, стоило ли ради этого так тяжело работать.

Тихальт понимающе закивал головой:

— Однако же, разве в этом нет ничего захватывающего? Звезды сияют и купают в своем свете кружащиеся вокруг них планеты... И ты спрашиваешь себя — может быть, это произойдет сейчас? И так раз за разом — дым и аммиак, сказочные кристаллы, потоки окиси углерода, кислотные дожди. А ты все продолжаешь, и продолжаешь, и продолжаешь... Может быть, в следующем секторе и образуются соединения благородных элементов и тебе улыбнется удача? Хотя, конечно же, это опять все тот же хлам или снег из метана. Но вдруг — вот она! Абсолютная красота...

Герсен потягивал виски, не перебивая своего собеседника. По-видимому, Тихальт был человеком образованным и порядочным, к несчастью, опустившимся на дно этого мира. Он все говорил и говорил, словно обращаясь к самому себе.

— Не знаю, где залегает удача. Я уже ни в чем не уверен. Счастливая случайность оборачивается неудачей, а разочарование кажется счастливее, чем успех... Но и тогда я еще не считаю, что успех не может следовать за удачей, а в случае неудачи не уступлю разочарованию. Я не такой. И жизнь продолжается.

Герсен позволил себе немного расслабиться. Такого рода непоследовательность трудно было представить среди его врагов. Если только они, конечно, не наняли сумасшедшего. Немного помолчав после того, как его собеседник сделал паузу, Герсен осторожно заметил:

— Часто неуверенность может повредить больше, чем незнание.

Тихальт с уважением взглянул на него, как будто это утверждение было проявлением глубокого ума.

— Значит, вы считаете, что неуверенность лучше неведения?

— Это же совершенно разные вещи, — произнес Герсен легко и непринужденно, что было для него вполне естественным. — Ведь ясно, что неуверенность порождает нерешительность, а это тупик. Человек же несведущий может действовать. Правильно он будет поступать или нет, — это уже зависит от конкретного человека и от конкретных обстоятельств. Настоящего единогодушия в этом вопросе не может быть никогда.

Тихальт печально улыбнулся и тихо заговорил:

— Вы — приверженец весьма популярной доктрины этического прагматизма, который всегда оборачивается доктриной своекорыстного эгоизма. И все же я понимаю вас, когда вы говорите о неуверенности. Потому что сам я — человек неуверенный. Я знаю, что я — неудачник, но разве я мог бы им не быть? У меня достаточно горький опыт, чтобы так говорить. — Он до дна выпил виски и наклонился вперед, почти вплотную к лицу Герсена.

— Вы, пожалуй, более восприимчивый человек, чем кажется с первого взгляда. У вас, видимо, более быстрый ум, чем у меня. И, вероятно, вы моложе, чем кажется.

— Я родился в 1490 году, — рассмеялся Герсен.

Тихальт издал вздох, который можно было истолковать как утодно, и еще раз внимательно взглянул в лицо Герсена.

— Вы могли бы понять меня, если бы я сказал, что мне довелось увидеть Абсолютную Красоту?

— Может быть, я и смог бы вас понять, — кивнул Герсен, — но только в том случае, если вы впредь будете выражаться яснее.

Тихальт задумчиво прищурился.

— Я попытаюсь, — на мгновение он замолчал. — Как я вам уже говорил, моя профессия — разведчик. Это неважное ремесло — я прошу у вас извинения — потому что оно по сути предопределяет деградацию красоты. Иногда только в самой незначительной степени, — а именно на это надеется такой человек, как я. Иногда она уничтожается полностью.

Тихальт сделал жест рукой в сторону океана.

— Эта таверна ничем никому не вредит. Она позволяет красоте этой ужасной планетки выявить себя. — Он скло-

нился вперед, облизав губы. — Вам известно имя Малагате? Аттель Малагате?

Уже во второй раз во время разговора Герсену стало не по себе. На этот раз ему уже не удалось сохранить маску невозмутимости на своем лице. После небольшой паузы он небрежно произнес:

— Уж не тот ли это Малагате, которого называют еще Горе?

— Да. Малагате-Горе. Вы знакомы с ним? — И Луто Тихальт бросил на Гарсена такой свинцовый взгляд, как будто сам факт признания такой возможности возобновил его подозрения.

— Я знаком только с его репутацией, — сказал Герсен, изобразив на лице нечто вроде кислой улыбки.

— Все, что вы, возможно, слышали, является лестью, заверяю вас.

— Но вы же не знаете того, что именно я слышал!

— Сомневаюсь, что вы слышали худшее. Но, тем не менее и в этом заключается поразительный парадокс... — Тихальт закрыл глаза. — Я занимаюсь разведкой для Аттеля Малагате. Он владелец моего корабля. И я взял у него деньги.

— Положение затруднительное...

— Когда я это обнаружил — что я мог тогда уже сделать? — Тихальт возбужденно взмахнул руками — то ли вследствие повышенной эмоциональной восприимчивости, то ли благодаря действию виски Смейда.

— Я задавал себе этот вопрос много раз. Не я делал этот выбор. Я получил корабль и деньги не от частного лица, а от одного почтенного учреждения. И потому я не считал себя рядовым разведчиком. Я, Луто Тихальт, был человеком больших возможностей, который получил назначение на должность Главного Исследователя! Я был уверен в этом. Но они послали меня на разведку на корабле модели В, и я уже больше не мог обманывать себя. Теперь я, Луто Тихальт, оказался самым заурядным поисковиком.

— А где же ваш экипаж, Луто? — спросил Герсен из праздного любопытства. — На посадочном поле только моя ракета и корабль Звездного Короля.

— У меня есть основания для осторожности, — Луто огляделся по сторонам. — Вас не удивит, если вы узнаете, что

я ожидаю встретить... — он запнулся в нерешительности и тщательно стал обдумывать то, что собирался сказать, молча глядя в свой пустой бокал.

Герсен дал знак, и юная Араминда Смейд принесла виски на светлом нефритовом подносе, который она сама разрисовала орнаментом из алых и голубых цветов.

— Но это все несущественно! — неожиданно вымолвил Тихальт. Я уже наскучил вам со своими наболевшими проблемами...

— Вовсе нет, — живо откликнулся Герсен. Он даже сам удивился, насколько искренне это у него получилось. — Все, что связано с Аттелем Малагате, интересует меня!

— Это можно понять, — произнес Тихвальт после еще одной паузы. — Он представляет собой своеобразное сочетание качеств.

— От кого вы получили свой корабль? — спросил прямо Герсен.

Тихальт покачал головой.

— Не скажу. И знаете почему? Потому что вы, возможно, человек Малагате. Хотя ради вас самих же, я надеюсь, что это не так.

— Почему я должен быть его человеком?

— Обстоятельства наводят меня на эту мысль. Но только обстоятельства! Фактически же я уверен, что вы не его человек. Он не послал бы сюда кого-либо, кого я не встречал бы прежде.

— Значит, у вас здесь свидание?

— Это единственное, из чего я не собираюсь делать тайну. Что же касается остального — не знаю, что мне предпринять.

— Возвращайтесь в Ойкумену!

— А как же быть тогда с Малагате?

— Почему он должен иметь какое-то отношение к вам? Ведь разведчиков повсюду хоть пруд пруди.

— Я — уникален, — печально усмехнулся Тихальт. — Я разведчик, который обнаружил слишком драгоценный для продажи приз.

На Герсена это признание произвело впечатление, хотя он и попытался внешне не показать этого.

— Мир, который я открыл, слишком красив для Малагате. Невинный мир, полный света, воздуха и красок. Отдать

эту планету в его распоряжение, чтобы он мог построить на ней свои дворцы, рулетку и казино, — это все равно что отдать ребенка взводу солдат с Саркоя. И, возможно, даже хуже.

— И Малагате знает о ваших намерениях?

— У меня есть нехорошая привычка пить и при этом болтать не думая.

— Вот как сейчас, — намекнул Герсен.

Тихальт, вздрогнув, натянуто улыбнулся.

— Вы не можете сказать Малагате ничего такого, чего он уже не знал бы. Непоправимое произошло в Кринктауне.

— Расскажите мне подробнее об этой планете. Она обитаема?

Тихальт снова улыбнулся, но ничего не ответил. Это несколько не обидело Герсена. Тихальт, обращаясь к Арманте Смейд, заказал «фрейз» — крепкий, кисло-сладкий напиток, среди его ингредиентов был слабый галлюциноген. Герсен решил, что сам он больше пить не будет.

Ночь уже распространилась над планетой. То там, то здесь сверкали молнии. Неожданный ливень забарабанил по крыше.

Успокоившись после ликера, Тихальт, казалось, решил понаблюдать за игрой пламени в камине, но внезапно произнес:

— Вам никогда не найти эту землю. Я решил никому не выдавать ее местоположение.

— А как же ваш контракт с работодателем?

Тихальт сделал пренебрежительный жест.

— Я выдам ее за родовое космическое тело.

— Но информация находится в запоминающем устройстве монитора, — заметил Герсен, — И это собственность вашего попечителя!

Тихальт так долго молчал, что Герсен уже решил было, что он заснул. Однако в конце концов он все же произнес:

— Я очень боюсь смерти. Иначе я давно уже направил бы свой корабль вместе с собой и монитором прямо в какую-нибудь звезду!

Герсен предпочел промолчать.

— Не знаю, что же мне делать, — голос Тихальта стал спокойным, как будто спиртное утешило его разум. — Это

космическое тело просто замечательно! Как оно хорошо! Меня даже тревожит мысль, а не скрывается ли за этой красотой какое-либо другое качество, которое я не смог разглядеть... как, например, красота женщины маскирует ее более отвлеченные достоинства. Или пороки... В любом случае планета настолько красива и безмятежна, что трудно найти слова для ее описания. Там есть горы, омываемые дождями. Над долинами проплывают облака, легкие и блестящие, как снег. Небо — голубое, темно-голубое. Воздух прохладен, чист и настолько свеж, что кажется хрустальным. Там есть цветы, хотя их и не очень много. Они растут небольшими группами, так что когда находишь их, то кажется, что наткнулся на сокровище. К тому же там много деревьев, и среди них есть великаны с такими задубевшими стволами, с такой побелевшей корой, что кажется, будто они живут вечно.

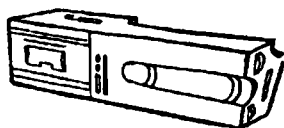
— Вы спросили, является ли эта планета обитаемой? Я вынужден ответить утвердительно, хотя создания, которые обитают там... немного странные. Я назвал их дриадами. Мне пришлось их видеть около сотни, и впечатление такое, что это очень древняя раса. Такая же древняя, как и деревья, и горы... — Тихальт закрыл глаза. — День на этой планете вдвое длиннее нашего стандартного, утренние часы очень длинные и наполненные светом. Дни спокойные, вечера — золотистые, как мед. Дриады купаются в реке или стоят в темном лесу... — Голос Тихальта стал тише. Казалось, он грезит наяву.

Герсен подтолкнул его.

— Дриады?

Тихальт пошевелился, поднимаясь в кресле.

— Название не хуже любого другого. Они, по меньшей мере, наполовину растения. Я не делал настоящей проверки, не посмел. Почему? Не знаю. Я был там предположительно две или три недели. И вот что я увидел...

ГЛАВА 2

Тихальт посадил потрепанный старый корабль модели «9В» на лугу рядом с рекой и подождал, пока анализаторы произведут проверку окружающей среды, хотя, судя по пейзажу, она никак не могла быть враждебной, — так, во всяком случае, подумал Тихальт, который в равной степени был ученым, поэтом и праздным мечтателем. Он оказался прав: атмосфера была вполне здоровой, чувствительные к аллергии биокультуры дали отрицательную реакцию на присутствие аллергенов, микроорганизмы в воздухе и почве быстро погибали от соприкосновения со стандартными антибиотиками. Причин откладывать выход на планету не имелось, и Тихальт начал обычные приготовления к высадке.

Ступив на дерн прямо возле корабля, он тут же пришел в состояние восторга. Воздух пахнул такой свежестью, чистотой и прозрачностью, как будто только что прошел весенний дождь. Вокруг стояла абсолютная тишина.

Тихальт побрел по долине. Остановившись в восхищении перед группой деревьев, он увидел дриад, которые, собравшись небольшой группой, стояли в тени. Они обладали двумя ногами со странным, почти человеческим туловищем и строением головы, хотя было ясно, что они похожи на людей только в высшей степени поверхностно. Их покрывала сереб-

ристо-бурая, зеленоватая кожа, вся в сверкающих блестках и пятнах, на голове не имелось ничего, кроме пурпурно-зеленых пятен, которые, похоже, являлись глазами. Из плеч росли члены, напоминающие руки, которые разветвлялись на прутики, а затем на светло-зеленые листья, иногда, правда, с темно-коричневыми, темно-красными, бронзовыми, золотистыми оттенками. Дриады увидели Тихальта и двинулись вперед с почти человеческим любопытством, затем остановились на расстоянии около пятнадцати метров, раскачиваясь на гибких туловищах. Их цветастые листья переливались в лучах солнца. Тихальт внимательно рассматривал дриад, постепенно переходя к мысли, что это наиболее очаровательные создания из всех, которых ему доводилось видеть.

Все последующие дни, судя по его воспоминаниям, были идиллическими и всецело безмятежными. Планета обладала чем-то удивительным, чистым... какое-то трансцендентное качество было ей присуще, и это качество внушало ему почти религиозное благоговение. В конце концов он понял, что нужно как можно скорее покинуть этот рай — или он не выдержит физически и полностью сольется с этим миром. Понимание этого привело его в состояние невыносимой печали и уныния, ибо он знал, что теперь он уже больше никогда не вернется сюда.

В течение этого времени он следил за тем, как дриады перемещались по долине; им двигало праздное любопытство относительно их природы и привычек. Были ли они разумны? К своему удивлению, Тихальт так и не смог ответить на этот вопрос. Они были умны, конечно, — это ему удалось установить. Но их обмен веществ озадачил его, не вписываясь в признаки разумности, хотя со временем ему удалось кое-что все-таки выяснить. Он понял, что они черпают какую-то часть энергии посредством своеобразного фотосинтеза.

Затем, в одно прекрасное утро, когда Тихальт задумчиво наблюдал за группой дриад, стоявших неподалеку неподвижно на болотистом лугу, крупное, похожее на ястреба крылатое существо устремилось вниз и ударило одну из дри-

ад в бок. Пока она падала, Тихальту удалось заметить два белых стержня или вильчатых выступа, уходящих из гибких серых ног в землю. Как только дриада упала, выступы тотчас же сократились. Похожая на ястреба тварь не обратила внимания на опрокинутую жертву, а вонзила когти в болото и вытащила оттуда огромного белого червя. Тихальт с большим интересом наблюдал за этой сценой. Упавшая особь, по-видимому, нашла червя в его подземной норе и пронзила его чем-то вроде хоботков, по всей вероятности, для того, чтобы пожрать его как пищу.

Тихальт ощутил некоторое чувство стыда и разочарования. Дриады, очевидно, не были такими уж невинными и эфирными созданиями, какими он себе их представлял.

Ястреб некоторое время пытался неуклюже подняться в воздух, издавая при этом какие-то квохчущие звуки. Тихальт ринулся вперед и заставил крылатое создание отпустить добычу и взмыть в воздух. Смотреть, в общем-то, уже было не на что, кроме кусков бледной плоти, желтой слизи и черного твердого шара величиной в два кулака — вот и все, что осталось от искромсанного червя. Пока он рассматривал свою находку, дриады медленно подошли к нему, и Тихальт отступил. С удивлением он наблюдал, как дриады столпились вокруг порванной добычи; и тут человеку показалось, что они оплакивают изувеченное существо. Через некоторое время с помощью гибких конечностей плакальщики подняли черный кокон, и один из них понес его прочь, держа высоко на своих руках-ветвях. Тихальт последовал за ними и зачарованно наблюдал за тем, как рядом с рощицей стройных деревьев с белыми ветвями дриады закопали черный шар.

Вспоминая обо всем этом впоследствии, он удивлялся тому, что не сделал попыток вступить в контакт с дриадами, этими разумными существами. Раз или два, когда он еще оставался на планете, такая мысль приходила ему в голову; но он отбрасывал ее, вероятно, вследствие того, что он ощущал себя пришельцем, вторгшимся в чужой мир, неуклюжим и очень шумным созданием, пытавшимся нарушить покой

этой сказочной страны. Дриады же, со своей стороны, относились к нему как бы с вежливым безразличием.

Через три дня после случая с червем Тихальт случайно вернулся к рощице деревьев и, к своему удивлению, обнаружил бледный побег, растущий из земли точно на том месте, где был зарыт кокон. На верхушке его бледно-зеленые листья уже разворачивались к солнцу.

Тихальт отступил и внимательно рассмотрел рощицу: каждое из деревьев в ней, вполне возможно, произрастало из кокона, прежде бывшего в теле подземного червя! Он внимательно осмотрел листву, корни и кору, но не обнаружил ничего, что подтверждало бы такое предположение.

Тихальт окинул взглядом долину и остановил его на гигантах с темной листвой. Не были ли это две разновидности одной породы?

Он прошел мимо группы дриад, которые уставились своими пурпурно-зелеными глазами на мешочек, который сорвал Тихальт, идя по роще. Дриады приняли напряженное положение. Он ошеломленно наблюдал за ними. Теперь они приближались, их ярко расцветченные веера дрожали и взволнованно переливались. Тихальт ощутил неловкость и стыд. Очевидно, сорвав мешочек, он, не ведая того, чем-то обидел хозяев. Почему и как, он не мог определить, но все же поспешил укрыться в корабле, где и разрезал свою добычу. Оболочка была крепкой и сухой. К центру располагался черенок, к которому были прикреплены семена величиной с горошину, но очень сложной структуры. Тихальт осмотрел семена под микроскопом. Они изумительно напоминали небольших недоразвитых жуков и ос. С помощью щипчиков и ножа он открыл одно из семян, обнаружив крылья, грудь и челюсти, — несомненно, это было зародышем насекомого.

В течение долгого времени он думал об этих существах, растущих на деревьях. Любопытным аналогом, подумал он, было дерево, выросшее из черного кокона, вынутого из белого червя.

Закат солнца окрасил небо; отдаленные места долины стали неразличимыми. Надвинулись сумерки и ночь. Огромные, как лампы, звезды загорелись на небе.

Когда прошла долгая ночь, Тихальт вышел из своего корабля. Он уже знал, что близится время его отлета с этого небесного тела. Как? Почему? На эти вопросы у него не было ответов. Тяга, тем не менее, была реальной. Он должен был покинуть планету и сознавал, что никогда больше не вернется сюда. Он смотрел на расцвеченное жемчугами небо, плавные изгибы холмов, на рощи и леса, спокойную реку, и глаза его увлажнились. Эта земля была слишком хороша, чтобы покидать ее, и еще лучше, чтобы оставаться на ней. Все это происходило где-то в глубине его сознания. В нем росло какое-то странное смятение, истинных причин которого он не мог уяснить. Непрерывно неведомая сила побуждала его бежать прочь от корабля, побросать одежду, оружие, слиться с пространством, обнять все вокруг, и самому позволить быть поглощенным, принести себя в жертву ради экстаза приобщения к красоте и великолепию мира... Сегодня он должен будет уйти.

«Если я останусь здесь хоть еще на один день, — подумал Тихальт, — то у меня, как у дриад, над головой вырастут листья».

Он бродил по долине, непрерывно оборачиваясь ко все более высоко поднимающемуся солнцу. Он взобрался на вершину холма и стал всматриваться в чередование вздымающихся хребтов и долин, на востоке постепенно сливавшихся в одну громадную гору. К западу и югу он заметил блеск волн. К северу простирались зеленые леса, среди которых виднелись огромные серые валуны, похожие на руины древнего города.

Возвратившись в долину, Тихальт прошел под кронами гигантских деревьев. Взглянув вверх, он заметил, что все кроны раскрылись и теперь висели сморщенные и увядшие. Он слышал жужжание. Какой-то твердый тяжелый шарик ударился о его щеку, прицепился к ней и ужалил.

От неожиданности и боли Тихальт раздавил насекомое. Запрокинув вверх голову, он увидел других — целое множество снующих туда-сюда или роящихся. Поспешно вернувшись в свою каюту, он одел комбинезон из толстой ткани, защитив лицо и голову прозрачной сеткой. Он рассердился как бы без всяких видимых причин. Нападение осы испортило последний день его пребывания в этой божественной долине: фактически впервые за все это время ему был причинен какой-то вред. Слишком много он ожидал, с горечью размышляя о том, что вряд ли рай может существовать без своего змея. И он швырнул в подсумок целый флакон сжиженного репеллента, хотя тот вполне мог и не подействовать на насекомых растительного происхождения.

Покинув корабль, он двинулся по долине, все еще испытывая жгучую боль от укуса членистоногого. Приближаясь к лесу, он наткнулся на необычную сцену: группу дриад окружил жужжащий рой. Тихальт с любопытством подошел поближе. Он понял, что его любимцы подверглись нападению, хотя каких-либо действенных мер по своей защите они не предпринимали. Когда осы стрелой устремились, чтобы пристроиться на их серебристой коже, они лишь помахивали своими ветвями да терлись друг о друга, скребя ногами почву и стараясь, насколько это возможно, избавиться от насекомых, однако, насколько недейственной была такая защита, Тихальт видел воочию.

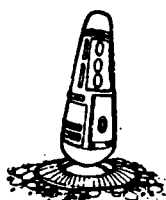
Он медленно приблизился к атакуемым, разъяренный ужасным гневом. Одно из созданий, подвергшееся нападению, совсем ослабло: несколько насекомых вгрызлись в его кожу, вытягивая капли сукровицы. Весь рой внезапно сосредоточился на этой несчастной жертве, которая вдруг затряслась и повалилась наземь, в то время как остальные собратья спокойно уходили прочь.

Охваченный омерзением и негодованием, Тихальт бросился вперед и направил носик флакона с репеллентом прямо в центр почти отвердевшей массы роя. Действие яда было потрясающее — осы белели прямо на глазах, лишались сил и падали на землю. За одну минуту весь рой превратился в

ворох белой шелухи. Ужаленная дриада также была мертва, мгновенно лишившись своей плоти. Ее спутники, убежавшие от роя, теперь возвращались и были, как показалось Тихальту, крайне возбуждены и даже разъярены. Их ветви трепетали и бились, они двигались на него, ничуть не скрывая решительности своих намерений. Тихальт поспешно ретировался к своему кораблю.

Отсюда он в бинокль наблюдал за поведением древообразных существ. Они стояли возле тела своей мертвой товарки и, как показалось Тихальту, все еще волновались и пребывали в нерешительности. По-видимому, решил разведчик, их поразила не столько кончина своей подруги, сколько зрелище мертвых насекомых.

Они тесно обступили мертвое тело, и Тихальт не мог разобрать, что же они делают. Одна из дриад нагнулась и что-то подняла с земли. Тихальт навел на эту фигуру бинокль и увидел, что она держала в своих руках-ветвях черный шар. Он долго следил за тем, как толпа пронесла этот кокон через долину, пока не скрылась в роще гигантских деревьев.

ГЛАВА 3

Что за город Кринктаун! Некогда перевалочный пункт, последние застава-врата, ведущие в бесконечность, — теперь же это еще одно поселение за пределами Ойкумены. Но что значит «еще одно»? Является ли это определение ложным? Решительно нет. Кринктаун нужно увидеть, чтобы поверить в чудо его существования, и даже тогда он воспринимается с недоверием. Дома расположены на большом удалении друг от друга, вдоль тенистых проспектов, и все они вздымаются как сторожевые башни над пальмами, кипарисами и другими многочисленными деревьями. Первый этаж зданий — не более чем вестибюль, место, где меняют одежду, так как местные обычаи предписывают употребление домашних бумажных накидок и бумажных шлепанцев. А выше — какая вспышка архитектурного тщеславия, какие башенки и шпили, колокольни и купола! Какое искусно выполненное великолепие, какая вдохновенная резьба, какое вычурное, изумительное употребление самых разнообразных материалов! Где можно встретить балюстрады из панцирей черепах с торчащими из них позолоченными рыбьими головами? Где еще найти нимф из слоновой кости, свисающих подвешенными за волосы, прикрывая водосточные желоба, а на лицах их — молитвенный экстаз? Где еще степень чьего-либо преуспевания

измеряется пышностью надгробных памятников, которые проектируются прямо перед фасадом вместе с хвалебной эпитафией?

И по сути дела, где еще, кроме Кринктауна, преуспевание является весьма сомнительной репутацией? И тем не менее немногие из обитателей его осмеливаются показаться в пределах Ойкумены.

Должностные лица — убийцы, полиция — поджигатели, вымогатели и насильники, старейшины городской управы — владельцы борделей. Но гражданское судопроизводство отправляется с педантичностью и торжественностью, достойными Верховных Сессий в Борагстауне или коронации в лондонском Тауэре. Тюрьма в Кринктауне одна из самых остроумных, которую когда-либо устраивали власти. Следует вспомнить, что Кринктаун расположен на поверхности холма вулканического происхождения, возвышающегося над непроходимыми зарослями и болотами, покрытыми колючими растениями и острой, каккинжал, травой. Единственная дорога ведет из города в джунгли. Заключенных просто не пускают в город, закрывая ворота. Заключенные могут бежать в джунгли, куда глаза глядят. В их распоряжении целый материк. Но ни один заключенный не осмеливается уходить далеко от ворот, и, когда требуется его присутствие, достаточно всего лишь отпереть калитку и выкрикнуть его имя».

/ Из статьи Стриценко «Плата за грех», напечатанной в майском номере журнала «Космополис» за 1404 год. /

Тихальт сидел, наблюдая за игрой огня. Глубоко тронутый его рассказом Герсен ждал, намерен ли он сказать еще о чем-нибудь.

Наконец Тихальт заговорил

— Вот так я и покинул эту планету, не мог дальше оставаться там. Чтобы жить на ней, нужно либо позабыть о себе, всецело отдавшись красоте, растворив свою личность в ней, либо овладеть ею, подчинить себе, поломать ее, низвести до собственного низменного уровня. Я не смог бы сделать ни

того, ни другого, и поэтому я никогда больше не смогу туда вернуться... Но воспоминания об этой прелести постоянно преследуют меня.

— Даже несмотря на зловредных ос?

Тихальт угрюмо кивнул:

— Да, даже несмотря на них. Я поступил неправильно, вмешавшись. На этой земле существует определенный ритм, равновесие, которые я грубо потревожил. Я много дней размышлял об этом, но так до конца и не понял этот процесс. Осы рождаются, как древесные плоды, черви производят семена одного из видов деревьев — вот и все, что мне известно. Я подозреваю, что дриады производят семена для великанов. Процесс жизни становится замкнутым или, вероятно, характеризуется последовательностью перевоплощений, с деревьями-великанами в конце цикла.

Похоже, что дриады используют червей как часть своего пропитания, а осы пожирают дриад. Откуда же берутся черви? Или осы являются их первой фазой? Летающими личинками, так сказать? А может быть, черви со временем превращаются в дриад? Я чувствую, что, может быть, так оно и есть — хотя и не уверен полностью. Если это так, то такой цикл прекрасен настолько, что у меня даже нет слов для выражения своего восхищения. Как нечто извечно обусловленное — подобно приливам или вращению Галактик. Если заведенный порядок нарушается, если выдергивается одно из звеньев, — то весь процесс рушится. И это тягчайшее преступление — оборвать одно звено этой цепи!

— И вследствие этого вы не хотите раскрывать местонахождение этой планеты своему поручителю, будучи уверенным, что это Малагате-Горе?

— Я уверен, что мой хозяин Малагате, — твердо произнес Тихальт.

— Но как вы это обнаружили?

Тихальт искоса посмотрел на Герсена.

— Что-то вы очень интересуетесь этим человеком. К чему бы это, а?

Удивившись собственной откровенности, Герсен пожал плечами.

— О нем ходит много странных рассказов.

— Это правда. Но я не собираюсь подтверждать их. И вы, наверное, хотите знать, почему?

— Да.

— Я переменял свое мнение относительно вас. Теперь я подозреваю вас в том, что вы согладатай.

— Будь я согладатаем, — улыбнулся Герсен, — я едва ли признался бы в этом. У «Интергалактопола» не так уж много друзей за пределами Ойкумены, особенно здесь, в Глуши.

— Мне безразлично, — сказал Тихальт. — Но я надеюсь на лучшие дни, если мне только удастся вернуться домой. И я вовсе не намерен навлекать на себя злобу Малагате своей откровенностью с согладатаем-шпионом.

— Будь я агентом Конфедерации, — покачал головой Герсен, вы уже давно подвергли бы себя опасности. Вы ведь знаете о средствах для извлечения правды и о гипнотических лучах?

— Да. Но я также знаю, как избежать их. Но сейчас это не имеет значения. Это просто не существенно. Вы спросили, каким образом я узнал, что моим почитателем является Малагате? У меня нет причин не рассказывать вам о своих раздумьях по этому поводу. Это уже не тайна, благодаря моей пьяной болтливости.

Итак, я находился тогда в Кринктауне. В таверне «Синеан» я много пил и болтал, ну точно так же, как с вами сегодня вечером. Правда, тогда слушателей было намного больше — что-то около дюжины. Да... я приковал к себе их внимание... — Тихальт с горечью усмехнулся. — Вскоре меня вызвали к телефону. Мой собеседник на другом конце провода назвался Хильдемаром Даске. Вы слышали это имя?

— Нет.

— Странно, — качнул головой Тихальт. — Если вас так интересует Аттель Малагате, то... Но в любом случае Даске говорил со мной. Вот от него-то я и узнал, что должен прийти в определенное время в таверну Смейда. Даске сказал, что здесь я встречу Малагате.

— Что? — воскликнул Герсен, не в состоянии контролировать резкость своего голоса. — Здесь?!

— Да, здесь, у Смейда. Я спросил, какое это имеет отношение ко мне. Ведь у меня не было никаких деловых связей с этим человеком, и я не стремился заводить их. Даске же убедил меня в обратном. И вот я здесь. Я человек не очень-то храбрый, — Тихальт беспомощно махнул рукой и, взяв свой пустой стакан, взглянул внутрь него, — и я не знаю, что делаю. Если я останусь в Глуши...

Он пожал плечами.

Герсен на мгновение задумался, а потом сказал:

— Уничтожьте монитор.

Тихальт печально покачал головой.

— Это залог, которым я покупаю себе жизнь. Впрочем, я бы... Он на мгновение замолчал. — Вы слышите что-нибудь?

Герсен резко повернулся в кресле. Бесплезно скрывать то, что он нервничает, — во всяком случае, от самого себя.

— Дождь... Раскаты грома... И больше ничего.

— Мне показалось, что я услышал рев ракетных двигателей. Тихальт поднялся и взглянул в окно. — О, кто-то направляется сюда!

Герсен подошел к окну.

— Я ничего не вижу.

— На посадочное поле сел корабль, — сообщил Тихальт и на мгновение задумался. — Здесь есть, или, вернее, было только две ракеты — ваша и Звездного Короля...

— А где ваш корабль?

— Я сделал посадку в долине, к северу отсюда. Понимаете, мне не очень хочется, чтобы кто-нибудь ковырялся в моем мониторе, пока я здесь выпиваю и жду этого Малагате.

Разговаривая, Тихальт немного тянул слова, словно прислушиваясь к тому, что творилось на улице. Затем, взглянув в глаза Герсена, он сказал:

— Вы не разведчик!

— Что правда, то правда!

Тихальт кивнул.

— Я знаю, что прав. В разведчики, как правило, берут всякий сброд. Но вы, пожалуй, и не из «Интергалактопола», а?

— Считайте меня исследователем.

— Вы, может быть, поможете мне?

Суровые заповеди подготовки Герсена боролись с его порывами. Он не очень вежливо пробормотал:

— В определенных пределах можете рассчитывать на мою помощь. Только учтите, что эти пределы очень узкие.

Тихальт слабо улыбнулся:

— Но мне хотелось бы знать рамки этих пределов. Тогда бы я знал, стоит ли в каждом конкретном случае просить вашей поддержки.

— У меня неотложное дело. Понимаете — неотложное! И я не могу позволить себе отвлекаться по всяким пустякам.

Тихальт не был ни разочарован, ни возмущен. Он и не мог ожидать чего-то большего от незнакомца.

— Странно, — снова сказал Тихальт, — что вы ничего не слышали о Хильдемаре Даске. Неужели вы ничего не знаете и о его кличке «Красавчик»?

— Что вам так дался этот Даске?

— Красавчик вот-вот придет сюда. Вы спрашиваете, откуда я это знаю? Благодаря логике обычного и очевидного страха.

— Пока кто-то находится внутри таверны, ему нечего опасаться. Жизнь его находится вне опасности. Не забудьте, что у Смейда есть свои правила.

Тихальт кивнул, вежливо признаваясь в том, что стал причиной замешательства Герсена.

Прошла минута.

Звездный Король поднялся со своего места. Его розово-красное одеяние блестело, отражая свет камина. Медленно, не поворачивая головы ни влево, ни вправо, он поднялся по лестнице.

Тихальт проводил его взглядом.

— Впечатляющее создание... Я слышал, что у них только самым красивым особям разрешено покидать родную планету.

— Я тоже слышал об этом.

Тихальт сел, глядя на огонь. Герсен хотел было заговорить, но сдержался. Он чувствовал, что Тихальт его раздражает, и причина этого была проста и очевидна: Тихальт

пробудил в нем сочувствие, Тихальт обременил его новыми заботами. Он ощутил неудовлетворенность собою — причем безо всякой разумной причины. Бесспорно было то, что его собственные дела были первоочередными. Поэтому он не мог себе позволить отвлекаться на что-либо другое. А если чужие эмоции и настроения так легко смогли его поколебать, то как же он сможет уделять все внимание своим делам?

Неудовлетворенность, от которой было очень тяжело избавиться, становилась все более невыносимой. Но существовала какая-то связь, слишком тонкая для того, чтобы различить ее, чтобы понять, что чувство неудовлетворенности каким-то образом связано с той планетой, которую так красноречиво описал Тихальт.

Герсен сделал сердитый жест, как бы отмахиваясь от надоедливых сомнений и вопросов, возникших в его сознании. Они могли только уменьшить его боеспособность.

Прошло минут пять. Тихальт засунул руку в пиджак и вынул конверт.

В этот момент дверь отворилась. В проеме встали три темных силуэта. Они стояли и смотрели в комнату.

Смейд громко крикнул из-за стойки:

— Заходите внутрь или закройте дверь! Я что, по-вашему, должен обогрывать всю эту проклятую планету?

В зал вошло самое жуткое из всех человеческих существ, которое когда-либо доводилось видеть Герсену.

— Вот вам и удалось увидеть Красавчика-Даске, — болезненно хихикнул Тихальт.

Даске был ростом в шесть футов. У него виднелось совершенно цилиндрическое туловище, одной и той же ширины от колен и до плеч. Худые и длинные руки с большими костлявыми запястьями и огромными кистями, казалось, доставали до пола. Голова этого существа была также большой и круглой, со взъерошенной огненно-рыжей шевелюрой и подбородком, который, казалось, почти лежал на ключицах. Даске выкрасил свою шею и лицо ярко-красной краской, за исключением ушей, которые казались ярко-голубыми шарами, как пара заплесневелых апельсинов. На каком-то этапе его жизни его нос был расщеплен на пару зубьев из хряща, а

веки были срезаны. Для того чтобы увлажнять роговые оболочки своих глаз, он носил два наконечника, присоединенные к флакону с жидкостью, из которых через каждые несколько секунд в глаза выпускался тонкий слой влаги. У него была также пара заслонок, которые в данный момент были подняты и которые он мог опускать, чтобы прикрыть свои зрачки от света; они были раскрашены белой и голубой краской, чтобы соответствовать цвету радужной оболочки очей.

Двое мужчин за его спиной в противоположность ему были самыми заурядными человеческими существами: оба загорелые, крепкие, ловкие, у них были быстрые, умные глаза.

Даске бесцеремонно обратился к Смейду, который бесстрастно наблюдал за вновь вошедшими, облокотившись о стойку бара.

— Три комнаты, хозяин, и побыстрее! К тому же позаботьтесь о том, чтобы быстро нас накормить!

— Хорошо!

— Меня зовут Хильдемар Даске.

— Очень хорошо, мистер Даске.

Даске кивнул и прошел через всю комнату к тому месту, где сидели Тихальт и Герсен. Его взгляд попеременно был устремлен то на одного из них, то на другого.

— Поскольку мы все здесь собратья-путешественники и к тому же гости замечательного мистера Смейда, позвольте вам представиться, — произнесла эта пародия на человека, оскалившись. — Меня зовут Хильдемар Даске. Могу ли я справиться, кто вы?

— Я — Кирт Герсен.

— Я — Килен Таннас.

Губы Даске, бледно-пурпурные на фоне красной кожи лица, сжались в тонкую линию.

— Вы в удивительной степени похожи на некоего Луго Тихальта, которого я так ожидал встретить здесь.

— Думайте как вам угодно, — произнес Тихальт тонким голосом, — но я назвал вам свое имя!

— О, какая жалость! Ведь у меня такое важное дело к этому Луто Тихальту.

— Бессмысленно говорить об этом со мной!

— Как пожелаете. Хотя мне кажется, что дела Луто Тихальта вполне могли бы заинтересовать Килена Таннаса. Не могли бы вы отойти в сторону для личного разговора?

— Нет! Меня это не интересует. Мой друг знает мое имя. Он может подтвердить, что мое имя Килен Таннас.

— Ваш друг? — Даске обернулся к Герсену. — Вы — что, хорошо знаете этого человека?

— Так же, как и любого другого.

— И его имя Килен Таннас?

— Если это то имя, которое он предложил, то я предполагаю, что вам придется его принять без всякого колебания.

Без каких-либо дальнейших замечаний Даске повернулся и вместе со своими людьми уселся за стол в другом конце зала, где их уже ждал обед.

Тихальт глухо произнес:

— Ничего не получилось. Этот Красавчик довольно хорошо знает меня.

Герсен ощутил новый приступ раздражительности. Что побуждало Тихальта впутывать незнакомца в свои неприятности, если его личность была давно идентифицирована?!

Казалось, интуитивно ощутив недовольство Герсена, Тихальт поспешил объяснить свою линию поведения:

— Поскольку я не клюнул на его крючок, он думает, что поймал меня в западню, и теперь это забавляет его.

— А как же насчет Малагате? Я думал, что он прибудет сюда вместе с Даске, чтобы встретиться с вами.

— Лучше было бы, если бы я вернулся в Альфенор и встретился бы с ним там. Я уже решил. Деньги его я отдам, но ни в какой мере не буду способствовать тому, чтобы он попал на мою планету.

В другом конце зала Даске со своими двумя сопровождающими расправлялись с содержимым тарелок из кухни мистера Смейда.

Герсен некоторое время наблюдал за ними.

— Похоже, что они в некотором замешательстве.

Тихальт фыркнул.

— Они думают, что я хочу иметь дело только с Малагате, потому и отказался разговаривать с ними... Но я попытаюсь воспользоваться этим и сбежать. Даске не знает, что я сел за холмами. Вероятно, он думает, что ваш корабль — это мой.

— Кто эти двое с ним?

— Убийцы. Они меня довольно хорошо знают, еще по таверне в Криנקтауне. Первый из них Тристано-землянин. Он убивает прикосновением своей руки. Второй — с сурового Саркоя. Он может приготовить отраву даже из песка с водой... Все трое сумасшедшие, но Даске найхудший из них. Ему знаком любой из мыслимых кошмаров.

В это мгновение Даске взглянул на свои часы. Вытерев рот тыльной стороной ладони, он поднялся, пересек комнату, склонился над Тихальтом и хрипло прошептал

— Аттель Малагате ждет вас снаружи. Он хочет видеть вас.

Тихальт с отвалившейся челюстью взглянул на него, но Даске уже ковылял назад к своему столу.

Трясущимися руками Тихальт потер лицо и обратился к Герсену:

— У меня все еще есть шанс улизнуть от них, если только у них нет инфрата-ТВ. Но отступить уже некуда. Когда я быстро пойду к двери, вы сможете задержать этих троих?

— А как вы полагаете, я смогу это сделать? — язвительно скривился Герсен.

Тихальт на мгновение задумался.

— Не знаю...

— И я не знаю, хотя изо всех сил хотел бы узнать.

Тихальт печально кивнул.

— Что ж, хорошо. Я сам постою за себя. Прощайте, мистер Герсен.

Он поднялся и пошел к бару. Даске скосил взгляд в его сторону, но во всем остальном казался безразличным. Тихальт стал так, чтобы Даске не мог его видеть, после чего метнулся на кухню, стараясь сделать это так, чтобы Красавчик не заметил этого момента. Смейд удивленно посмотрел ему вслед, но затем вновь вернулся к своим занятиям.

Даске и двое убийц продолжали флегматично поглощать пищу как ни в чем не бывало.

Герсен исподтишка наблюдал за ними. Почему они ведут себя нарочито равнодушно? Уловка Тихальта была абсолютно очевидной. Герсен почувствовал, как у него покалывает кожу. Он стал барабанить пальцами по столу, покрытому бугристой кожей тюленя Томсона с планеты Олифейн, обладающей способностью накапливать статическое электричество. Несмотря на ранее принятое решение, он поднялся и пошел к двери.

Ночь была темной. Освещение создавали только звезды. На удивление, ветра почти не было, но море накатывалось на берег и откатывалось назад с глухим печальным стоном... Короткий резкий крик... всхлипывание... откуда-то из-за таверны. Герсен отбросил свое решение ни во что не вмешиваться и бросился вперед, но... Его руку зажали как бы в стальных тисках, ущипнув за нерв сзади локтя. За этим последовал удар по шее. Герсен сознательно упал, стараясь освободиться от железной хватки. Неожиданно все его сомнения и раздражительность исчезли — он снова стал нормальным мужчиной. Герсен перевернулся, встал на ноги и принял наполовину согнутую стойку, подавшись слегка вперед.

Перед ним, слегка улыбаясь, стоял Тристано-землянин.

— Осторожно, дружище, — проговорил он с резким земным акцентом. — Не создавай мне лишних хлопот, парень, не то Смейд сбросит твое тело в море.

Из двери вышел Даске, а за ним появился отравитель с Саркоя. Тристано присоединился к ним, и все трое двинулись к взлетному полю.

Герсен остался на террасе, тяжело дыша и поеживаясь от нестраченного порыва к действию.

Через десять минут два корабля поднялись в ночь. Первый приземистый, бронированный аппарат, с орудиями на носу и корме. Второй был потрепанный разведчик марки 9В.

ГЛАВА 4

Герсен изумленно смотрел в небо. Вторым аппаратом был его собственный корабль! Вскоре небо снова стало пустынным. Кирт вернулся в таверну и сел перед камином. Потом он вынул конверт, переданный ему Луто Тихвальтом, открыл его и извлек три фотографии, которые внимательно изучал почти добрый час.

Огонь в камине погас. Смейд отправился в постель, оставив за стойкой дремлющего сына. Снаружи снова забарабанил ночной ливень, стонал океан.

Герсен сидел, глубоко задумавшись. Затем он вынул из кармана лист бумаги, на котором были перечислены пять имен:

*Аттель Малагате
Говард Алан Трисонг
Виоле Фалюши
Кокор Хекус
Ленс Ларке.*

Из кармана он вытащил карандаш, но задумался. Если он постоянно будет пополнять свой список именами, этому не будет конца. Конечно, особой нужды в том, чтобы писать, не было. Как и не было особой необходимости в списке. Герсен знал эти пять имен так же хорошо, как и собственное. Он

пошел на компромисс и справа пониже написал шестое имя Хильдемар Даске.

Огонь утасал. Алел только сушеный мох на дне камина. Рев прибора также уменьшился, волны стали реже накатываться на берег. По каменной лестнице Герсен поднялся в свою комнату.

За свою жизнь Герсен привык к постоянной смене чужих кроватей; тем не менее он долго не мог уснуть и лежал, вглядываясь в темноту. Одно за другим видения проходили перед его взором, начиная с самых ранних лет его детства.

Сначала возник пейзаж, который, насколько он помнил, был ярким и красивым. Коричневые горы, деревья, как бы нарисованные пастельными красками, вдоль берегов широкой коричневой реки. Но за этой картиной, как и всегда, следовала другая, еще более живая: тот же пейзаж и беспорядочно валяющиеся изрубленные окровавленные тела. Мужчины, женщины и дети, едва волоча ноги, поднимаются под дулами трех десятков людей в необычно мрачных одеждах.

Кирт Герсен в ужасе наблюдает за всем этим вместе со стариком, который был его дедом, с другого берега реки, спрятавшись от захватчиков за остов старой баржи. Когда корабли взмыли в небо, им удалось встать и вернуться через реку к мертвой тишине деревни, которую нарушал только негромкий треск догорающих головешек.

— У твоего отца было множество великолепных планов, относительно твоего будущего, — сказал дед, глядя мальчика по голове. — Он хотел, чтобы ты учился. Это принесёт тебе жизнь в мире и удовольствие. Ты помнишь эти его слова?

— Да, дедушка.

— Так вот, твоя учеба еще впереди: ты научишься терпению и находчивости, проверишь возможность своих рук и своего ума. Твоя работа будет очень полезной — уничтожать злых людей! Какой еще труд может быть полезнее? Это Глушь, и очень скоро ты поймешь, что работы для тебя здесь очень много, и поэтому, вероятно, ты так и не познаешь мирной жизни. Однако я гарантирую тебе вполне достаточное

удовлетворение, потому что научу тебя жаждать крови этих людей сильнее, чем плоти женщин.

И старик сдержал слово!

Вскоре они отправились на Землю — главное хранилище всевозможных знаний.

Юный Кирт многому научился у сменявших друг друга преподавателей, перечислять которых подробно было бы весьма утомительным занятием.

Первое убийство он совершил в четырнадцать лет, покончив с грабителем, которому «повезло» наброситься на них на одной из темных улиц Роттердама. И пока его дед стоял рядом, на манер старого волка, обучающего щенка охоте, юный Кирт, сопя и пыхтя, сначала сломал ногу, а затем и шею незадачливому бандиту.

С Земли они отправились на Альфанор, столичную планету скопления Ригеля, и здесь Кирт Герсен пополнил свои технические знания.

Когда ему исполнилось девятнадцать лет, дед умер, завещав ему внушительную сумму денег и письмо:

«Мой дорогой Кирт!

Я редко говорил о своей привязанности и расположении к тебе. Сейчас я пользуюсь случаем, чтобы наверстать упущенное. Ты стал для меня значить даже больше, чем мой родной сын. Я не скажу, что жалею, что направил тебя по избранному мною пути, хотя на нем тебе будет отказано во многих обычных удовольствиях и удобствах.

Был ли я чрезмерно самонадеян, решив придать твоей жизни такую форму? Думаю, что нет. В течение нескольких лет ты мог поступать в соответствии с собственными побуждениями, но оказалось, что у тебя нет ярко выраженного желания направить свою жизнь по другому руслу. В любом случае я не смог бы придумать более полезной службы для мужчины, чем та, которую я уготовил тебе. Закон человека действует только в пределах Ойкумены. Добро и Зло, правда, являются понятиями распространяющимися на всю Вселенную. К несчастью, за пределами Ойкумены в так

называемой Глуши у Добра гораздо меньше возможностей торжествовать над Злом.

По существу, само это торжество состоит из двух процессов: во-первых, должно быть искоренено Зло, а, во-вторых, Добро должно заполнить образовавшийся пробел. Невозможно, чтобы один и тот же человек был одинаково эффективен при осуществлении обеих этих функций. Добро и Зло, несмотря на широко распространенное заблуждение, не являются полярно противоположными, не являются и зеркальными отображениями, так же как одно из них, не является просто отсутствием другого.

Чтобы свести к минимуму неразбериху, твоей работой будет только уничтожение носителей Зла.

Кто же является носителем Зла? Злым является тот, который принуждает других к повиновению ради своих корыстных интересов. Тот, кто уничтожает прекрасное, причиняет боль, убивает жизнь. Нужно помнить, что убийство людей — носителей зла — вовсе не эквивалентно искоренению Зла как такового. Не забывай никогда, что зло является взаимозависимостью между окружением и личностью. Ядовитое семя произрастает только в унавоженной почве. В данном случае такой питательной средой является Глушь, и, поскольку не в человеческих силах изменить что-либо там физически (она всегда будет существовать), ты должен посвятить свою жизнь уничтожению ее ядовитых спор, которыми и являются злые люди. Это такая задача, конца которой ты не увидишь!

Моим первым побуждением, не скрою, было всего лишь примитивное стремление к мести. Пять капитанов-пиратов уничтожили или обратили в рабство многих из тех, кто был мне так дорог. Месть — вовсе не такой уж неблагородный поступок. Имен этих пятерых я не знаю. Мои самые отчаянные попытки не дали необходимой информации. Правда, одного человека, мелкую сошку, мне все же удалось найти. Его имя — Парсифаль Панкароу. Он так же скверен, как и те четверо капитанов, хотя у него гораздо меньше возможностей творить зло. Ты должен найти его и узнать имена остальных пиратов!

Затем ты должен убить всех пятерых, и не будет никакого вреда, если при этом они испытают боль, поскольку сами они причинили гораздо больше страданий и печали другим людям.

Но тебе еще многому придется подучиться. Я посоветовал бы тебе поступить в Институт, но боюсь, что дисциплина этого сообщества будет противоречить твоему духу. Поступай, как ты сам сочтешь нужным. В моей юности я думал стать неофитом, но Судьба подготовила мне другое.

Будь я другом одного из членов Совета, я бы послал тебя, чтобы ты мог получить у него утешение, — но у меня нет такого друга. Возможно, что это даже и к лучшему, так как вне Института у тебя будут развязаны руки. Впрочем, поступай, как сам считаешь нужным, только учти, что в течение первых четырнадцати этапов на неофитов налагаются очень суровые ограничения.

В любом случае я советую тебе посвятить побольше времени изучению ядов Саркоя. Кроме того, ты должен досконально овладеть техникой рукопашной схватки, и опять-таки это лучше всего сделать на самом Саркое.

Тебе нужно будет значительно повысить меткость стрельбы и лучше овладеть ножом, хотя мало кого тебе следует бояться при борьбе врукопашную. У тебя хорошие интуитивные суждения, твое самообладание, экономичность поступков и разносторонность можно только похвалить. И все же тебе многое еще надо познать. В течение следующих десяти лет учись, тренируйся — будь осторожен. Есть много способных людей, не рассчитывай на себя скоропалительно, пока не станешь более чем готов. Короче, не делай сверхдобродетели из храбрости и героизма. Добрая доля осторожности — можешь назвать это страхом и даже трусостью — это в высшей степени желательное дополнение к качествам такого человека, как ты, единственной ошибкой которого, может стать мистическая, почти суеверная вера в успех своего предначертания. Не позволяй одурачить себя — все мы люди смертные, что я сейчас и доказал.

Вот так, мой внук, я уже мертв. Я воспитал тебя и надеюсь, что ты в состоянии будешь отличить Добро от Зла. Я испытываю гордость за твои достижения и надеюсь, что ты будешь помнить обо мне с любовью и уважением.

Твой любящий дед, Рольф Марр Герсен».

В течение одиннадцати лет Кирт Герсен послушно выполнял все предписания своего деда. Одновременно с этим он не переставал искать как в самой Ойкумене, так и за ее пределами Парсифалья Панкароу. Но пока все было безрезультатно.

Немного занятий могли предложить такой вызов, такой азарт, такие остужающие неудачи при некомпетенции, по сравнению с тем, что давала служба агента «Интергалактопола». Герсен получил два поручения: на Фараде и на Голубой Планете. Во время выполнения второго он сделал запрос о Парсифале Панкароу и был вознагражден, узнав, что в настоящее время этот человек живет в Кринктауне под именем Айры Баглоса. Он работал маклером в одной процветающей фирме.

Герсен узнал, что Айра Баглос, или Парсифаль Панкароу, был энергичным дельцом с совершенно лысой головой, похожей на яйцо. Загорелая кожа его отливала лимонно-желтым цветом, а на лице красовались шикарные черные усы.

Кринктаун был расположен на плато, которое стояло как остров среди черных и оранжевых джунглей.

Герсен следил за всеми передвижениями Панкароу в течение двух недель, изучив тем самым весь его распорядок дня, который свидетельствовал об удивительной беззаботности этого человека.

Затем, как-то вечером, он нанял кэб, лишил водителя сознания и начал ждать возле одного из клубов, пока Панкароу не устанет от своих собутыльников и не появится на влажной ночной улице. Самодовольный Панкароу, напевая один из только услышанных мотивов, плюхнулся в кэб и был отвезен, но не в свой роскошный особняк, а на одну из удаленных полян, расположенную в джунглях. Здесь Герсен и

задал ему несколько вопросов, на которые у Панкароу не было сначала никакого желания отвечать. Тот сделал было даже попытку прокусить себе язык, чтобы не расколотся, но в конце концов все пять имен были все же выжаты из его памяти.

— Что же вы теперь сделаете со мной, сэр? — почтительно проквашал в конце беседы бывший Айра Баглос.

— Просто убью! — сказал Герсен, все еще бледный и дрожащий, после упражнений, не доставивших ему никакого наслаждения. — Я сделал из вас своего врага, и поэтому вы не заслуживаете ничего лучшего, чем смерть. А за все ваши преступления против людей вы заслужили быть убитым сто раз!

— Нет! — закричал вспотевший Панкароу. — Нет! Не сто раз! Один раз — да, но сто! Теперь я веду безупречную жизнь! Я больше не причиняю никому вреда!

Герсену стало не по себе от мысли, что вдруг каждый подобный случай будет вызывать у него такую тошноту и отвращение. Он сделал над собой усилие и жестко сказал:

— То, что вы только что сказали, наверное, и правда. Но ведь все ваше богатство пропитано кровью невинных людей! А кроме того, если я вас сейчас отпущу, вы не преминете сообщить о нашей встрече кому-нибудь из тех пяти, имена которых вы только что выдали...

— Нет, — сдавленный крик поверженного противника прервал высказывания Герсена. — Клянусь вам, что нет! А что касается моего богатства — заберите его себе! Оно ваше, только отпустите меня.

— Где ваше состояние?

Панкароу попытался было договориться об условиях:

— Я отведу вас туда.

Но Герсен печально покачал головой.

— Примите мои извинения, мистер. Сейчас вы умрете. Не надо печалиться. Это в конечном итоге происходит со всеми людьми, и сейчас вам лучше бы подумать о том, чем бы отплатить за все то зло, которое вы причинили людям...

— Под моим надгробным памятником! — закричал Панкароу. — Все мое состояние находится под каменной плитой перед моим домом!

Герсен прикоснулся к шее Панкароу трубкой, внутри которой содержался яд с Саркоя.

— Я пойду проверю, — сказал он. — Вы будете спать, пока мы не увидимся снова.

Герсен говорил вполне убедительно, и Панкароу с благодарностью расслабился и ... через несколько минут умер.

Герсен вернулся в Кринктаун, обманчиво мирное поселение из высоких, богато украшенных трех-, четырех- и пятиэтажных домов, окруженных зеленью.

Когда наступили сумерки, он лениво двинулся по тихой аллее к дому Панкароу. Каменный надгробный памятник высился перед фасадом: массивный монумент из мраморных шаров и кубов, увенчанный скульптурными изображениями Парсифаля Панкароу в разных позах. Прямо перед ним одна из скульптур Баглоса стояла в благородной позе, с откинутой назад головой и взором, устремленным в небо. Впечатление благородства в позе усиливалось простертыми вверх руками каменного изваяния, как скептически отметил про себя Герсен. Он стоял и рассматривал это чудо искусства, когда по ступенькам крыльца сошел мальчик 13-14 лет и приблизился к Кирту.

— Вы от моего отца? Он у этих жирных женщин?

Герсен ожесточил свое сердце, чтобы выдержать угрызания совести и отбросил всякие мысли о конфискации имущества Панкароу.

— Я пришел вам передать весть от вашего отца, — вежливо наклонил голову Кирт, произнося ритуальные слова.

— Может, пройдем в дом? — предложил мальчик, немного оробев. — Я сейчас позову маму.

— Нет. Пожалуйста, не надо. У меня совсем нет времени. Слушай внимательно, малыш. Твоего отца вызвали. Куда, это тайна! Он не уверен, в том когда вернется. Возможно, что уже никогда.

Мальчик слушал, вытаращив глаза.

— Он что... сбежал?

Герсен кивнул.

— Да. Какие-то старые враги разыскали его, и теперь он не смеет здесь больше показываться. Он велел сказать тебе или твоей матери, что деньги спрятаны под надгробной плитой этого памятника.

Мальчик взглянул на Герсена.

— Кто вы?

— Вестник — и не более. Передай своей матери все в точности, малыш. Не забудь еще одно: когда будете смотреть под надгробием, будьте осторожны. Там может быть какая-нибудь ловушка, чтобы сохранить деньги от грабителей. Ты догадываешься, о чем я говорю?

— Да, сэр.

— Будь осторожен, малыш. Пусть кто-нибудь из мужчин, кому вы с матерью доверяете, поможет вам.

Герсен покинул Криנקтаун. Он подумал о планете Смейда, с присущими ей спокойствием и уединением, в качестве прекрасного противоядия от его капризной совести. Где, спросил он у самого себя, как только корабль-разведчик стал тормозить во внепространственно-временном континууме, лежит равновесие? Он по всем меркам достиг точки опрокидывания. Парсифаль Панкароу заслужил безжалостную казнь. Но как же тогда быть с его женой и сыном? Разве малыш заслужил того, чтобы больше не знать отца? Он ведь будет страдать. А разве это справедливо? Почему он должен страдать?

Как ни пытался Герсен убедить себя, что он поступил правильно, притаившаяся печаль в глазах мальчика навсегда осталась в его памяти.

Судьба вела его дальше. Первое, о чем зашел разговор в таверне Смейда, было имя Малагате-Горе, и именно это имя первым выдал из себя Парсифаль Панкароу. Лежа в постели, Герсен глубоко вздохнул. Панкароу мертв. Бедный, жалкий Луто Тихалът, скорее всего, тоже мертв. Все люди смертны. Стоило ли задумываться над этим? Он ухмыльнул-

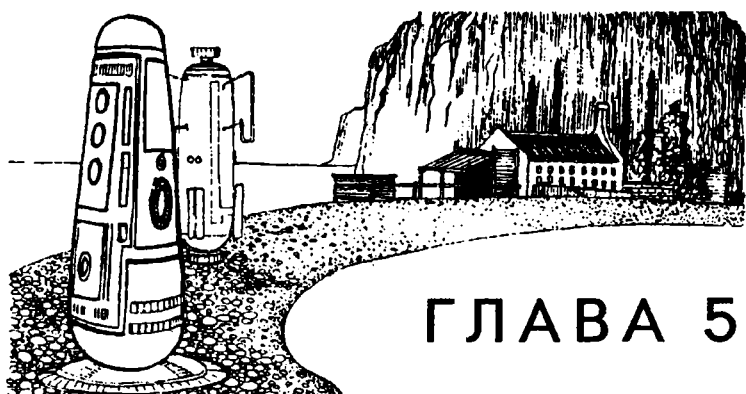
ся в темноте при мысли о том, как Малагате и Красавчик будут проверять монитор его корабля.

Для начала они не смогут своим ключом открыть автопилот — это довольно труднопреодолимое препятствие для тех, кто не знает правильного кода. К тому же при вскрытии они готовятся встретить всякие подвохи — взрывы, аэрозоли с отравляющими газами или кислотой...

И когда после немалых усилий эти типы все-таки извлекут память монитора, она окажется пустой. Толку от мониторов Кирта Герсена им будет не больше, чем от занавесок на окнах...

Малагате вопросительно посмотрит на Красавчика-Даске, который пробормочет что-то вроде оправдания. Возможно, что им в голову придет проверить серийный номер корабля — и тогда лишь обнаружат, что это не тот корабль, который получил некогда в аренду Луто Тихальт. И тогда — немедленное возвращение на планету Смейда. Но Герсен уже уйдет...

ГЛАВА 5

Вопрос: Мне известна грандиозность стоящих перед вами задач, квестор Мермот. По сути, для меня совершенно непостижимо, каким образом вы намерены осилить эту вершину. Например, как вы можете отыскать какого-нибудь отдельного человека или проследить его происхождение среди девяноста с лишним обитаемых планет и миллиардов людей со всеми оттенками политических убеждений, местных обычаев и верований?

Ответ: Обычно никак не можем.

/ Из телевизионной дискуссии в Катберте, на Веге, состоявшейся 16 мая 993 года, в которой участвовал Иил Мермот, главный квестор полиции системы трех планет. /

«Я настоятельно прошу вас не одобрять это зловещее мероприятие. У человечества уже есть многократный печальный опыт сверхмощных полицейских сил... Как только она (полиция) выскользнет из-под контроля местных властей, она станет самовольной, безжалостной, законом сама для себя. Полицейские уже не будут больше думать о справедливости, их будет заботить только то, чтобы самим стать привилегированной и порождающей зависть элитой. Они ошибочно принимают естественное осторожное

отношение к себе и нерешительность гражданского населения за восхищение и уважение и вскоре начинают хвастать направо и налево, все больше распускаться и потрясать своим оружием в состоянии мегаломаниакальной эйфории. Окружающие становятся уже не господами их, а слугами. Такая полицейская машина становится просто скопищем преступников в форме, тем более губительным, что ее положение никем не оспаривается и не санкционируется законом.

Склад ума полиции таков, что никогда человеческие существа не расцениваются ими иначе как единицы или объекты, подвергаемые обработке, причем, насколько возможно, быстро. Общественная польза или достоинство для нее ничего не значат: прерогативы полиции рассматриваются сквозь призму божественного закона. Требуется полное повиновение и покорность. Если служащий полиции убивает человека, это обстоятельство достойно только сожаления: служащий, возможно, переусердствовал. Если же гражданский убивает служащего полиции, то самый ад разверзается под ним. Полиция бросается на него с пеной у рта. Все прочие дела отбрасываются в сторону, пока не будет найден этот подлый преступник. И конечно, неизбежно, когда его поймут, он будет избит или подвергнут всевозможным пыткам за непростимую самонадеянность. И при этом полиция еще жалуется на то, что не может эффективно функционировать, что преступники ускользают от нее.

Лучше сотни непойманных преступников, чем деспотизм разнузданной полиции. Еще раз предупреждаю вас, господа, не одобряйте подобного мероприятия. Если же вы допустите это, я обязательно воспользуюсь своим правом вето».

/ Из послания лорда Янко Янкоса, председателя Исполнительного Комитета, в Генеральное Законодательное собрание планеты Вангелла в системе Тау Близнецов, от 8 августа 1028 года. /

«... недостаточно указать на уникальность возникших перед нами проблем: они стали катастрофическими. Мы отвечаем за эффективность своей работы, но нам отказывают в необходимых орудиях и достаточной власти при ее

проведении. Можно убить и ограбить в любом месте в пределах Ойкумены, прыгнуть в ожидающий корабль и оказаться на расстоянии многих световых лет, прежде чем обнаружится совершенное преступление.

Если же удастся выбраться за пределы Ойкумены, в Глушь, то там и заканчивается наша юрисдикция — во всяком случае, официально, хотя всем нам известны отважные служащие полиции, ставящие справедливость превыше выгод и забирающиеся в Глушь, чтобы покарать преступника. У них, конечно, есть право так поступать, поскольку все человеческие законы становятся недействительными за пределами Ойкумены, но они делают это на свой страх и риск. Однако значительно чаще, преступник, забирающийся в Глушь, остается ненаказанным. Когда он намеревается вернуться в Ойкумену, у него есть возможность изменить свою внешность, свои документы, свои отпечатки пальцев, и он будет в полной безопасности, если только, на свое несчастие, не будет арестован за новое нарушение в той общине, где он уже имел наглость совершить преступление и где был подвергнут генной идентификации.

По существу, в наши дни двигателей расщепления Джарнелла любой преступник, предпринявший несколько элементарных мер предосторожности, может остаться ненаказуемым. Наша ассоциация много раз пыталась установить более удовлетворительный базис для розыска преступников и предотвращения преступлений. Наша главная проблема заключается в многообразии полицейских организаций, в их всецело несопоставимых приемах, целях и масштабах деятельности и соответственно вытекающем отсюда хаосе информационных служб и исправительных систем. Однако все еще существует одно очевидное решение, и ассоциация продолжает, как и прежде, рекомендовать создание единой официальной полицейской системы для поддержания закона и порядка во всей Ойкумене.

Преимущества такой системы очевидны: стандартизация процедуры, использование новейшего оборудования и концепций, унификация контроля, централизованная служба обработки информации и ее сбора и — что, возможно, явля-

ется наиболее важным — создание и поддержание духа профессиональной гордости с целью привлечения к себе и удержания в своих рядах мужчин и женщин с выдающимися способностями.

Как всем известно, нам отказывали в создании подобного централизованного агентства, несмотря на все наши неоспоримые доказательства его достоинства. Официальная мотивировка такого отказа также хорошо известна, и я не собираюсь еще раз приводить ее. Я только скажу, что моральный дух полиции все больше падает и, возможно, вскоре исчезнет вовсе — если только не будут приняты хоть какие-нибудь меры.

Сегодня я намерен представить вам на рассмотрение, господа, предложения об этих «каких-нибудь» мерах. Наша ассоциация является частной организацией группы отдельных частных лиц. У нее нет официального статуса, и она ни в коей мере не связана с каким-либо правительственным учреждением. Короче говоря, мы свободны в своих действиях и можем предпринимать все что захотим, можем заниматься любым делом, каким нам заблагорассудится, коль скоро мы не будем идти вразрез с законами.

Я предлагаю, чтобы эта ассоциация принялась за дело организации частного агентства уголовного розыска. Новая компания будет чисто коммерческим предприятием, финансируемым деньгами ассоциации и частными взносами. Штаб-квартира ее разместится в каком-нибудь центральном и удобном месте, но с отделениями на каждой планете. Наш персонал будет набираться среди членов данной ассоциации и других квалифицированных лиц. Он будет хорошо оплачиваем из сумм гонораров и прибыли. Откуда мы возьмем эти гонорары и прибыль? Прежде всего из местных органов полиции, которые будут воспользуются некоторыми услугами этого нового межпланетного агентства, вместо того чтобы тратить огромные суммы на содержание своих соответствующих служб. Поскольку агентство предполагается, как частная деловая организация, работающая в рамках как местных законов, так и межпланетного законодательства,

критикам наших прежних проектов на этот раз нечего будет сказать.

... со временем Межпланетная Полицейская Служба Координации Органов Полиции, сокращенно «Интергалактопол», сможет функционировать с большой пользой. С течением времени ей поручат всю работу по уголовному розыску и профилактике преступности. Сюда, правда, не войдут задачи чисто местного значения. По мере расширения сферы деятельности Службы следует ожидать значительного уменьшения числа региональных полицейских органов. У нас будут свои собственные лаборатории, исследовательские программы, наиболее полные досье и в высшей степени квалифицированный персонал, набранный, как я уже говорил, среди членов ассоциации и других лиц. Имеются ли вопросы?

Вопрос из зала: Существуют ли причины, по которым служащие полиции местных органов самоуправления или государственной полиции не могут одновременно с этим быть членами персонала «Интергалактопола»?

Ответ: Это весьма важный пункт. Нет, таких причин не существует. Я не вижу противоречия между всеми вышеперечисленными организациями, и есть все основания надеяться, что служащие местных органов полиции автоматически захотят стать в ряды членов «Интергалактопола»! И это пойдет только на пользу, как нашей организации, так и местной полиции, не говоря уже о частных лицах. Другими словами, служащий местной полиции ничего не потеряет, зато приобретет очень многое, передавая дела в «Интергалактопол» и получая соответствующее вознаграждение как член его персонала.»

/Выдержка из обращения Ричарда Парнелла, комиссара полиции Северной Территории планеты Комон в скоплении Ригеля, к Ассоциации служащих полиции, гражданской милиции и агентств уголовного розыска в Парилии на планете Ригель, 2 декабря 1075 года./

«Интергалактопол», номинально будучи органом для розыска преступников внутри Ойкумены, самым ходом расширения сферы своей деятельности был вынужден все больше переходить к операциям и за ее пределами, в так называемой Глуши.

Здесь, где единственными законами являются местные предписания и табу, «Интергалактопол» не может рассчитывать на особую поддержку. Как правило, его операции подвергаются обструкции. Агенты его рассматриваются как соглядатаи и шпионы, жизнь такого агента всегда балансирует на лезвии ножа. Центральное агентство «Интергалактопол» окутывает саваном секретности точное количество служащих этой организации, работающих за пределами Ойкумены, а также процентное соотношение потерь среди агентов. Предполагается, что первая цифра весьма низкая, вследствие трудностей при вербовке, вторая же является высокой, как следствие экстремальных условий работы, так и деятельности наиболее фанатического из творений человека «Корпуса по разоблачению шпионов».

... Вселенная бесконечна — существует бесчисленное количество миров, но как далеко надо забраться, чтобы найти ситуацию столь парадоксальную, причудливую и унылую, как эта: единственной организованной силой за пределами Ойкумены является организация по искоренению сил закона и порядка!

/ Из третьей главы книги Рауля Паота «Интергалактопол» — люди и методы. /

Герсен проснулся в незнакомой постели. Через маленькое квадратное окошко виднелось пасмурное небо. Он оделся и по каменной лестнице спустился в холл, где увидел, как один из сыновей Смейда, загорелый малый лет двенадцати со строгим лицом, пытается вдохнуть жизнь в угли камина. Он поздоровался с Герсеном, бросив отрывисто «Доброе утро», но не выказал при этом ни малейшего желания продолжать разговор. Герсен вышел на террасу. Утренний туман покрыл поверхность моря и клубился над вересковыми пустошами. Все вокруг казалось унылым и причудливо-одноцветным.

Чувство полной изоляции было в высшей степени удручающим. Озябнув, Герсен вернулся к разогревающемуся камину.

Мальчик подметал пол возле камина.

— Прошлым вечером произошло убийство, — сказал он Герсену. Маленький худой человек был убит. Сразу за сараем для сушки мха.

— Там было найдено тело? — поинтересовался Герсен.

— Нет. Тела не было. Они забрали его с собой. Трое мерзавцев, возможно, четверо. Отец вне себя от ярости, ведь они сделали свое грязное дело внутри изгороди.

Герсен покачал головой, недовольный любым из аспектов сложившегося положения. Он попросил завтрак, и вскоре ему принесли еду. Пока Герсен завтракал, карликовое солнце поднялось над горами — крохотная белая облатка, едва видимая сквозь туман. С моря подул ветром, и, когда Герсен снова вышел наружу, небо стало уже чистым, хотя маслянистая поверхность океана еще во многих местах была затянута клочьями тумана.

Герсен пешком отправился на север, вдоль пляжа, зажатого между океаном и горным обрывом. Под ногами был толстый ковер из губчатого серого мха, источавшего запах резины. Герсен взобрался на обрыв и в узкой долине в нескольких милях от таверны нашел корабль Тихальта. Корабль действительно был марки 9В, точно такой же, как и его. Привод и механизмы управления, казалось, находились в исправности. В нише носовой части размещался монитор, который стоил бедняге Тихальту жизни.

Герсен возвратился в таверну. Его первоначальный план, провести здесь несколько дней, следовало изменить. Малагате мог быстро обнаружить свою ошибку и вернуться вместе с Хильдемаром Даске и двумя убийцами. Они захотят забрать монитор Тихальта, а именно этого и решил не допустить Герсен, хотя он и не собирался рисковать жизнью, пытаясь сохранить автопилот в своих руках.

Возвращаясь в таверну, он заметил, что взлетное поле пусто. Звездный король покинул планету Смейда. Сегодня утром? Или в течение ночи? Герсен не имел представления об

этом. Он рассчитался с хозяином и, повинуясь какому-то импульсу, уплатил и по счету Луго Тихальта. Смейд ничего не сказал по этому поводу. Чувствовалось, что он едва сдерживает ярость. Конечно, причиной его ярости и был не Луго Тихальт, понял Герсен. Убийца, кто бы он ни был, — Даске обронил упоминание об Аттеле Малагате — поправил Закон Смейда, он причинил ущерб Смейду.

Герсен ощутил даже некоторое злорадство, которое ему с большим трудом удалось скрыть. Он вежливо справился:

— Когда покинул таверну Звездный Король?

В ответ на это Смейд лишь бросил на него злой взгляд.

Кирт собрал свою небольшую поклажу и покинул таверну, отклонив предложение о помощи со стороны мальчика. Он еще раз пересек серый вереск, двигаясь к северу. Поднявшись на обрыв, он обернулся в сторону таверны. Она стояла прочно и безопасно на берегу черного, продуваемого всеми ветрами моря — стояла совершенно одиноко. Герсен в сомнении покачал головой и сказал себе: «Все одинаковы. Всей душой куда-то стремятся, а когда приходят — удивляются, зачем они пришли сюда».

Еще несколько минут — и корабль взмыл в воздух. Он вывел его в космос и направил в сторону Ойкумены, включив предварительно Расщепитель.

Планета Смейда мгновенно ушла из-под кормы и вместе со своим карликовым солнцем исчезла, слившись в одну крохотную искорку среди миллионов ей подобных. Исчезло всякое ощущение расстояния, уступив место оптическим иллюзиям. Глаз как прибор потерял всякое значение, потому что не мог уже разобраться в окружавшем корабль хаосе мерцающих и кружащих звезд.

ГЛАВА 6

Герсен установил звездный определитель по индексу Ригеля, активировал автопилот и устроился поудобнее — насколько это позволяла спартанская простота модели 9В.

Малагате нужен был монитор Тихальта, именно это было той предпосылкой, которая обуславливала ход дальнейших событий. Малагате захочет вступить в переговоры, как сам, так и с той же долей вероятности через какого-нибудь из своих агентов. Хотя, подумал Герсен, он почему-то счел необходимым убить Тихальта собственноручно...

В этом было что-то загадочное. Почему была необходима смерть Луго Тихальта? Из-за простой озлобленности Малагате? Вполне возможно. Но Малагате убивал и производил опустошение в столь широких масштабах, что отнять жизнь у одного жалкого человечка было для него пустяком, вряд ли доставившим хоть какое-нибудь удовлетворение.

Гораздо более вероятным мотивом убийства была привычка, выработанный за многие годы шаблон. Для того чтобы прервать любые отношения с человеком, который в дальнейшем мог быть помехой, таким, как Малагате, было проще всего убить его...

Третья возможность: может быть, Тихальт зашел слишком далеко в раскрытии анонимности, которой Малагате из

всех Демонов Тьмы придавал наибольшее значение? Герсен попытался поподробнее вспомнить весь разговор с Тихальтом. Несмотря на свой потрепанный и удрученный вид, Тихальт казался человеком образованным. В его жизни были гораздо лучшие дни. Почему он обратился к пользующейся сомнительной репутацией профессии разведчика? На этот вопрос, конечно, по существу ответа не было. Почему человек начинает действовать в каком-нибудь направлении? Почему и как человек, который рождается обыкновенным ребенком от обыкновенных родителей, становится Малагате-Горе?

Тихальт намекал или указывал на то, что Малагате был каким-то образом связан с наймом разведывательных кораблей.

Не упуская из виду эту мысль, Герсен произвел тщательную проверку корабля. Он нашел традиционную медную табличку с указанием места производства:

«Ливерстаун, планета Фиам, Скопление Ригель».

На мониторе также была бронзовая табличка с указанием серийного номера и производителя:

**22254/6587 Компания точных приборов «Ферици»,
Санонтиана, планета Оллифейн.**

Но не было ни упоминания владельца, ни регистрационного свидетельства.

Значит, при необходимости пришлось бы проследживать принадлежность корабля косвенным путем. Герсен всесторонне обдумал, как это сделать. Монополии по торговле недвижимостью владеют двумя третями всего парка кораблей-разведчиков. Предметами их торговли являются миры со специфическими характеристиками — планеты с высоким содержанием в коре ценных минералов, пригодные для колонизации группами инакомыслящих; космические тела, достаточно приятные для того, чтобы служить местом отдыха для миллионеров; планеты, флора и фауна которых настолько экзотична, что служит приманкой для биологов или дельцов по поставке экспонатов в музеи и зоопарки; гораздо реже — земноподобные тела с разумной или полура-

зумной жизнью, представляющие интерес только для социологов, этнографов, лингвистов и т.д.

Компании по торговле недвижимостью были сосредоточены в космополитических центрах Ойкумены на трех-четыре планетах Скопления, главной из которых был Альфинор, на некоторых планетах Веги и Кассиопеи на Старой Земле.

Местом старта, если следовать логике, должно было быть только Скопление, но это при условии, что Луто Тихальт работал на одну из компаний Ригеля. Но это не было обязательным, поскольку, как припомнил Кирт, Тихальт указывал на что-то противоположное.

Если это было так, то сфера расследования значительно сужалась. После монополий главными нанимателями разведчиков были университеты. Тут в голову Герсена пришла одна мысль. Если Тихальт был когда-то студентом или сотрудником определенного лица, колледжа или университета, то он, скорее всего, обратился бы в это самое учреждение для того, чтобы его наняли.

Однако Герсен тут же поправил себя: такая связь вовсе не была обязательной. Человек гордый, имевший хороших друзей и знакомых, мог бы воспользоваться этой возможностью только в случае крайней необходимости. Но был ли Тихальт гордым человеком? Именно в этом смысл — не особенно! Тихальт как раз и был таким человеком, который мог бы с легкостью обратиться за помощью в свою «альма-матер».

Но был еще один очевидный источник информации — компания точных приборов «Ферици» в Сансонтиане, где монитор должен был быть обязательно зарегистрирован на имя покупателя. И это направление все больше нравилось Герсену — была причина, по которой было просто необходимо посетить фирму «Ферици». Кирт хотел открыть монитор и извлечь содержащуюся в нем информацию. А для этого ему нужен был ключ. Мониторы зачастую были снабжены предохранительными устройствами против чужого проникновения: в виде окислительных ампул или взрывных приборов, так что насильственное извлечение содержимого редко приводило к получению полезной информации.

Служащие фирмы «Ферици» равно могли либо быть полезны Герсену в безопасном открывании монитора, либо остаться равнодушными к его просьбе.

СансонтIANA была населена брейгианами, представителями одного из девятнадцати независимых народов Оллифейна. Они слыли своевольными, упрямыми и весьма своеобразными людьми. Закон Скопления, однако, не признавал частных заявок вне пределов Ойкумены и не потворствовал применению взрывных устройств. Исходя из этого, был издан Закон, по которому для оборудования на борту космических кораблей «производителям подобных устройств, мониторов, предписывается представлять ключи, активирующие аппаратуру, дешифраторы, последовательности чисел и любые другие устройства, инструменты либо информационные сведения, необходимые для безопасного открывания приборов. Такое представление должно быть осуществлено без задержки, обжалования, преднамеренного ввода в заблуждение, завышения оплаты или каких-либо иных действий, рассчитанных на задержку просителя при получении ключа, декодирующего устройства или необходимой информации во всех тех случаях, когда посетитель способен предъявить свои права на владение указанным прибором. Представление серийной таблички, первоначально или впоследствии прикрепленной изготовителем к прибору, должно считаться достаточным и правомочным свидетельством права на собственность».

Исходя из таких правил, Герсен вполне мог требовать и надеяться получить ключ. Но компания могла не предоставить сведений относительно прежней регистрации прибора. Особенно если Малагате подозревал бы, что Герсен может прибыть в СансонтIANу с целью выяснить личность владельца монитора. Вполне возможно, что Аттель уже предпринял определенные шаги для предотвращения разглашения такой информации.

Подобная мысль открывала целый набор новых возможностей. Герсен нахмурился. Не будь он таким осторожным и систематичным, все эти варианты могли и не прийти ему в голову. При этом он был бы избавлен от изрядной доли со-

мнений и проблем, но скорее всего при этом он и умер бы быстрее... Он покачал головой и принялся за звездные карты.

Неподалеку от курса его корабля находилась звезда Лебедь 7342. Население ее планеты Зувилль, неприятное и подверженное психозам, жило в пяти городах: О, Ни, Ми, Дан и Ви, каждый из которых был построен в виде пятиугольника с центральной пятиугольной цитаделью. Космопорт, расположенный на отдельном острове, имел среди населения Галактики оскорбительное прозвище «Клоака». Все, что было нужно Герсену, можно было найти в этом космопорте. У него не возникало никакого желания посещать эти города, особенно потому, что для посещения каждого требовалось вместо пропуска сделать татуировку звезды на лбу, причем для каждого города другого цвета. Для того чтобы посетить все пять поселений зувилльцев, предполагаемый турист должен был предъявить все пять звезд черную, оранжевую, лиловую, желтую и зеленую.

ГЛАВА 7

Сэр Джулиан Хоув, по всей вероятности, заимствовал свое мировоззрение у исследователей времен позднего Ренессанса. По возвращении на Землю члены его команды окружили себя (или их окружили) атмосферой строгой секретности и осторожности. И тем не менее подробности всегда просачивались. Сэр Джулиан Хоув, если пользоваться наиболее исчерпывающим термином, был педантом. Кроме того, он был абсолютно лишен чувства юмора. Он обладал волнистым, совершенно одинаковым пробором на каждый день, водянистыми глазами; и говорил он не шевеля губами. Хотя он и не требовал, чтобы его экипаж переодевался к обеду или ужину в парадные мундиры, некоторые из его правил отличались почти таким же педантизмом...

Употребление имен было категорически запрещено, нужно было отдавать честь в начале и конце каждой вахты (хотя зачастую большинство экипажа состояло из гражданских лиц). Техникам, специалистам, специальность которых не была связана с научной деятельностью, запрещалось и ногой ступать на обвoroжительные новые планеты — этот приказ едва не стал причиной бунта, если бы первый помощник сэра Джулиана Говард Коук не закрывал глаза на его непрерывные нарушения.

Самым замечательным в деятельности сэра Джулиана было открытие Скопления Ригеля: двадцать шесть прекрасных планет, большинство из которых не просто годились для обитания, но и имели прекрасный здоровый климат, и только на двух из них обитали полужемные существа. Сэр Джулиан, пользуясь своим правом первооткрывателя, называл эти планеты фамилиями героев своего детства: Архиепископ Гоур, Эдит-Мак-Девот, Вильям Деркудбайт, Редьярд Киплинг, Сэмюэль Горшем и тому подобное.

Но Сэр Джулиан вскоре был лишен радости лицезреть эти названия на звездных картах. Он отправил телеграмму с сообщением о своем возвращении через Космическую станцию Модли вместе с описанием Скопления и названиями, которыми он нарек эту замечательную группу планет.

Список прошел через руки какого-то неизвестного клерка, некоего Роджера Пилхэма, который с отвращением отверг названия сэра Джулиана. Каждой из двадцати шести планет он назначил одну из букв латинского алфавита и поспешно дал им новые названия, среди которых были: Альфанор, Диоген, Фиаме, Джезабел, Мадагаскар, Сион, Закаранда — названия, взятые из легенд и мифов и просто придуманные его собственной фантазией. Одна из планет имела спутник, описанный в сообщении как «своеобразный» осколок базальта причудливой формы», и этот Роджер Пилхэм назвал его «Сэр Джулиан».

Печать получила и опубликовала этот новый список и таким образом стали известны планеты Ригеля, хотя лица, хорошо знавшие сэра Джулиана, изумлялись неожиданной экстравагантности его воображения. Предполагалось, что все это объяснится по прибытии сэра Джулиана.

Клерк Роджер Пилхэм вскоре снова нырнул в безызвестность, из которой он появился. Неизвестно, как он вел себя или в каком был состоянии по мере того, как возвращение сэра Джулиана становилось все ближе. Ощущал ли он неоправданность того, что совершил? Чувствовал ли неловкость? Равнодушие? Вне всяких сомнений, он свихся с перспективой увольнения со своей должности, так как догадывался, что

сэр Джулиан не оставит все это, как только узнает, кто в конечном итоге виноват.

В положенное время сэр Джулиан вернулся триумфатором и в одном из интервью, данном сразу же после возвращения, обронил фразу, которая повергла в недоумение слушателей: «Наибольшее впечатление производит хребет Нью-Греппиан на Северном материке Лорда Булвер-Литтона».

Его вежливо спросили о местонахождении Лорда Булвер-Литтона, и вот тогда-то и раскрылась подмена.

Реакцией сэра Джулиана была необузданная ярость. Клерк благоразумно скрылся. Сэру Джулиану предложили затеять процесс о восстановлении данных им названий, но ущерб был уже непоправимым. Легкомысленный поступок Роджера Пильхэма завоевал расположение публики, и терминология сэра Джулиана постепенно выветрилась из памяти...

/ Из монографии Ральфа Квероу «Новые открытия в космосе»./

«Планета Альфанор является административным и культурным центром Скопления Ригеля. Она следует восьмой в общем списке двадцати шести жемчужин, открытых в свое время сэром Джулианом Хоувом».

Ее параметры:

Диаметр 9300 миль

Масса 1,2 от массы Земли

Длительность суток 29 часов, 16 минут, 29,4 секунды

Общие замечания:

Альфанор в основном покрыт океаном и имеет устойчивый климат. Океан покрывает три четверти общей площади планеты, включая сюда и полярные льды. Материковая масса разделяется на семь близко расположенных континентов: Фригию, Умбрию, Лузитанию, Скифию, Этрурию, Лидию и Ликию, конфигурация которых напоминает семь лепестков цветка. Имеются бесчисленные острова.

Туземная жизнь сложная и разнообразная. Растительность никоим образом не отступает под натиском завезен-

ных с Земли видов, за которыми поэтому приходится очень бережно ухаживать и всячески удобрять почву. Не менее разнообразной и жизнестойкой является фауна, которая зачастую бывает весьма агрессивной. Достаточно упомянуть очень умного «гиркана» с севера Фригии или «невидимого угря» Волшебного Океана.

Для политической жизни Альфанора характерна пирамидальная демократическая структура — простая теоретически, но практически запутанная. Материки делятся на провинции, те, в свою очередь, на префектуры, затем идут округа и районы: в качестве этих последних выступают местности с населением в пять тысяч человек. Каждый районный комитет посылает своих представителей в окружной совет, который избирает депутатов в парламент префектур, которые посылают делегатов на провинциальный конгресс, который, в свою очередь, избирает представителей в парламент материка. Каждый парламент избирает семь членов Большого Совета, который заседает в городе Авенте, в Морской провинции Умбрии, и избирает в конце концов президента».

/ Из «Краткого Справочника Планет», 308-е издание, опубликованное в 1092 году. /

«... Население Скопления далеко не однородно. Во время переселения с Земли отдельные расовые группы сохраняли свою обособленность, и в новом окружении, под влиянием близкородственных браков и новых обычаев в поведении, эти группы обособились еще больше. Население Альфанора в основном светлокожее, с каштановыми волосами, среднего роста, хотя достаточно прогуляться всего час по Гранд-бульвару в Авенте, чтобы встретить людей самой различной внешности.

Гораздо труднее объяснить психологию обитателей Альфанора. Каждая обитаемая планета в этом отношении отличается от другой, и хотя различия реальны и достаточно отчетливы, их трудно выразить достаточно точно и последовательно — особенно в связи с тем, что каждое обоб-

щение в масштабах планеты опровергается или уточняется местными региональными отличиями».

/ Из предисловия к книге Страйка и Чертница «Народы Скопления». /

Расположенный прямо по курсу, Ригель отсюда казался ярко-голубой точкой, в сиянии которой блекли другие звезды. Единственное, что сейчас оставалось Герсену, — это размышлять о цели своего полета, борясь с напряженностью и беспокойством, все больше растущими внутри него по мере того, как увеличивалось количество возможных вариантов поведения Аттеля Малагате и соответствующих ответных ходов Герсена.

Проблема номер один: где совершить посадку? Не нарушая законов, он мог посадить свой корабль в любом из ста восьмидесяти трех космопортов на двадцати двух из двадцати шести миров. Кроме того, он мог бы воспользоваться и бесчисленными пустынями и незаселенными местами. При этом, правда, рискуя подвергнуться аресту за нарушение карантинных правил.

Насколько сильно Малагате хотел заполучить монитор Тихальта? Устроит ли он наблюдение в каждом из космопортов? Теоретически это можно было сделать, подкупив служащих. Самым дешевым и скорее всего самым действенным способом было бы объявление внушительной награды тому, кто сообщит о прибытии Герсена. Конечно, он мог предпочесть совершить посадку в любой другой планетной системе, и, разумеется, было бы затруднительно устраивать надзор за всеми космопортами Ойкумены.

Но в намерения Герсена совсем не входило стремление где-то укрыться. Затем ему нужно было опознать Малагате. Для выполнения этой задачи напрашивалось два способа: он мог проследить за регистрационным номером монитора либо ждать, пока на него не выйдет кто-либо из людей Малагате, а затем попытаться проследить по инстанциям вплоть до самого источника власти в этой преступной организации.

Малагате же скорее всего примет во внимание намерение Герсена извлечь содержимое монитора и поэтому, вероятно,

будет проявлять особую бдительность в космопорте Киндью, обслуживавшем Сансантиану.

Но тем не менее, основываясь на целом ряде неопределенных причин, Герсен решил сесть в Главном межпланетном космопорте в Аvente.

Он приблизился к Альфанору, спустился на посадочную орбиту, перевел автопилот в режим стандартной автоматической посадки и вновь откинулся в кресле. Корабль сел, ревя тормозными дюзами, на обожженную землю посадочного поля.

Двигатели выключились, и наступила тишина. Автоматически зашипели клапаны, выравнивая давление между кабиной и атмосферой планеты.

В автомобиле на воздушной подушке прибыли чиновники космопорта. Герсен ответил на вопросы, подвергся краткой медицинской проверке, получил пропуск на выход из космопорта и проводил чиновников до дверей своей ракеты. Вскоре прибыл автокран, поднял корабль и отвез его на свободное место на стоянке, расположенной в дальнем конце поля.

Герсен опустился на землю, чувствуя себя уязвимым, как будто был обнажен. Поманив рукой ближайшую летающую тарелку, он собрался заняться демонтажем монитора. Но тут из-за корпуса ближайшего корабля вышли двое и Кирт моментально узнал одного из них — уроженца Саркоя, который сопровождал Хильдемара Даске в таверне Смейда.

Когда они приблизились, Герсен сделал вид, что не заметил их появления, но все его органы чувств напряглись до такой степени, что ни одно их движение не могло остаться незамеченным.

На уроженца Саркоя темнел скромный серый костюм, и только в эполетах его блестели шпалы. Его спутник — худой мужчина, с соломенного цвета волосами и проворными светло-серыми глазами, был одет в свободный рабочий костюм синего цвета.

Они остановились в двух шагах и стояли, казалось, без особого интереса наблюдая за этим, им неизвестным, человеком. Герсен, подняв взгляд, также сделал безразличный вид, скользнув глазами по пришельцам, хотя по коже его пробе-

жали мурашки и пульс заколотился сильнее. Уроженец Саркоя прошептал что-то своему спутнику и подошел поближе.

— Мне кажется, что мы встречались с вами, — спокойно, но немного язвительно произнес он.

— Ваше имя мне неизвестно, сэр, — пожал плечами Герсен, не отрываясь от своего дела.

— Меня зовут Сутиро. Мивиж Сутиро.

Герсен внимательно посмотрел на саркоита: это был человек среднего роста, с удивительно плоской головой, характерной для жителей степной зоны Саркоя, в ширину его лицо было больше, чем в длину. Он отличался невыразительными тускло-оливковыми глазами, вздернутым носом с темными ноздрями, широким ртом с толстыми губами — лицом, сформированным более чем тысячу годами специализации и близкородственных браков.

Обитатели Ойкумены имели весьма невысокое мнение о жителях Саркоя, прежде всего, из-за их отвратительных привычек во время еды и чрезмерной активности и неприкрытости сексуального поведения, зачастую превращавшегося в откровенный эксгибиционизм. С презрением на Саркое относились и к любому виду спорта, кроме одного, известного под названием «харбит», который заключался в избивании зариканов — крупных, покрытых щетиной полуразумных двуногих существ, населяющих леса северной планеты. Несчастное создание, доведенное до крайности голодом, загонялось в круг людей, вооруженных вилами и факелами, приводилось огнем в состояние бешенства и непрерывно удерживалось в центре круга при каждой попытке бегства.

Саркой, единственная планета зеленой звезды Змееносца, являлась миром мрачных степей, болот, дремучих лесов и трясин. Саркоиты жили в высоких деревянных домах, окруженных частоколами из древесных стволов. Даже самые крупные их города могли подвергаться нападению бандитов и кочевников из полупустынь.

По традициям и накопленному опыту саркоиты были законченными отравителями. Убить человека каждый из них мог очень легко, просто пройдясь рядом с ним.

Глядя на собеседника, Герсен не мог уловить признаков так называемого «дыхания смерти», характерного для наемных убийц. Эта привитая способность укорачивала их жизнь, придавая коже желтоватый глянец и ускоряя отверждение волос. Кожа Сутиро имела бледно-матовый отлив, волосы курчавились и черно блестели, на его правой щеке выделялась татуировка маленького мальтийского креста одного из аристократических кланов Саркоя.

— Прошу прощения, уважаемый Сутиро, но ваше имя я слышу впервые. Что-то я не помню, чтобы мы с вами где-то встречались, — сказал Герсен.

— О, — глаза убийцы расширились, когда он услышал почтительные слова Герсена. — Вы бывали на Саркое? На нашем любимом зеленом Саркое, с его безграничными степями и веселыми фестивалями?

— Веселыми, пока еще есть зариканы! А что будет, когда вы замучите последнего?

Сутиро как представитель расы, привыкшей спокойно переносить все оскорбления, не подал виду, что обиделся на слова Герсена.

— Будем веселиться друг с другом. — Я вижу, что вы хорошо знакомы с моей родной планетой.

— Довольно неплохо. Возможно, вы могли меня видеть на Саркое.

— Вряд ли, — уклончиво ответил Сутиро. — Мы виделись с вами в другом мире, и притом совсем недавно.

Герсен покачал головой.

— Это невозможно, я только что прибыл из Глуши.

— Вот именно. Там мы и встречались, в таверне Смейда.

— Неужели?

— Да, я прибыл туда с несколькими попутчиками, чтобы встретить своего друга Луго Тихальта. Разволновавшийся Луго в замешательстве покинул планету Смейда на вашем великолепном корабле. Разве вы не обнаружили этого?

Герсен засмеялся.

— Будь у Тихальта намерение извиниться передо мной или сохрани он какое-то недовольство, я уверен, что он обязательно нашел бы меня.

— Точно, — кивнул Сутиро. — Луго Тихальт послал меня уладить ваши взаимоотношения. Он просит прощения за допущенную ошибку и желает только, чтобы я принес ему монитор.

Герсен покачал головой.

— Вы не сможете забрать его.

— Нет? — Сутиро подвинулся поближе. — Луго предлагает вам тысячу севов (стандартных единиц валюты Ойкумены) в качестве компенсации за допущенную ошибку.

— Их я приму с благодарностью. Давайте деньги.

— А монитор?

— Я верну его, когда Тихальт сам прибудет за ним.

Худошавый спутник Сутиро раздраженно цокнул языком, но Сутиро только улыбнулся.

— Но как же это получается? Вы получите свои деньги, а монитор нам не отдадите? Где же справедливость?

— А зачем он вам? Во-первых, это монитор Луго Тихальта, поэтому я только ему отдам прибор. Во-вторых, передача мне денег является вполне законной операцией, если только Тихальт поручил вам это сделать. Можете положиться на мою честность...

— Мы не собираемся испытывать вашу честность, — прервал его саркоит. — Мы просто предлагаем вам сейчас же, здесь, отдать нам этот аппарат.

— Ну, уж если начались угрозы, то монитора вам не видать как своих ушей. По-моему, у меня возникает желание самому заняться его содержимым.

— Об этом не может быть и речи!

— Что ж, попробуйте остановить меня, — Герсен возобновил прерванную работу и снял пломбы с кожуха монитора.

Сутиро спокойно наблюдал за этим. Он только сделал знак худому, и тот, сделав несколько шагов назад, стал настороже.

— Я бы мог остановить вас... так неожиданно, что вы превратились бы в мраморную статую, — Сутиро оглянулся через плечо на худого; тот кивнул ему, и показал оружие, которое внезапно оказалось в его руке. — Я могу вызвать у

вас сердечный приступ, кровоизлияние в мозг или спазмы кишечника — по вашему собственному усмотрению!

Герсен прекратил работу и глубоко вздохнул.

— У вас впечатляющие аргументы. Сколько вы мне заплатите?

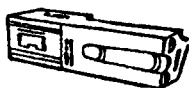
— Вот та тысяча, о которой я уже упоминал.

Он швырнул собеседнику пачку банкнотов, затем сделал знак своему напарнику, который сейчас же подошел к Герсену и, взяв инструменты в руки, начал со знанием дела демонтировать монитор. Герсен подобрал деньги, пересчитал их и отошел в сторону. Худой передал монитор Сутиро, тот бросил его в сумку и, не проронив больше ни слова, повернулся и пошел прочь. Худой бросился его догонять.

Герсен тихо засмеялся. Этот монитор он купил недавно за четыреста севов. Монитор же Тихальта находился в безопасности внутри корабля.

Герсен вернулся в кабину и задраил все люки. Главным теперь было время. Сутиро понадобится около десяти минут, чтобы сообщить о своем успехе то ли Даске, то ли, возможно, самому Малагате. Во все космопорты будут сейчас же отсланы директивы о снятии тревоги. Малагате получит монитор, если Герсену посчастливится, через несколько часов, а может быть, и дней, в зависимости от стечения обстоятельств. Добавочная задержка возникнет, когда будет обнаружена подмена, и тогда организация вновь будет приведена в состояние боевой готовности, сосредоточив свое внимание на компании точных приборов «Ферици» в Сансониане на Оллифейне.

К тому времени Герсен надеялся уже побывать там, и за этот период разузнать все необходимое, после чего успеть смыться. Поэтому, не теряя больше времени, Кирт включил двигатели, поднялся в голубое небо Альфанора и направил свой корабль на Оллифейн.

ГЛАВА 8

Оллифейн — девятнадцатая планета Скопления Ригеля, диаметр 6700 миль, масса 0,9 земной и т.д.

Общие замечания: Оллифейн имеет наибольшую плотность среди планет Ригеля, и орбита ее находится на границе обитаемой зоны системы.

Согласно одной из гипотез, когда распалась протопланета Третьей группы, Оллифейну досталась непропорционально большая доля минералов ее коры. В любом случае до самого последнего времени Оллифейн подвержен активной вулканической деятельности, и даже сейчас на нем имеется девяносто два действующих колосса.

Оллифейн очень богат тяжелыми минералами. Пересеченный рельеф определяет огромный гидропотенциал, дающий самую дешевую электроэнергию по сравнению с другими источниками. Упорное и дисциплинированное население, используя эти преимущества, превратило Оллифейн в наиболее индустриально развитую планету Скопления, с которой мог бы соперничать разве только Тантамаунт с его верфями космических кораблей и Лайонисса с ее грандиозными металлургическими заводами компании «Гиом».

Оллифейн — относительно прохладное и влажное космическое тело, с населением, сосредоточенным в основном

только в экваториальном поясе по берегам озера Клэйр. Здесь и расположены десять крупнейших городов, среди которых выделяются Киндьюн, Сансонтиана и Нью-Оскининг.

В равной степени Оллифейн обеспечен и возможностями производства продуктов питания. Немногие из других обитаемых миров потребляют столько натуральных продуктов, так что среднее потребление их на душу населения здесь самое высокое среди планет Скопления и третье среди главных планет Ойкумены. В горных долинах, окружающих города, развито животноводство и производство различных овощей.

Население является смешанным, хотя первоначально переселилось из колонии на одной из планет в системе Северного Сияния. Типичные представители его имеют светлые либо каштановые волосы, ширококостны, часто склонны к тучности, не имеют привычки красить свою отличную кожу. Их уважают за твердую приверженность определенным принципам, умеренность в личной жизни; однако жители Оллифейна с большим энтузиазмом проводят всепланетные фестивали, что является эмоциональной разгрузкой для них, в повседневной жизни вежливых и сдержанных людей.

Кастовая система, хотя и не имеет легального статуса, пронизывает все слои социальной жизни планеты. Права и обязанности каждой четко определены и ревностно контролируются. Язык един и настолько развит, что допускает не менее дюжины способов свободного общения.

/ Из краткого справочника планет издательства «Спейс Букс», 1045 год. /

«Для посетителя планеты наблюдать за тем, как двое ольфов, незнакомых друг с другом, определяют кастовую принадлежность, весьма поучительное зрелище. Вся операция происходит практически мгновенно, и на первый взгляд кажется интуитивной, поскольку обе стороны могут быть одеты в стандартные одежды.

Я расспрашивал многих ольфов об этом, но до сих пор не могу утверждать что-либо определенное.

Прежде всего большинство ольфов решительно отрицают существование кастовой структуры их общества и представляют его абсолютно однородным. Затем, сами ольфы не совсем уверены в том, каким образом они определяют кастовую принадлежность незнакомца.

По моим предположениям, ключом к разгадке являются подсознательно быстрые и почти неразличимые движения глаз, причем характерная смена выражения их является отличительной чертой каждой касты. Движения рук и ног могут служить этой же цели.

Как и можно было ожидать, высокопоставленные лица в иерархии образуют почти закрытые и высокопочитаемые касты. Особенно это касается Гражданской Опеки, как ольфы называют свою позицию».

/ Из статьи Фрерба Ханкберта «Кто есть кто в Оллифейне», опубликованной в номере 513 «Журнала антропологии»./

Герсен приземлился в космопорте Киндьюна и, прихватив с собой в портфеле монитор Тихальта, сел в метро, ведущее в Сансонтиану. Насколько он мог судить, никто не обратил внимания на его прибытие и никто не последовал за ним. Но теперь времени оставалось все меньше и меньше. В любое мгновение Малагате мог обнаружить, что его одурачили и возжаждать мести.

Некоторое время после свидания с Сутиро Герсен чувствовал себя в безопасности, но тем не менее он произвел несколько классических маневров, чтобы обезопасить себя от «прилипал» или от «трейсеров».

Существовало, по крайней мере, пять разновидностей так называемых «прилипал», пригодных для всевозможных случаев. Этим названием живущего на Земле определенного вида рыб называли оптические ячейки на вращающихся крыльях, управляемые на расстоянии оператором; помимо них, существовали и автоматически действующие ячейки, которые следовали за радиоактивной или монохроматической нашлепкой, незаметно прикрепленной или брызнутой на расстоянии на определенного человека или экипаж. Были

еще шпионы-кульпы, полумразумные летающие создания, специально выдрессированные для следования за представляющим интерес объектом (они были умны, послушны, всегда готовы к сотрудничеству, но сравнительно велики по размерам и поэтому легко заметны). К прилипалам относили также и птиц-шпионов Манкса — созданий меньших размеров и менее навязчивых, выдрессированных специально для ведения слежки. Они, однако, были не столь покорны и понятливы, как кульпы, да к тому же еще и более агрессивны. И наконец, была еще одна разновидность птиц Манкса — «трейсеры», похожие на предыдущие создания, но снабженные устройствами управления.

Не обнаружив ничего подозрительного, Герсен поместил монитор в автоматическую камеру хранения на станции пересадки под отелем «Ранунпель», оставив при себе только медную табличку с серийным номером. Затем экспрессом он отправился в лежащую в восьмидесяти милях к югу Сансонтиану. Прибыв туда через пятнадцать минут, он узнал в справочном бюро адрес компании «Ферици» и вскоре вышел со станции всего в нескольких стах метрах от проходной, в самом центре района Ферристаун, мерзкого нагромождения промышленных зданий и складов, с затесавшимися среди них случайными тавернами, представляющими из себя красочно оформленные укромные уголки среди кирпича, труб и металла.

Стояло утро, брусчатка мостовой была еще темной от ночного дождя, улицы загромождали шестиколесные фургоны. Казалось, весь район был пронизан непрекращающимся гулом машин.

Пока Герсен шел к проходной, раздался резкий короткий вой сирены, означающий пересменку. Сейчас же тротуары заполнились рабочими. Это были бледные люди с невыразительными, не улыбающимися лицами, одетые в теплые, хорошо сшитые комбинезоны одного из трех цветов: серого, темно-синего или желто-коричневого. С ними контрастировали черные или белые пояса и черные круглые шапки. Все это считалось стандартной одеждой, которую выдавало

правительство, такое же бескомпромиссное, осторожное и лишенное чувства юмора, как и его избиратели.

Прозвучали еще два отрывистых сигнала сирены, и как бы по мановению волшебной палочки улицы опустели — рабочие опрометью бросились в здания, как тараканы от неожиданного включения света.

Мгновением позже Герсен подошел к раскрашенному бетонному фасаду, на котором большими бронзовыми буквами было выведено: «ФЕРИЦИ», а ниже Крючковатым шрифтом — «Точные приборы».

Снова возникла необходимость раскрыться перед противником — перспектива далеко не очень приятная. Однако тут он ничего не мог поделать. Герсен прошел через проходную в длинный, тускло освещенный коридор, затем в бетонный туннель, который через полсотни шагов вывел его к конторе предприятия.

Здесь к нему подошла немолодая уже женщина приятной наружности и с хорошими манерами. На ней был темно-синий костюм; в соответствии с местными правилами женщины на работе носили мужскую одежду с черным поясом. Узнав в Герсене инопланетянина неизвестной касты, она любезно поклонилась и спросила низким почтительным голосом:

— Чем, сэр, мы можем служить вам?

Герсен протянул ей медную табличку.

— Я потерял ключ от своего монитора, и мне нужен его дубликат.

Женщина заморгала от неожиданности и на мгновение как будто забыла о хороших манерах. Она нерешительно взяла табличку, держа ее между большим и указательным пальцами, как будто она была заразная, и, отведя голову вбок, глянула искоса.

— Так что же? — неожиданно резким голосом спросил Герсен.

— Сейчас новые правила, — пробормотала женщина. — Мне предписано... я должна посоветоваться с главным контролером Монсенсеном. Простите меня, сэр...

Она почти на цыпочках направилась к боковой двери и скрылась. Герсен ждал. Подсознательные ощущения заставляли его все больше нервничать, даже больше чем следовало: такое возбужденное состояние затрудняло ясность мышления, искажало точность наблюдений...

Женщина медленно возвратилась к барьеру в конторе, постепенно оглядываясь по сторонам и стараясь не смотреть Герсену в глаза.

— Одну минуту, сэр. Пожалуйста, подождите... нужно посмотреть кое-какие записи, вы сами понимаете, когда спешить...

— А где табличка с серийным номером, которую я вам только что дал?

— Главный контролер Монсенсен забрал ее.

— В таком случае я хотел бы сейчас же поговорить с этим главным контролером.

— Сейчас я спрошу у него.

— Пожалуйста, не беспокойтесь. — И не обращая внимания на ее протестующий писк, он бросился в дверь мимо нее в помещение. За столом сидел тучный мужчина с одутловатым лицом в причудливом голубовато-сизом одеянии, говоря с кем-то по телефону и рассматривая табличку с серийным номером, которую он держал в руке. Увидев Герсена, он поднял брови, челюсть его отвисла от неожиданности и страха. Он быстро опустил телефонную трубку и, прежде чем закричать, пробежал взглядом по одежде вошедшего.

— Кто вы такой, сэр? Почему вы ворвались в мой кабинет без приглашения?

Герсен подскочил к столу и вырвал у толстяка медную табличку.

— А с кем это вы говорили по телефону в связи с моим делом?

Монсенсен надменным свирепым голосом заорал:

— Это не ваше дело, сэр! Нисколько не ваше, сэр! Какая дерзость! Я сейчас же призову сюда Опекунов!

Герсен пожал плечами и произнес спокойным голосом:

— Ну, что ж, думаю, что Опекунов очень заинтересуют ваши противозаконные действия. Я просто не знаю что и думать, видя, как вы беззастенчиво попираете законы!

Монсенсен откинулся в кресле, нервно отдуваясь. Опекуны принадлежали к столь высокой касте, что различия между ними и Монсенсеном или его секретаршей были огромны. У них не было ни малейшего почтения к отдельным личностям, они имели склонность верить обвинениям гораздо больше, чем оправданиям невиновного. Они носили мундиры из роскошной толстой шерсти, которая в зависимости от освещения принимала тот или иной оттенок: темно-фиолетовый, сочно-зеленый, золотистый. Будучи не столь высокими, сколь сосредоточенно-серьезными, они вели себя в полном соответствии с тем, что подразумевали обязанности касты.

На Оллифейне мучительные наказания налагались как дешевое и гораздо более действенное средство устрашения, чем штрафы или тюремное заключение. Угроза обвинения со стороны полиции перед лицом пытки могла, следовательно, вызвать оцепенение даже ни в чем неповинных.

Главный контролер Монсенсен вскричал:

— Но я же не нарушал законов! Разве я отказал вам? Отнюдь нет!

— Тогда немедленно предоставьте мне ключ, как это требует закон, и забудем о случившемся.

— Тише, тише, — немного успокоившись, сказал Монсенсен. — Мы не можем сделать это так быстро. Нам еще необходимо свериться с нашими записями. Не забывайте, что у нас есть дела и посерьезнее, чем прыгать на задних лапках перед красавцем бродягой из разведчиков, который нахально может ворваться в комнату и начать оскорблять.

Герсен внимательно посмотрел на округлое бледное лицо, на котором вновь появилось выражение враждебности и высокомерия.

— Очень хорошо, — сказал он, решив не обращать внимания на колкости. — В этом случае мне остается только одно — пойти и тут же подать жалобу в Совет Опекунов.

— Будьте же благоразумны, — вскричал главный контролер. — Ведь вы умный человек, неужели вы не понимаете, что нельзя все сделать сразу?

— Где мой ключ? Вы продолжаете упорствовать в своем отказе дать мне ключ?

— Вы совершенно не правы! Я не намерен этого делать! Но необходимо подождать. Садитесь и возьмите себя в руки хотя бы на несколько минут.

— Я не согласен ждать!

— Тогда идите, пожалуйста! — взревел Монсенсен. — Я сделал все, что требуется по закону. — Лицо его стало багровым от ярости. Он забарабанил кулаком по столу. Клерк, стоявший у двери, испуганно издал вопль ужаса. — Приведите Опекунов! — гремел Монсенсен. — Я обвиняю вас в вымогательстве и угрозах! Я хочу видеть, как вас высекут!

Герсен не решился продолжать дальше. Он опрометью выскочил из кабинета и выбежал из приемной в бетонный туннель. На миг он остановился, мельком взглянул на секретаршу, не обратившую на него никакого внимания и отчаянно дрожащую от испуга. Кирт по-волчьи оскалился и быстро направился по коридору в сторону, противоположную от выхода, и вскоре очутился в одном из цехов компании.

Прижавшись к стене, он внимательно осмотрел помещение, следя за технологическим процессом сборки.

Некоторые этапы выполнялись при помощи биомеханического управления, на других операциях работали должники, морально опустившиеся бродяги и пьяницы, которых дюжинами нанимали на временную работу. Они сидели, прикрепленные цепями к своим верстакам, под наблюдением пожилого охранника и работали с безразличием, но довольно спорно. Надзиратель участка помещался на высокой тележке, которая с грохотом могла проехать в любую точку цеха.

Герсен нашел то место, где собирались мониторы, точно определил, где устанавливались замки — в нише, протянувшейся в стене на шестьдесят метров. В одном из ее концов в квадратной кабине на высоком стуле находился нормировщик.

Кирт еще раз тщательно осмотрел помещение. Никто не обратил на него внимания, даже надзиратель, поглощенный наблюдением за рабочими. Герсен прошел вдоль стены к кабине, где сидел нормировщик, беспокойный молодой человек со впалыми щеками старика и язвительно приподнятыми черными бровями, морщинистой, болезненного вида кожей, циничным изгибом рта и крючковатым носом. Этот человек мог и не быть пессимистом, но, разумеется, оптимистом он тоже не был.

Герсен стал рядом с кабиной, в ее тени. Клерк удивленно взглянул на него.

— Э, сэр! Что вы хотите? Здесь не разрешено находиться.

— А как насчет того, чтобы заработать сотню севов, — спросил Герсен, — причем очень быстро?

Клерк печально скривил губы.

— Согласен, кого я должен убить?

— Мои требования гораздо скромнее, — усмехнулся Кирт и показал медную табличку. — Достаньте мне ключ от этого монитора и полсотни ваши. — Он выложил пять пурпурных ассигнаций на стол.

— А если отыщете, на чье имя зарегистрирован этот серийный номер, — то еще полсотни! — С этими словами Кирт отсчитал еще пять купюр.

Клерк нерешительно посмотрел на деньги, потом обернулся в сторону цеха.

— А почему бы вам, сэр, не обратиться непосредственно в контору? Такими вещами обычно занимается главный контролер.

— Я поругался с вашим главным контролером Монсенсеном, пожал плечами Герсен. — Он стал требовать очень много времени для решения этого дела, а я очень спешу.

— Другими словами, Главный не одобрил бы мою помощь вам?

— Именно поэтому я предлагаю вам сотню севов за выполнение моей совершенно законной просьбы.

— Это может стоить мне места...

— Если я уйду отсюда через запасной выход, вряд ли кто-нибудь узнает обо мне, даже сам Монсенсен.

Клерк задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Я могу сделать это. Но мне нужны еще пятьдесят севов для специалиста, который изготовит ключи.

Герсен пожал плечами и отсчитал пять оранжевых купюр.

— Я высоко ценю скорость выполнения моей просьбы, напомнил он еще раз, передавая деньги служащему компании.

Клерк рассмеялся.

— С моей точки зрения, чем скорее вы уйдете, тем лучше. Мне нужно посмотреть две карточки. У нас не очень хорошая система информации. А пока что постарайтесь не показываться на глаза, спрячьтесь где-нибудь в тени.

Он записал серийный номер монитора, вышел из кабины и исчез на повороте.

Время шло. Герсен обратил внимание на то, что задняя стена выложена из окрашенного стекла. Согнувшись, он приложил глаз к царапине на краске и увидел, что происходит за стеной.

Клерк стоял возле старомодного шкафа с выдвинутыми ящиками, просматривая карточки. Он нашел папку и сделал несколько пометок. В это время через другую дверь в комнату вошел Монсенсен. Клерк закрыл папку и отошел. Главный контролер на мгновение остановился, что-то отрывисто спросил у клерка, который с безразличным видом произнес в ответ одно или два слова. Герсен про себя отметил готовность этого человека помочь ему. Монсенсен взглянул куда-то за спину клерка и подошел к шкафам.

ГЛАВА 9

Наблюдая одним глазом на спину Монсенсена, клерк наклонился над плечом специалиста по ключам, прошептал что-то ему на ухо и удалился; Монсенсен подозрительно посмотрел ему вслед, но он уже закрыл за собой дверь.

Механик вставил головку для ключа в машину, еще раз сверился с бумагой и нажал ряд кнопок на пульте, которые задавали машине данные о канавках и изгибе ключа, электрической и магнитной проводимости отдельных его частей.

Монсенсен, порывшись в картотеке, достал конверт, извлек из него карточку и вышел из комнаты. Клерк тотчас же вернулся. Механик протянул ему ключ. Клерк вошел в кабину, протянул ключи Герсену и прошептал:

— Уходите быстрее, сэр. Что-то мне не нравится сегодняшнее поведение контролера.

— А на чье имя зарегистрирован монитор? — нетерпеливо спросил Кирт.

— Здесь я вам ничем не могу помочь. Монсенсен забрал карточку из картотеки раньше меня.

Герсен хмуро посмотрел на ключ. Главной его целью было узнать, кто зарегистрирован как владелец монитора. Ключ, конечно же, был лучше, чем ничего — информацию, хранящуюся в мониторе, было гораздо легче спрятать, чем сам

монитор! Но времени было в обрез. Нельзя было тянуть его дальше.

— Возьмите и остальные деньги, — сказал он. — Они, в общем-то, от Малагате. Купите своему ребенку подарок.

Клерк отрицательно покачал головой.

— Я не беру плату за то, что я не отработал. Моему ребенку не нужен подарок.

— Как хотите. — Герсен спрятал деньги в карман. — Скажите, как мне выйти отсюда, не возбуждая подозрений?

— Лучше всего тем же путем, каким пришли, — посоветовал клерк. — Если вы попытаетесь выйти через запасной выход, вас может остановить охрана.

— Спасибо, — поблагодарил Герсен. — Вы, похоже, не с этой планеты?

— Нет, но я прожил здесь так долго, что уже забыл, что бывают места получше.

Герсен осторожно выглянул из кабины. Все было как и раньше. Он выскользнул из конторки и быстро пошел вдоль стены. Оказавшись в бетонном туннеле, он невольно замедлил шаг, проходя мимо двери, ведущей в контору, и увидел, что Монсенсен расхаживает взад и вперед по комнате, очевидно будучи в дурном настроении. Герсен проскользнул мимо него и поспешил по коридору к наружной двери.

Но эта дверь неожиданно открылась. Внутрь вошел мужчина, черты лица которого было трудно различить против света с улицы.

Герсен продолжал уверенно шагать, как будто был здесь по самым обычным делам. Человек приблизился, их взгляды встретились. Незнакомец остановился и удивленно-пронзительно вскрикнул — это был Тристано-землянин.

— Какая удача! — второй возглас этого человека был уже членоразделен. Он прямо-таки светился радостью. — В самом деле, какая удача!

Герсен ничего не ответил. Медленно, осторожно он попытался пройти мимо, его нервы были напряжены, но страха он не ощущал.

Тристано сделал шаг в сторону и загородил ему дорогу. Герсен остановился и оценивающе посмотрел на противника.

Тристано был ниже его ростом почти на дюйм, но обладал более мощной шеей и плечами а также довольно широкими бедрами — качествами, указывающими на ловкость и хорошее состояние мышц. Уши его были хирургически подрезаны, нос приплюснутый, вокруг рта бутрились желваки. Выражение лица его светилось спокойствием, а безмятежная улыбка изгибала уголки рта. Он казался скорее безрассудно смелым, нежели страшным, у него было чувство ненависти и в то же время не было чувства жалости. Казалось, этим мужчиной движет лишь необходимость проявлять себя только на грани своих обязанностей. В высшей степени опасный человек! — отметил про себя Герсен, а вслух тихо сказал

— Отойдите в сторону!

Тристано почти вежливо отвел левую руку.

— Как бы вас не звали, сэр, будьте благоразумны и следуйте за мной.

Размахивая из стороны в сторону вытянутой рукой, он подался вперед. Герсен следил за движением глаз противника, не обращая внимания на отвлекающие действия левой руки. Как только взметнулась правая рука, он отвел удар в сторону и ударил кулаком прямо в лицо Тристано.

Тот отлетел, громко вскрикнув от боли, и Герсен притворился, что попался на эту удочку. Он бросился вперед с рукой, занесенной для повторного удара, но внезапно остановился, когда Тристано с невероятной ловкостью взмахнул ногой — удар, предназначенный для того, чтобы искалечить или убить. Когда нога пролетела мимо цели, Герсен схватил ее за носок и пятку и резко повернул. Тристано, мгновенно расслабившись, перевернулся в воздухе и сгруппировался, используя момент своего переворота и падения для того, чтобы, не повредя ногу, освободить ее от захвата Герсена. Он, как кошка, упал на четвереньки и попытался откатиться в сторону, но Кирт успел схватить его за голову и резко ударить ее о свое колено. Хрустнули хрящи, затрещали зубы.

Совершенно ошеломленный Тристано опрокинулся на спину. В течение какого-то мгновения он бессильно опустил руки — Герсен воспользовался этим моментом. Схватив ногу

своего противника и сделав замок, он всем своим весом навалился на нее; Кирт почувствовал, как с треском сломалась чужая кость. Тристано задохнулся и, схватившись за нож, оставил неприкрытым горло. Герсен тотчас нанес сильный удар тыльной стороной кисти по гортани. Шея противника была мускулистой, и он не потерял сознания, продолжая беспощадно махать ножом. Кирт выбил это оружие, но больше не решался приближаться к Тристано, так как у этого землянина на критический момент его жизни вполне могло быть припасено еще одно или даже дюжина хорошо припрятанных средств нападения.

— Оставь меня, — прохрипел убийца. — Пусти, а сам убирайся куда хочешь!

Он стал подтягиваться к стене.

Герсен осторожно двинулся вперед, тем самым давая возможность Тристано для нападения, но тот не решился. Герсену пришлось протискиваться мимо его широких плеч. Тристано все прекрасно видел. Взгляды их встретились. Внезапно землянин сделал захват, одновременно приведя в действие свою здоровую ногу, но Герсен успел выскользнуть от него, схватил другую ногу Тристано и приготовился сломать ее. Внезапно позади него раздались крики, поднялась суматоха. С искаженным от ярости лицом по коридору неуклюже бежал главный контролер Монсенсен. За ним семенили двое или трое служащих.

— Прекратите, — орал контролер. — Что вы это делаете в нашем здании? — Он буквально брызгал слюной перед Герсеном. — Вы дьявол! Преступник самого низкого пошиба! Вы оскорбили меня! Вы напали на моего клиента! Я постараюсь, чтобы Опекуны внимательно присмотрелись к вам!

— Как вам будет угодно, — пыхтя ответил Герсен. Неожиданно он ощутил приступ мстительности. — Ну-ка, зовите Опекунов!

Монсенсен поднял брови.

— Что!? У вас хватит наглости на это?

— В этом нет никакой наглости, — Кирт злобно усмехнулся. Просто добропорядочный гражданин помогает полиции в задержании преступника.

— Что вы имеете в виду?

— Есть только одно имя, которое мне нужно будет лишь раз произнести перед Опекунами. Стоит мне хоть раз наметнуть им, что вы и это лицо являетесь сообщниками. Этот человек, — он взглянул вниз на то ли улыбающегося, то ли ошеломленного Тристано, — он вам знаком?

— Нет. Конечно же, я не знаком с ним.

— Но вы же только что опознали его в качестве одного из своих клиентов?

— Мне показалось, но сейчас я вижу, что обознался.

— Этот человек — наемный убийца!

— Вы ошибаетесь, мой ловкий друг, — прохрипел Тристано. — Я не убийца.

— Луто Тихальта нет в живых, чтобы опровергнуть твоё заявление!

Тристано скривил лицо в выражении оскорбленной невинности.

— Мы ведь беседовали друг с другом, разве не помните? Вы и я. Когда этот Тихальт умер.

— В таком случае ни Даске, ни саркоит не могли убить Тихальта. Кто же еще прибыл с вами на планету Смейда?

— Там были только мы трое.

Герсен изумленно уставился на него.

— Мне трудно этому поверить. Хильдемар Даске сказал Тихальту, что Малагате ждет его снаружи.

В ответ Тристано едва заметно пожал плечами.

Герсен стоял и глядел на него сверху вниз.

— Я уважаю Опекунов и их плети. Я не осмелюсь убить вас. Но я вполне могу сломать еще пару ваших костей. Так что очень вероятно, что всю оставшуюся жизнь вы будете ходить боком, как краб! Я могу еще растянуть в сторону мышцы ваших глаз — и весь остаток жизни вы будете смотреть в разные стороны.

Мышцы вокруг рта Тристано поджались в грустной улыбке. Он тяжело приперся спиной к стене, безразличный, отупевший от боли.

— С каких это пор операции в Глуши стали называть убийством? — только и пробормотал он.

— Кто убил Тихальта?!

— Я ничего не видел. Я стоял с вами у дверей.

— Но ведь на планету прибыло только трое вас!

Тристано ничего не ответил и закрыл глаза. Герсен подался вперед, сделав быстрый выразительный жест. Тристано открыл глаза и тупо уставился на занесенную над ним руку.

— Кто убил Тихальта?

Тристано покачал головой.

— Больше я ничего не скажу. Лучше мне всю жизнь быть косоглазым и калекой, чем умереть от саркойского яда.

— Я и сам могу отравить тебя.

— Больше я ничего не скажу!

Герсен подался вперед, но Монсенсен издал отрывистый, срывающийся крик:

— Это невыносимо! Я не допущу этого! У меня будут кошмары, я не смогу спать!

Герсен зло посмотрел на него.

— Вам лучше не вмешиваться в это, сэр!

— Я вызову Опекунов. Ваши действия абсолютно незаконны! Вы нарушаете законы государства.

Герсен засмеялся.

— Ну, зовите Опекунов! Тогда мы узнаем, кто нарушил законы государства и кто подлежит наказанию.

Монсенсен стал тереть свои бледные щеки.

— Тогда уходите! Никогда не возвращайтесь сюда, и я ничего никому не скажу.

— Не так быстро, сэр, — медленно произнес Герсен, чувствуя, что у него поднимается настроение. — Вы сейчас в крайне затруднительном положении. Я пришел сюда с совершенно законным делом. Вы же немедленно вызвали по телефону убийцу, который напал на меня. Такое поведение вряд ли кто-нибудь оставит без внимания.

— Вы делаете ложное обвинение, сэр. Я это добавлю к тому, что сообщу Опекунам!

Герсен рассмеялся, подошел к Тристано, перевернул его так, чтобы затруднить движение рук, и связал их его же поясом. Со сломанной ногой и связанными руками землянин уже не мог сделать ни одного движения. Затем Герсен повернулся к Монсенсену.

— Давайте пройдем в ваш кабинет.

Кирт двинулся вперед, за ним неохотно поплелся Главный контролер. Как только они вошли в кабинет, ноги отказали Монсенсену, и он тяжело плюхнулся в кресло.

— А теперь, — сказал Герсен, обращаясь к контролеру, звоните Опекунам!

Монсенсен покачал головой.

— Лучше... может быть, не создавать лишних осложнений? Они порой бывают не слишком благоразумны.

— В таком случае вы сейчас же скажите мне все, что будет меня интересоваться!

Монсенсен склонил голову.

— Спрашивайте!

— Кому вы звонили по телефону, когда я появился в вашем офисе?

Монсенсен вновь оказался чрезвычайно взволнованным.

— Я не могу вам этого сказать, — выпалил он хрипло. — Неужели вы заинтересованы в том, чтобы я был убит?

— Опекуны зададут этот же самый вопрос, так же, как, впрочем, и многие другие, — засмеялся Герсен. — Так что выкладывайте, да побыстрее!

Монсенсен страдальчески посмотрел направо, налево, потом на потолок.

— Я позвонил одному человеку, — выдавил он наконец из себя. — В «Гранд Томадор Отель». Его имя Спок.

— Я знаю, что это не так, — сказал Герсен. — Вы лжете. Но я дам вам еще один шанс. Кому все-таки вы звонили?

Монсенсен в отчаянии затряс головой.

— Я не лгу!

— Вы видели этого человека?

— Да. Он высокого роста. У него короткие красные волосы, большая длинная голова, шеи нет совсем. У его лица какой-то особенный красный цвет, и он ходит в темных очках с неким предохранительным устройством на носу — очень необычным. Похоже, что он, как рыба, лишен любых человеческих чувств.

Герсен кивнул. Монсенсен говорил правду. Это, должно быть, был Хильдемар Даске.

— А теперь перейдем к самому главному. Я хочу знать, на чье имя зарегистрирован монитор?

Монсенсен покачал головой, обреченно вздохнул и поднялся.

— Схожу за записями.

— Нет! — отрезал Герсен. — Мы пойдем вместе. И если мы не сможем найти запись, то, клянусь вам, я буду добиваться для вас самого сурового наказания.

Монсенсен устало потер лоб.

— Я вспомнил. Запись здесь. — Он вытащил из стола карточку. — Приморский Университет, Авента, Альфанор. Пожертвование номер 291.

— Имени нет?

— Нет. Поэтому здесь вам не поможет и ключ. Университет использует еще и кодирование для своих мониторов, причем для каждого разное. Для этой цели мы продали им несколько шифровальных устройств.

— Ну и ну! — только и смог вымолвить Герсен, хотя употребление шифраторов, с целью пресечения намерений недобросовестных разведчиков вести двойную игру, было вполне обычным делом.

В голосе Монсенсена звучала нескрываемая ирония.

— Университет, очевидно, продал вам монитор с шифратором без кодирующей перфокарты. На вашем месте я пожаловался бы властям в Авенте.

Герсен принял во внимание то, что подразумевалось в высказывании Монсенсена. Но с этим придется столкнуться не скоро, особенно если будет выполнено одно определенное обстоятельство.

— Почему вы позвонили этому человеку? Он предлагал вам деньги?

Монсенсен жалко кивнул.

— Да. И... он угрожал мне. Некоторые необдуманные поступки моего прошлого... — Он сделал не совсем понятный жест.

— Скажите, а Спок понимал, что содержимое монитора зашифровано?

— Конечно! Я ему напомнил об этом, но оказалось, что это обстоятельство ему уже было известно.

Герсен кивнул. Значит, это обстоятельство налицо. Атель Малагате должен иметь необходимый доступ к кодирующей перфокарте в Приморском Университете.

Он на мгновение задумался. Информация быстро накапливалась. Малагате сам убил Тихальта, если верить Хильдемару Даске. Тристано косвенным образом подтвердил это. Он выдал гораздо больше ценных сведений, чем предполагал. Но он также и запутал ситуацию. Если Даске, отравитель с Саркоя и Тристано прибыли вместе без четвертого лица, то как же можно объяснить присутствие Малагате на планете Смейда? Прибыл ли он одновременно с ними на другом корабле? Возможно, но что-то на это не похоже...

Монсенсен смотрел на него обеспокоенно и жалко.

— Сейчас я уйду, — успокаивающе произнес Герсен. — Вы намерены сообщить Споку о том, о чем мы с вами только что беседовали?

Монсенсен кивнул и умоляюще произнес:

— Мне придется.

— Но вы обязательно должны подождать час. Понимаете, час!

Контролер не стал протестовать. Он мог уважить или не уважить пожелание Герсена — скорее всего, что нет. Но с этим Герсен уже ничего не мог поделать. Он повернулся и вышел из комнаты, оставив Монсенсена полностью выжатым.

Проходя по коридору, Герсен догнал Тристано, который каким-то образом ухитрился, извиваясь и корчась от боли, подняться. Теперь он ковылял по коридору, волоча одну ногу под необычным углом. Он оглянулся и через плечо посмотрел на Кирта. На лице его была все та же безмятежная улыбка, хотя мышцы вокруг рта были сведены судорогой.

Герсен приостановился, обдумывая, что же предпринять с этим человеком, — было бы разумно и желательно убить его, но при условии, что в это дело потом не вмешаются Опекуны. Поэтому, ограничившись вежливым кивком, он прошел мимо Тристано и вышел на улицу.

ГЛАВА 10

Существует одно непреходящее качество нашего времени, которое было замечено и по поводу которого сокрушалось большое количество современных антропологов. Это — эксцентричность, поскольку никогда прежде не существовало столько разнообразных возможностей и способов жизни. Весьма полезно будет рассмотреть эту возникшую ситуацию, поскольку в дальнейшем мы будем неоднократно обращаться к ней.

Важнейшим фактором человеческой жизни стала бесконечность пространства, пределы которого никогда нельзя будет постичь; бесчисленно количество еще не обнаруженных планет — короче, бездна! Я глубоко уверен в том, что осознание этих внушающих ужас возможностей каким-то образом глубоко запало в человеческое сознание и затормозило человеческую смелость и предприимчивость.

Тут необходимо сделать небольшое уточнение. Предприимчивые люди все же существуют, хотя и достаточно досадно то, что большинство их орудует в Глуши, за пределами Ойкумены, и то, что их предприимчивость не всегда направлена на созидание (утверждение это не является всецело ироническим: многие из самых вредных форм жизни вызывают в некотором роде побочный полезный эффект).

Но в целом честолюбие человечества направлено скорее внутрь, чем наружу, к очевидным целям. Почему? Неужели бесконечность как объект опыта (а не математическая абстракция) обескуражила человеческий ум? Удовлетворены ли мы и подстрахованы ли знанием того, что дальние пределы Галактики всегда к нашим услугам? Разве современная жизнь уже насытилась слишком богатой дичью из новинок? Мыслимо ли, что Институтция завладела гораздо большим контролем над психикой людей, чем мы предполагаем? Или это преходящее ощущение крушения планов, убеждение, что все подвиги совершены, что все имеющие смысл цели достигнуты?

Несомненно, здесь нельзя дать однозначного ответа. Но следует упомянуть несколько пунктов:

Первый — (упоминание без комментариев) — своеобразие существующей ситуации заключается в том, что наиболее влиятельные и эффективные структуры наших дней являются частными или наполовину общественными ассоциациями, например: Интергалактопол, Институтция, Корпорация Джарнелла.

Второй — упадок общего уровня образованности. Крайности, очень далекие друг от друга: ученые Институтции — с одной стороны и, скажем, крепостные латифундии на некоторых планетах. Если мы присмотримся к условиям жизни людей в Глуши, за пределами Ойкумены, то поймем, что поляризация еще более отчетлива. Имеются очевидные причины такого упадка. Первопоселенцы находились среди чужого и зачастую просто враждебного окружения. Они прежде всего заботились о выживании. Возможно, еще более устрашающим фактором являлась неуправляемая масса накопленных знаний.

Тенденция к специализации началась в современную эпоху, но после прорыва в далекий космос и явившегося результатом этого информационного взрыва специализация стала еще более узкой.

Возможно, уместно рассмотреть, как живет человек, который стал специалистом нового времени. Он живет в век материализма, где абсолютным интересуется небольшое

количество людей. Он человек с налетом очарования, остроумный, искушенный в житейских делах, но неглубокий. У него нет абстрактных идеалов. Поле его деятельности, если он ученый, может быть математика или одна из областей физики; однако в сотни раз вероятнее, что это будет сфера, которую называют гуманитарной: история, социология, сравнительные науки, символика, эстетика, антропология, наука о наказаниях — педология, педагогика, связь, управление, не говоря уже о трясине психологии, истоптанной поколениями неучей, и до сих пор еще не исследованной бездне псионики.

Существуют еще и такие, кто, подобно автору этих строк, устраиваются уютно под грозящим рухнуть утесом всеведения и с торжественными заявлениями о своем смиреннии (которые либо неубедительны, либо их вовсе нет) возлагают на себя бремя оценки, похвалы, дискредитации или обличения своих современников. Потому что в большинстве случаев это легче делать, чем копать канавы».

/Предисловие к книге Яна Хольберта Вена 62-го «Люди Ойкумены»./

«На каждой планете имеется своя атмосфера (я имею в виду атмосферу психологическую). Это подтверждается любым из десятка исследователей. Исаак Хенадэй объявил на пари, что если ему завяжут глаза и увезут на любую из планет Ойкумены либо прилегающих районов Глуши, то он правильно назовет эту планету сразу же после того, как повязку снимут с глаз. Каким образом это ему удастся? С первого взгляда это кажется непостижимым. Хенадэй признается, что сам не знает, чем он руководствуется.

«Я просто поднимаю нос, обзираю небо, делаю несколько прыжков, — и ответ приходит сам собой».

Разумеется, объяснение Хенадэя лукавое и причудливое. Наши органы чувств несомненно намного более остры, чем мы предполагаем. Химический состав воздуха, цвет солнечных лучей в небе, кривизна и удаленность горизонта, сила тяжести — все это, по-видимому, перерабатывается в нашем мозгу, чтобы вынести нечто отдельное, так же как

выражение глаз, рот и уши создают впечатление индивидуальности лица. И мы еще не упомянули о флоре и фауне, изделиях туземцев или людей, о различном виде солнца или нескольких солнц...»

/Из книги Оскара Андерсена «Десять исследований: изучение типа»./

«По мере взросления общества, борьба за существование незаметно перерождается и начинает идти в другом направлении, и становится тем, что может быть определено только как поиск наслаждения. Это утверждение, в общем-то, не блещет новизной. Тем не менее, как обобщение, оно содержит обширный диапазон глубоких понятий. Автор полагает, что животрепещущей темой для диссертации могло бы быть исследование различных ситуаций окружения — выживание и различные типы наслаждений, вытекающие из них. При небольшом размышлении кажется вполне возможным, что нехватка чего-либо, или принуждение, или опасность производят соответствующее психологическое напряжение, приносящее удовлетворение».

/Из монографии «Жизнь барона Анопика», издательство «Аис Кук», 1064 г./

Герсен возвратился на вокзал подземной дорогой. Он извлек монитор, вставил ключ. К его полному удовлетворению, замок провернулся легко — ящик тут же открылся.

Внутри не было ни взрывчатки, ни кислоты. Кирт извлек небольшой цилиндр, содержащий нить, используемую для записи информации. Затем он вошел в почтовый киоск и отправил цилиндр самому себе в отель «Креденца» в Авенте на Альфаноре. Он сел на поезд в Киндьюн и без особых хлопот покинул космопорт в своем корабле.

Когда на фоне темного диска Альфанора уже можно было различить все семь материков, Герсен переключил автопилот в режим автоматической посадки в космопорте Авенты. Не обнаружив на стоянке признаков врагов, он спокойно отправился в здание космовокзала и за завтраком вновь стал обдумывать план своих дальнейших действий. Он дол-

жен был, решил он, быть простыми и проистекать из последовательности логических рассуждений, в которых он не узревал какой-либо ошибки:

а) монитор Луго Тихальта был зарегистрирован на имя Приморского Университета;

б) информация, записанная на нити монитора, была зашифрована и доступна только при наличии дешифрующей перфокарты;

в) дешифрующей перфокартой владеет Приморский Университет в Авенте;

г) судя по словам Луго Тихальта, Аттель Малагате был настоящим поручителем (факт, который он впервые, по-видимому, осознал в Кринктауне). Неосторожность Хильдемара Даске? Приняв во внимание все обстоятельства, Малагате, вероятно, до сих пор считает свое инкогнито нераскрытым. Малагате энергично хочет завладеть монитором и его содержимым, и, следовательно, должен иметь доступ к дешифрующей перфокарте;

д) следовательно, главным направлением деятельности Герсена должно быть:

— определение круга лиц, имеющих доступ к перфокарте;

— выяснение, кто из них соответствует ряду условий, согласующихся с личностью и деятельностью Малагате. Кто из них, например, отсутствовал достаточно долгое время, чтобы посетить планету Смейда?

Простота и логичность, — подумал Герсен. Все правильно. Но вот осуществление этой логичности может оказаться далеко не простым делом. Он не отваживался возбуждать опасения со стороны Малагате. В некотором отношении то, что он располагал записями Тихальта, обеспечивало его безопасность. Однако, если Малагате почувствует личную угрозу, у него не будет особых трудностей или сомнений в организации убийства.

Пока что у Малагате нет причин бояться разоблачения, и было бы безрассудством переубеждать его в этом. Инициатива во всяком случае до сих пор, находится в его руках, поэтому не стоит спешить очертя голову.

Его внимание отвлеклось. В кабине поблизости сидела пара хорошеньких девушек, которые, очевидно, пришли на вокзал встретить кого-либо из друзей или просто чтобы по-видаться друг с другом.

Кирт тоскливо смотрел на них, сознавая уже не первый раз некоторую пустоту своей жизни, и испытывал чувство неудовлетворенности, в чем-то схожее с тем неопределенным чувством, которое он уже испытал на планете Смейда.

Легкомыслие — у этих двух девушек вряд ли было на уме еще что-нибудь. Одна из них покрасила свои волосы в зеленый цвет листвы и придала своей коже нежно-салатовый оттенок. У другой был парик из лиловой металлической стружки и мертвенно-бледный оттенок кожи. На ее лоб, обхватив обе щеки, была лихо надвинута витиеватая шляпка из серебристых листьев и завитков.

Герсен глубоко вздохнул. Без сомнения, он вел мрачное унылое существование. Вспоминая прошлые годы, он видел одни и те же сцены: другие дети были заняты легкомысленными занятиями и играли, в то время как он, довольно худой мальчик с серьезным лицом, наблюдал за ними на расстоянии. Он испытывал только интерес и удивление — так ему это все запомнилось, — никогда не испытывая желания самому оказаться на месте сверстников. Дед его заметил это...

Одна из девушек в кабинке увидела, что он обратил на нее внимание, и что-то шепнула подруге. Герсен жалко улыбнулся. Он не чувствовал себя уверенно в общении с женщинами, но многих знал достаточно близко. Кирт нахмурился, осторожно искоса поглядывая на девушек. А те нарочито перестали смотреть на него. Вполне возможно, что Малагате подослал их отвлечь его внимание. Любопытно. Если так, то почему двух? Но тут подруги встали и вышли из ресторана, каждая скрыто бросив на него последний взгляд.

Кирт наблюдал за их уходом, изо всех сил сопротивляясь внезапному побуждению побежать за ними, представиться и подружиться...

Снова интересно, вдвойне интересно. И что бы он сказал им? Он представил себе, как два хорошеньких лица будут сначала ошарашены, затем смущены, пока он будет стоять, делая неудачные попытки снискать к себе их расположение.

Девушки ушли. Ну и хорошо, — подумал Герсен, частично забавляясь, частично сердясь на себя. И все же, к чему обманываться? Вести жизнь получеловека — трудно, это было источником вечной его неудовлетворенности. Обстоятельства его жизни не давали особых возможностей для ухаживания за женщинами. Однако к чему все это? Он знал цель своей жизни, и он был превосходно подготовлен для выполнения этой миссии. У него не было ни сомнений, ни колебаний. Все цели он себе четко определил.

Внезапная идея потревожила ровный поток его мыслей. Где был бы он без этой ясной цели? Будь он лишен искусства общения, как мог бы он соперничать с легкомысленными людьми вокруг, с их изящными манерами и пустыми словами... Возвращаясь вновь и вновь к этой мысли, Герсен начал ощущать себя духовно несовершенным. Ни один из периодов его жизни не протекал под знаком его собственной воли. У него не было никаких сомнений в том, чему он посвятил свою жизнь, но не об этом он сейчас думал. Однако, подумал он, нельзя ставить перед человеком каких-либо целей, пока он не узнал мир до такой степени, чтобы самому выносить то или иное суждение, взвешивать свои силы и принимать собственные решения. Ему не дали такой возможности выбора. Решение было сделано за него. Он согласился с ним... Но тогда в чем же дело? А в том, что он будет делать потом, если преуспеет в достижении своей цели? Шансы на это были, конечно, невелики. Но предположим, что смерть настигнет всех пятерых, — что тогда ему останется в жизни? Несколько раз прежде в своих умозаключениях он доходил до этой точки, но, повинаясь какому-то подсознательному предупреждению, никогда не заходил дальше. Не позволил он себе этого и сейчас. Завтрак был окончен. Девушки, которые послужили толчком к этим грустным мыслям, сами убрались восвояси. Очевидно, они и не думали быть агентами Малагате.

Кирт посидел еще за столиком несколько минут, обдумывая, как получше приступить к выполнению своей задачи, и снова, как обычно, решил действовать напрямик.

Он вошел в кабину связи, и его соединили со справочным бюро Приморского Университета в пригороде Ремо, в десяти милях к югу отсюда.

Сначала на экране мелькнула эмблема Института, затем появилась обычная надпись: «Говорите, пожалуйста, отчетливо». Одновременно с этим записанный на пленку голос спросил:

— Чем мы можем служить?

Герсен сказал до сих пор еще невидимому секретарю:

— Мне нужны сведения, касающиеся исследовательских работ Университета. Какой отдел непосредственно ведет исследования в Глуши?

Экран прояснился, и на нем появилось тонированное золотистым цветом лицо молодой женщины со светлыми волосами, взбитыми над каждым ухом.

— Все зависит от рода исследований.

— Они связаны с пожертвованием N 291.

— Одну минуту, сэр, я постараюсь навести справки.

На экране возник электронный занавес, подержался несколько минут, а затем снова появилось лицо девушки.

— Я соединяю вас с факультетом галактической морфологии, сэр.

Теперь на Герсена смотрело бледное лицо другой секретарши. У этой молодой женщины было лукавое лицо с острыми чертами, длинненький милый носик и перламутрово-серебристый цвет кожи. Прическу ее составлял темный нимб из десятка тысяч узких, покрытых лаком, торчащих во все стороны косичек.

— Галактическая морфология слушает вас, сэр.

— Я хочу справиться относительно пожертвования номер 291, — сказал решительно Герсен.

Девушка на мгновение задумалась.

— Вы имеете в виду именно само пожертвование?

— Размер, порядок расходования, кто следит за этим?

Лукавство на лице девушки сменилось подозрительностью.

— Я не так уж много могу сообщить вам, сэр. Из этого фонда финансируется наша исследовательская программа по Глуши.

— Я особенно интересуюсь разведчиком по имени Луто Тихалт, работа которого финансировалась именно из этого фонда.

Девушка покачала головой.

— Мне ничего не известно об этом человеке. Мистер Деттерас мог бы побеседовать с вами. Если вы уверяете, что этот человек работал на нас, то Деттерас наверняка сможет вам чем-нибудь помочь, но сегодня свидание с ним уже невозможно.

— Мистер Деттерас нанимает разведчиков?

Девушка изогнула брови и скосила взгляд. У нее были очень подвижные черты лица, широкий рот, весело поднятый вверх в уголках. Герсен с восхищением смотрел на нее.

— Я не слишком много знаю о подобных вещах, сэр. Мы, конечно, участвуем в Главной Исследовательской Программе, однако наша доля финансируется не из фонда номер 291. Мистер Деттерас является руководителем исследований, он мог бы сказать вам все, что вы хотели бы узнать.

— Есть ли в отделе еще кто-нибудь, кто мог бы поручиться за разведчика, используя фонд номер 291?

Девушка задумчиво взглянула на Герсена, как бы со стороны, удивляясь природе его повышенного интереса.

— Вы служите в полиции, сэр? — робко поинтересовалась она.

Герсен рассмеялся.

— Нет. Просто я друг мистера Тихальта и пытаюсь закончить для него кое-какие дела.

— О, хорошо! Есть еще мистер Келле, который является председателем совета по планированию исследований. Кроме того, вам может помочь и мистер Уорвин, почетный ректор, который также делал пожертвования в фонд номер 291. Мистер Келли ушел, и до утра его не будет. У него завтра дочь выходит замуж, и он сейчас занят.

— А как насчет мистера Уорвина? Я могу видеть его?

— Сейчас посмотрю. Она нагнула голову, рассматривая расписание встреч. — Он занят до трех часов, а затем у него свободный час для посещения студентами или лицами, которым он время не назначил.

— Это меня вполне бы устроило, если только...

— Соболаговолите оставить свое имя, — скромно сказала девушка, — и я поставлю его первым в списке. Вам тогда не придется ждать в том случае, если будет много других посетителей.

Герсена приятно удивила ее заботливость. Он взглянул на нее и еще больше удивился, заметив, что она ему улыбается.

— Это так любезно с вашей стороны. Мое имя Кирт Герсен.

Он смотрел, как она записывает его имя. Казалось, что девушка не особенно торопится прекратить разговор. Он спросил:

— А что делает почетный ректор? Каковы его обязанности?

Она пожала плечами.

— По сути, я мало что знаю. Он приходит и уходит. Я думаю, что он делает только то, что сам хочет. Всякий, кто богат, делает только то, что хочет. Подождите, пока я разбогатею.

— Еще одно, — сквозь смех спросил Герсен. — Вы хорошо знакомы с расписанием работы отдела?

— Могу сказать, что да, — девушка в ответ тоже рассмеялась. — Если иметь в виду хоть какой-то распорядок.

— Записи в мониторах разведчиков шифруются. Вам это известно?

— Мне говорили об этом.

Девушка определенно разговаривала с Герсеном так, словно он стоял рядом, а не был просто изображением на телеэкране.

«Да, она действительно очень хороша, — подумал Кирт, несмотря даже на свою экстравагантность». Он, определенно, слишком долго пробыл в космосе. Ему с большим усилием удавалось сохранять спокойный вид.

— Кто занимается расшифровкой? Кто заведует шифрами?

На лице девушки снова возникло сомнение.

— Во-первых, мистер Деттерас. Возможно, что и мистер Келле.

— Вы не могли бы узнать поточнее — это очень важно.

Девушка заколебалась, внимательно вглядываясь в лицо Герсена. С ее стороны всегда разумнее было бы отказаться отвечать на вопросы, мотивы которых она не могла выяснить. И все же — что тут плохого? Человек, который расспрашивал ее, казался каким-то загадочным, задумчивым и печальным, и, определенно, далеко не урод, даже красив в своем роде, несмотря на непонятное упрямство.

— Я могу поинтересоваться у секретарши мистера Деттераса, — сказала она оживленно. — Вы можете подождать? Экран потемнел и снова загорелся только через минуту.

Девушка опять улыбалась Герсену.

— Я была права. Мистер Деттерас, мистер Келле и мистер Уорвин — это единственные люди, которые имеют доступ к дешифрирующим картам.

— Понятно. Значит, так... мистер Деттерас — начальник отдела исследований, мистер Келле — председатель комитета по планированию исследований и мистер Уорвин... а он кто?

— Почетный ректор! Ему присвоили этот титул, когда он облагодетельствовал наш отдел пожертвованием номер 291. Это очень самостоятельный человек, и он весьма интересовался исследованиями космоса. Он сам часто отправляется за пределы Ойкумены... Вы когда-нибудь были там?

— Только что оттуда.

Она вся вытянулась вперед с выражением неподдельного интереса на лице.

— Действительно ли в Глуши все так дико и опасно, как все болтают?

Герсен оставил всякую осторожность и ответил с бравадой, которая озадачила его самого.

— Давайте поедem вместе со мной, и вы сами убедитесь, где правда, а где ложь.

Девушку, казалось, такое предложение несколько не смутило, но все же она покачала головой.

— Я пуглива. Меня научили не доверять незнакомым людям, особенно тем, которые только что возвратились из Глуши. Может быть, вы работорговец и намерены потом продать меня в рабство.

— Что ж, — согласился Герсен, — и такое случается. Здесь, пожалуй, безопаснее.

— Но с другой стороны, — кокетливо продолжала девушка, — кому охота всю жизнь жить без приключений?

Герсена охватила нерешительность. Девушка смотрела на него как само воплощение невинности. «Что ж, а почему бы и нет? — спросил он себя. — Дед был старым и высохшим...»

— В таком случае, раз вы уж решились пойти на риск, — пожалуй, вы могли бы провести вечер со мной.

— С какой целью? — Девушка внезапно стала серьезной.
— Рабства?

— Нет. Просто посидеть, поболтать. Как вы думаете?..

— Это так неожиданно. Я даже еще не встречалась с вами лицом к лицу.

— Да, вы правы, — согласился Кирт, еще более смутившись. — Вы уж извините меня, я не очень-то галантен.

— И все же, что плохого в вашем предложении? Я сама очень импульсивна... Во всяком случае так обо мне говорят.

— Я полагаю, что это в основном зависит от обстоятельств.

— Вы только-только из Глуши, — великодушно промолвила девушка, — поэтому полагаю, что вас можно извинить.

— Значит, мы договорились?

Она сделала вид, что усиленно размышляет над предложением.

— Хорошо. Попробую. Но где же мы встретимся?

— В три часа я буду у мистера Уорвина, тогда мы и договоримся. Идет?

— Я заканчиваю в четыре... Так вы точно не работорговец?

— И даже не пират!

— Значит, вы не очень предприимчивый, так мне кажется... Впрочем, я думаю, и этого достаточно, пока я не узнаю вас лучше.

ГЛАВА 11

На сотню миль к югу от Авенты простирался широкий песчаный пляж. До самого Ремо и даже чуть дальше, прямо на обрывах, окаймлявших пляж, теснились многочисленные виллы, построенные из яркого ракушечника.

Герсен нанял автомобиль — небольшой глайдер — и направился на юг над широкой белой магистралью, вздымая под собой неизбежные клубы пыли. Дорога всюду шла точно вдоль берега, повторяя все его изгибы.

Ремо располагался на ровном месте, у подножия одного из холмов. Несколько пирсов, в конце которых были устроены казино с высокими куполами, образовывали гавань, заполненную небольшими лодками. Университет занимал вершину холма: ряд низких зданий с плоскими крышами, соединенных между собой сводчатыми галереями.

Герсен вырулил на стоянку в университетском дворе, опустил глайдер на почву и вышел из него. Здесь он спросил у одного из студентов, как ему найти факультет галактической морфологии.

— Факультет морфологии? — переспросил юноша и, немного подумав, ответил:

— Через четыре здания отсюда, в том дальнем углу, сэр.

Уныло размышляя над почтительным «сэр», которое он только что услышал от человека моложе его, быть может, только лет на семь, Герсен прошел через парк, пробираясь через многочисленные, пестро одетые группы студентов. Возле портала он остановился, ощутив такие неизвестные ему раньше чувства, как неуверенность или нерешительность, которые он все время пытался отогнать от себя во время поездки в университет.

Ему стало смешно. Разве он школьник, чтобы перспектива провести вечер с незнакомой девушкой повергла его в такой трепет? И, что было еще более удивительным, казалось, душевное волнение отодвигает на второй план главную цель его существования! Входя в вестибюль, он пожал плечами раздраженно и в то же время изумленно.

Сидевшая за столом новая знакомая подняла глаза, и в них Герсен увидел такую же нерешительность, какая овладела и им. Она выглядела ниже ростом и стройнее, чем он представлял, но от этого она не стала менее привлекательной.

— Мистер Герсен?

Кирт постарался улыбнуться как можно ободряюще.

— Так уж случилось, но я не знаю вашего имени.

Лицо ее несколько смягчилось.

— Паллис Атроуд.

— Ну вот, с официальностями покончено, — засмеялся Герсен. — Надеюсь, что наша договоренность все еще в силе?

Она кивнула и сказала:

— Если вы только сами не передумаете.

— Сегодня я что-то смелее, чем обычно.

— Я тоже, — ответила Паллис и застенчиво опустила глаза. — И знаете, почему? Просто я наконец-то решила не обращать никакого внимания на свое воспитание. Моя мать — женщина ученая, «синий чулок». Вероятно, самое время, чтобы я начала компенсировать то, что упустила раньше.

— Это начинает меня беспокоить, — с показным смущением покачал головой Герсен. — Дело в том, что я сам не очень-то смел, и если мы начнем состязаться с вами в компенсации упущенного...

— Я не имела в виду ничего дурного, говоря о компенсации. Я не собираюсь курить наркотики или пить не в меру, или... — она запнулась.

— Или?

— Ничего. Просто «или».

Герсен посмотрел на часы.

— Мне все-таки хотелось бы встретиться с мистером Уорвином.

— Его кабинет чуть дальше по коридору. Мистер Герсен!

— Да?

— Сегодня я сказала вам кое-что, чего, кажется, не следовало говорить. Я имею в виду разговор о шифрах. Это должно быть тайной. Вы только не напоминайте об этом мистеру Уорвину, а то у меня могут быть неприятности.

— Я ничего не скажу об этом.

— Спасибо.

Он повернулся и пошел по коридору, на который она указала.

Через три двери он увидел надпись люминесцентными голубыми буквами:

«ДЖАЙЛ УОРВИН»

— и чуть ниже:

РЕКТОР

Кирт остановился, потрясенный неуместностью пребывания Малагате-Горе в такой обстановке. Может быть, цепь его логических умозаключений где-то была прервана? Но...

— монитор был снабжен шифратором и зарегистрирован в этом институте;

— Хильдемар Даске, главный из приспешников Малагате, упорно рвался к содержимому монитора, которое было бесполезно без соответствующей расшифровки;

— Джайл Уорвин, Деттерас и Келле были единственными, имевшими доступ к дешифратору, и один из них вполне мог бы быть Малагате!

Так кто же? Уорвин, Деттерас или Келле? Предположения без фактов бесполезны. Он должен опираться только на происшедшие события. Что ж, пожалуй, начнем с Уорвина.

Решительно шагнув вперед, Кирт открыл дверь.

В приемной стояла высокая худая женщина средних лет с пронизательными глазами, которая со скучающим видом слушала несчастного на вид молодого человека, медленно, непрерывно кивая головой в такт его словам.

Остановив готового заговорить Герсена взмахом руки, она обратилась к своему собеседнику неожиданно высоким, чистым голосом:

— Я не могу беспокоить ректора, допустив вас к нему с вашими необоснованными жалобами. Вы ведь и сами знаете, что эти часы приема являются простой формальностью и выделены они лишь для того, чтобы успокоить студентов.

— Но для чего же тогда ректор? Что, черт возьми, он тогда делает?

Дама сделала строгие глаза, и студент поспешил извиниться за свою грубость.

— У ректора сейчас приемные часы, — настаивал юноша. Почему же он не может сейчас, именно сейчас, выслушать мою версию?

Женщина покачала головой.

— Извините, — она отвернулась от него и спросила: — Вы мистер Герсен?

Кирт подошел поближе и кивнул головой.

— Мистер Уорвин ждет вас. Прошу вас, вот в эту дверь.

Когда Герсен вошел в кабинет, сидевший за столом Джайл Уорвин поднялся. Это был высокий красивый мужчина. Крепкий и ладно скроенный. О его возрасте трудно было судить — скорее всего он был лет на десять-пятнадцать старше Герсена. Волосы его напоминали подушку из черных локонов, расположенных очень близко к черепу, выразительное светло-коричневое лицо с узкими, глубоко посаженными, черными и задумчивыми глазами, а также жесткие контуры носа и подбородок придавали ему мужественный вид. Он приветствовал Герсена со сдержанной вежливостью.

— Садитесь поудобнее, мистер Герсен. Я рад нашему знакомству.

— Спасибо.

Герсен осмотрелся. Комната имела размеры больше, чем обычный кабинет. Стол занимал необычное положение слева

от двери, и большая часть комнаты оставалась за ним пустой. Высокие окна выходили на квадратный двор, противоположная стена была увешана сотнями карт, представлявших собой меркаторские проекции многих миров. Пустой центр придавал комнате вид палаты заседаний, из которой убрали стол. В дальнем углу, на подставке из полированного дерева, стояло какое-то сооружение из камня и металлических спиралей, о назначении которого Герсен не догадывался. Он сел и перевел внимание на человека за столом.

Джайл Уорвин с трудом ассоциировался с представлением о типичном университетском администраторе. Это, конечно, было бы правильным, подумал Герсен, если бы Уорвин был Малагате.

Противоречия очевидной скромности окраски своей кожи, Уорвин был одет в богатый ярко-синий костюм с белым поясом и белыми же кожаными наколенниками. На ногах его красовались бледно-голубые сандалии. Такая одежда больше подошла бы какому-нибудь щеголю из Авенты. Герсен почувствовал, что какие-то воспоминания шевельнулись в глубинах его памяти, что нечто подобное он уже видел, но затем это «нечто» полностью ушло из его сознания.

Уорвин смотрел на Герсена с таким откровенным любопытством, что Кирт почувствовал даже какую-то неловкость. В этой любознательности явно сквозила нотка снисхождения. Герсен определенно не принадлежал к денди. Он носил нейтральную одежду человека, либо не интересующегося модой, либо не осознающего ее. Он не красил кожу (идя по улицам Авенты, Герсен чувствовал себя почти раздетым), его густые темные волосы были просто и аккуратно причесаны.

Уорвин ждал с внимательной вежливостью.

— Я здесь, мистер Уорвин, — начал Герсен, — в связи с одним весьма запутанным делом.

На лице почетного ректора возникла гримаса удивления.

— О своих мотивах я говорить не собираюсь, — продолжал Герсен, — поэтому прошу вас выслушать меня, не беспокоясь о том, что двигало мной в этой проблеме.

Уорвин кивнул.

— Хотя это и довольно трудно, но я попытаюсь.

— Прежде всего, вы знакомы с Луто Тихальтом?

— Нет, не знаком, — ответ прозвучал быстро и решительно.

— Можно спросить, кто отвечает за проведение университетской космической программы исследований?

Уорвин задумался.

— Вы имеете в виду фундаментальные экспедиции, поисковые или, может быть, какие-то особенные?

— Любую программу, при выполнении которой пользуются услугами разведчиков на отдельных кораблях.

— Гм... — пробормотал Уорвин и насмешливо посмотрел на Герсена. — Вы, наверное, разведчик и ищете работу? Если это так, то...

Герсен вежливо улыбнулся.

— Нет, я не ищу работы.

Теперь уже улыбнулся Уорвин, хотя и весьма невесело.

— Ну, конечно же, нет. Я не очень-то искушен в людях. Например, ваш голос мало о чем мне говорит. Но вы, наверное, не уроженец Скопления?

— В течение почти всей своей молодости я прожил на Земле.

— Да ну?! — Уорвин поднял брови в наигранном удивлении. Здесь, видите ли, мы думаем о землянах с точки зрения теоретиков: как о сектантах, мистиках, гипертрофированных никчемностях, злобредных стариках в черных одеждах Институтции, аристократических декадентах...

— Я не принадлежу ни к одной из перечисленных вами групп.

— Хорошо, мистер Герсен! Вы спрашиваете о наших взаимоотношениях с разведчиками? Прежде всего мы сотрудничаем с большим числом других учреждений, выполняя Главную Программу космических исследований. Во-вторых, у нас есть небольшой фонд, который мы можем расходовать на проведение в жизнь некоторых специальных проектов.

— То есть пожертвование номер 291?

Уорвин быстро кивнул в знак согласия.

— Очень странно, — покачал головой Герсен.

— Странно? Что вас так удивило? — сделал большие глаза Уорвин.

— Луто Тихальт был разведчиком, монитор на борту его корабля принадлежал вашему университету и был приобретен на деньги из фонда N 291.

Уорвин поджал губы.

— Вполне возможно, что мистер Тихальт работал на начальника одного из отделов, выполняя какое-нибудь задание.

— Монитор был снабжен шифровальным устройством. Это должно было сузить возможности.

Уорвин пронзил Герсена суровым взглядом своих черных глаз.

— Если бы я знал, что вы хотите узнать, я мог бы сказать больше по интересующему вас вопросу.

Герсен подумал, что он ничего не потеряет, рассказав то, что ему известно, упустив, правда, при этом некоторые моменты.

Если Джайл Уорвин и есть Малагате, то ему уже известно обо всем, что произошло. Если же нет, то никакого вреда не будет, если узнает.

— Вы слышали когда-нибудь такое имя, как Аттель Малагате?

— Малагате-Горе? Один из так называемых Демонов Тьмы?

— Луто Тихальт обнаружил планету, по-видимому, с идилическими условиями; планету, буквально не имеющую цены; планету, в большей степени похожую на Землю, чем сама Земля. Малагате узнал об этом открытии. Каким образом — не понимаю. Во всяком случае, не менее четырех людей Малагате вышли за ним на охоту в таверне планеты Смейда.

Тихальт прибыл туда почти в одно время со мной. Он сел незаметно в укромном месте и пешком пришел в таверну. Вечером прибыли люди Малагате. Несчастный малый попытался скрыться, но они поймали его в темноте и убили. Затем они отбыли на моем корабле, посчитав, что это аппарат Тихальта. Обе «тачки» были одинаковыми, старой модели 9В.

— Герсен засмеялся. — Когда они проверили мой монитор, их ждал неприятный сюрприз. На следующий день я отбыл на «старушке» Тихальта. Естественно, я завладел его монитором. Теперь я намерен продать содержащуюся там информацию по самой дорогой цене, какую я только могу позволить себе назначить.

Уорвин живо кивнул, передвинув бумаги на своем столе на дюйм влево.

Герсен внимательно следил за его действиями, за этими безупречными руками с отполированными до блеска ногтями.

— И с кого же вы предполагаете содрать эту цену?

Герсен пожал плечами.

— Я представлю первую возможность поручителю Тихальта. Как я уже только что говорил, информация зашифрована и совершенно бесполезна без дешифрирующей перфокарты.

Уорвин откинулся назад в своем кресле.

— Так с ходу я не могу сказать, кто заключил контракт с этим... Тихальтом. Но должен вас заверить, что, кто бы ни оказался этим поручителем, он не станет покупать kota в мешке.

— Естественно, не станет. Но у меня есть кое-что интересное для этого человека.

Итак, до сих пор еще не утихли страсти по поводу странной особенности эволюционного развития жизни в Галактике. С начала первых долгих межзвездных путешествий человечество столкнулось с величайшей загадкой, которая до сих пор еще так и не раскрыта. Оказалось, что в сфере радиусом десять световых лет от Земли на всех планетах кислородного типа существует жизнь, во всех подробностях аналогичная земной. Странность заключалась в том, что в этом районе нигде не было обнаружено ни одной другой разумной расы.

В последующем выяснилось, что вся Галактика построена таким образом, т.е. с определенной базовой планетой в центре, не обязательно кислородного типа. Если на базовой планете существовала кремниевая жизнь, то во всем этом радиусе жизнь с другим метаболическим циклом или просто не существовала, или же находилась в крайне угнетенном состоянии. Это не значит, что кроме Земли не было других планет с кислородной жизнью. Были, и даже с разумной расой на них, правда, господствовали другие виды. Но если уж там обосновались человекоподобные, то их генный код во всех подробностях был настолько идентичен виду «гомо сапиенс», что вскоре после того, как на планете земного типа Джарнелл (в сфере Джарнелла) была раскрыта тайна рас-

щепления пространства и возможность путешествия в пространственно-временном континууме, стало очень трудно идентифицировать базовую принадлежность гуманоида.

Взаимоотношения гуманоидов с другими разумными расами довольно сложные. Практически все делают вид, что кроме них во всей Галактике больше не существует разумных рас, но в то же время все стараются не попадать, пусть даже случайно, в сферы влияния других разумных видов. Поэтому под понятием «Ойкумена» понимается не определенный район Галактики, а сфера влияния гуманоидов на расстоянии нескольких сотен световых лет друг от друга...

/Из книги Кейта Олафсона Трика Младшего «Нераскрытые тайны Вселенной», 1062г./

Вопрос: Что вы можете сказать о циклопических сооружениях на Троне, планете, входящей в сферу влияния Джарнелла?

Ответ: Ничего более того, что уже и так общеизвестно.

Вопрос: Правда ли, что недавние открытия археологов позволили сделать предположение, что эти таинственные монументы были воздвигнуты некой працивилизацией?

Ответ: Что вы имеете в виду?

Вопрос: Я говорю о работах двух исследователей — землянина Эрика Теросяна и тронца Яска Рея.

Ответ: Что же в работах этих двух ученых позволило сделать вам такой вывод? Да, эти результаты очень интересны. Согласен, что некоторые нюансы, замеченные ими при систематизации многочисленных данных по археологическим раскопкам на Троне, позволили сделать еще один шаг в деле раскрытия загадки распространения жизни в Галактике. Но связывать это с працивилизацией? Не кажется ли вам это чистой воды фантастикой?

Вопрос: Разве? Но ведь легенды о древних цивилизациях входят в фольклор всех разумных рас Галактики, как типа «гомо сапиенс», так и негуманоидных. Причем здесь не имеет значения, на каком химическом элементе основана жизнедеятельность этой расы. Возьмите хотя бы легенды о звезд-

ных пришельцах в древней истории Земли. А легенды о небесных помощниках на планетах системы Ронкс? А как вы объясните тот факт, что практически на всех планетах Галактики, где разумные существа продвинулись по пути развития дальше первобытнообщинного строя, есть сооружения, в той или иной форме приближенные к пирамидам?

Ответ: Думаю, что это просто совпадение.

Вопрос: О каком совпадении может идти речь, если психология некоторых рас Галактики столь отлична от общечеловеческой?

Ответ: И все же я придерживаюсь убеждения, что это просто совпадение...

/Из интервью Мака О. Флая, доктора естественных наук, ректора Нью-Оксфордского университета планеты Джукс./

Герсен положил фотографию на стол. Уорвин взглянул на нее, на дальней стене вспыхнул всеми цветами экран.

Тихальт сделал этот снимок с одной из возвышенностей, неподалеку от боковой долины. С обеих сторон на снимке были видны уходящие вдаль холмы с закругленными вершинами.

С одной стороны долины росли рощи высоких темных деревьев, по лугу бежала речка с заросшими берегами. На дальнем конце луга, почти в тени леса, стояли, на первый взгляд, заросли цветущего кустарника. Солнечный свет от невидимого Солнца струился золотисто-белым, теплым и спокойным потоком. Съемка скорее всего происходила в полдень.

Уорвин долго изучал снимок, затем издал неопределенный звук. Герсен выложил еще одну фотографию. Теперь на экране возник несколько другой вид долины: река, извиваясь, в конце концов, исчезала вдали. С обеих сторон, образуя нечто вроде просеки, стояли высокие деревья, также исчезающие где-то в тумане на горизонте.

Уорвин тяжело вздохнул.

— Бесспорно, красивая планета и похоже, что очень гостеприимная. А как насчет атмосферы и биогенеза?

— Они совершенно совместимы, судя по словам Тихальта.

— Если она, как вы утверждаете, необитаема и еще не нанесена на карту, то независимый разведчик мог бы заложить любую цену за информацию о ней. Но все же, поскольку я не вчера родился, могу также сказать, что подобную фотографию можно сделать где угодно, даже на Земле, где растительность очень похожа на эту.

Вместо этого Герсен вытащил третью фотографию. Уорвин вставил ее в экран. На нем сразу же возник, как будто снятый с расстояния семи метров, один из предметов, который на первой фотографии напоминал куст.

На фотографии было изображено грациозное шагающее существо, очень напоминающее гуманоида. Стройные серые ноги, поддерживающие серое, серебристое, зелено-голубое туловище. Пурпурно-зеленые глаза смотрели с яйцевидной головы, не имевшей других примечательных черт. Из плеч вырастали какие-то члены, напоминавшие руки, которые, переплетаясь, поддерживали похожее на павлиний хвост опахало с листьями.

— Эти создания, как его там... Тихальт... назвал дриадами.

— ...безусловно уникально. Я ничего подобного прежде не видел! Если снимок не является подделкой (я, правда, не верю, что это подделка), то эта планета именно такова, как вы заявили.

— Я не делал никакой заявки. Заявку сделал Тихальт. Эта планета — так он сказал мне — настолько прекрасна, что он больше не мог уже ни оставаться на ней, ни покинуть ее.

— И записями Тихальта теперь владеете вы?

— Да. И я хочу продать их. Рынок предположительно ограничен только теми лицами, которые имеют свободный доступ к дешифратору. Из них поручатель Тихальта должен иметь право первенства.

Уорвин долго изучающе смотрел на Герсена.

— Такое донкихотство озадачивает меня. На вид вы не кажетесь простаком.

— Судить надо по поступкам, а не по впечатлениям.

Уорвин надменно поднял бровь и произнес:

— Предположим, что я мог бы предложить за содержимое монитора, ну, скажем, две тысячи севов сейчас и еще десять тысяч после проверки планеты. Ну, может быть, чуть больше.

— Естественно, что я стараюсь получить как можно большую сумму денег, — ответил Герсен, — но я хотел бы все-таки сначала переговорить с господами Колле и Деттерасом. Один из них должен быть поручателем Тихальта. И если никто из них не проявит к этому интереса, тогда...

— Зачем вы хотите втянуть в это дело еще и их?

— Кроме вас, кажется, только они могут иметь свободный доступ к дешифратору.

— Могу я поинтересоваться, откуда вам известно об этом?

Вспомнив просьбу Паллис Атроуд, Герсен ощутил угрызение совести.

— Я спросил у одного молодого человека во дворе колледжа, но-видимому, это общеизвестно.

— Слишком много развелось болтунов, — сердито пробормотал Уорвин.

Герсен все хотел спросить, как Уорвин провел предыдущий месяц, но удобный случай никак не представлялся. Такой вопрос было бы глупо задавать в лоб — если Уорвин и есть Малагате, его подозрения моментально возросли бы.

Уорвин забарабанил пальцами по столу. Немного помолчав, он резко спросил:

— Если вы дадите мне полчаса, я приглашу к себе в кабинет мистера Деттераса и мистера Келле. Вот тогда вы и смогли бы справиться у них о дешифраторе. Вам это подходит?

— Нет.

— Нет?! — пролаял Уорвин. — Почему же?

Герсен встал.

— Поскольку это непосредственно вас не касается, я предпочел бы переговорить с этими джентльменами наедине.

— Ваше право, — холодно сказал Уорвин и на мгновение задумался. — Я никак не могу понять, чего вы добиваетесь. Веры в вашу искренность у меня нет, поэтому я и предлагаю вам сделку.

Герсен промолчал.

— Келле и Деттерас — люди занятые, — продолжал Уорвин. Доступ к ним не столь легок, как ко мне. Я же устроил бы так, чтобы вы повстречались с ними сразу же — даже сегодня, если вам угодно. Вероятно, кто-то из них и пришел к соглашению с Луго Тихальтом. В любом случае после ваших переговоров с ними сообщите мне, что они вам предложили, если хоть что-нибудь предложат, и тем самым предоставьте мне возможность заплатить вам больше. Ну, как?

— Другими словами, — сказал Кирт Герсен, — вы хотели бы завладеть этой планетой лично для себя?

— А почему бы и нет? Записи уже больше не являются собственностью университета. Сейчас вы владеете ими. И, если хотите знать правду, это именно мои деньги составляют фонд номер 291.

— Звучит вполне логично.

— Значит, вы согласны на сделку со мной?

— Пожалуй, да. Но только при одном условии: если поручатель Тихальта откажется.

Уорвин опустил веки.

— Меня удивляет, почему вы так настаиваете на этом? — произнес он, кривя губы в циничной улыбке.

— Вероятно, я все-таки человек донкихотского склада ума, мистер Уорвин.

Уорвин покачал головой, нажал кнопку интеркома и что-то тихо сказал в микрофон. Затем он снова повернулся к Герсену и усмехнулся.

— Вот видите, все идет хорошо. Мистер Келле встретится с вами первым, затем вас будет ждать мистер Деттерас. После этого вы пройдете ко мне и сообщите о достигнутых результатах.

— Я согласен.

— Хорошо. Кабинет Келле вы найдете в противоположном крыле здания.

Герсен вышел в коридор мимо сверкающей глазами секретарши Уорвина и опять прошел в вестибюль. Поллис Атроуд подняла глаза, горя от нетерпения, и от этого показалась Герсену еще более привлекательной, чем прежде.

— Вы узнали то что хотели?

— Нет. Он отослал меня к Келле и Деттерасу.

— Сегодня?

— Прямо сейчас.

Она с еще большим интересом взглянула на него. — Как удивятся этому люди, которым как Келле, так и Деттерас отказали сегодня во встрече.

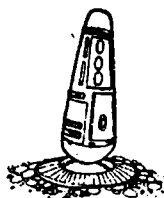
Герсен ухмыльнулся.

— Я не знаю, как долго буду занят... Если вы освободитесь в четыре...

— Я подожду, — сказала Паллис Атроуд и рассмеялась.

— Я хочу сказать, чтобы вы постарались не слишком задерживаться после четырех. Если же этого не получится, то я пойду домой, а дома — дома ждать будет легче.

— Я постараюсь управиться как можно быстрее, — заверил Кирт девушку.

ГЛАВА 13

Считая, что неподтвержденная догма одного локального культа не может быть подходящей базой для установления хронологии галактического человечества, участники данной конвенции объявляют, что время теперь будет отсчитываться от 2000 года нашей эры (по старой системе), который, таким образом, становится нулевым. Период обращения Земли вокруг Солнца останется по-прежнему стандартной единицей года».

/ Из декларации конвенции Ойкумены о стандартизации единиц и мер. /

«Кто наши основные враги? Это — тайна, неведомая даже им самим!»

/ Милостивый ответ Касавье Сколкамина, более чем столетнего исследователя Институтции, данный им журналистам по поводу некоторых взаимоотношений человеческой цивилизации с другими разумными расами Галактики. /

Кагге Келле предстал Кирту невысоким полным мужчиной, с крупной, четко очерченной головой. Кожа его лишь едва отсвечивала бледно-розовым цветом. Строгий темно-коричневый костюм с пурпурными полосами подчеркивал

его ясный задумчивый взгляд, короткий приплюснутый рот и поджатые губы. Черты, которые придавали лицу налет какой-то загадочности. Он приветствовал Герсена нарочито вежливо, не перебивая выслушал его рассказ и, не выказывая повышенного интереса, просмотрел представленные фотографии.

Тщательно подбирая слова, он сказал Герсену:

— Простите меня, но я ничем не могу вам помочь. Я не был поручителем экспедиции мистера Тихальта. Мне ничего не было известно об этом человеке до нашей встречи. Так что, полагаю...

— Вы позволите мне использовать дешифратор? — перебил его Герсен.

Келле на мгновение задумался, а потом ровным голосом произнес:

— К сожалению, это противоречит принятым в отделе правилам. Я подвергся бы за это критике, а это... — он еще раз взглянул на фотографии, — это, несомненно, планета с очень интересными особенностями. Как ее название?

— Я не располагаю такими сведениями, мистер Келле.

— Да... Тогда ответьте мне еще на один вопрос. Я никак не могу понять, почему вы так упорно ищете поручителя этого Тихальта? Вы представляете «Интергалактопол»?

— Я — частное лицо, хотя, естественно, мне нечем доказать это.

— Каждый заботится о собственных интересах, — скептически заметил Келле. — Если бы я понимал, чего вы добиваетесь, я, возможно, поступил бы более гибко.

— Примерно то же самое мне сказал недавно мистер Уорвин.

Келле встрепенулся и смерил Герсена колючим взглядом.

— Ни меня, ни Уорвина нельзя назвать невинными людьми. Ради нашего отдела я могу позволить себе сделать вам предложение относительно информации, заключенной в мониторе, — хотя, судя по вашему рассказу, она с самого начала является собственностью отдела.

Герсен кивнул в знак полного согласия.

— Это именно то, что я и пытаюсь установить. Принадлежит ли эта информация кому-либо, или я могу распоряжаться ею, как мне заблагорассудится? Если я смогу разыскать поручителя Тихальта или определить, существует ли вообще фактический поручитель, тогда появился бы широкий спектр новых возможностей.

Келле, казалось, вовсе не был тронут откровенностью Герсена.

— Сложилась очень своеобразная ситуация... Как я уже сказал, я бы мог сделать вам прекрасное предложение насчет информации, которой вы располагаете. Даже такому частному лицу, как вы, если это только будет способствовать ускорению дела. Хотя я, естественно, настаивал бы на предварительной инспекции планеты.

— Вы знаете о моих сомнениях на сей счет, мистер Келле.

В ответ Келле только недоверчиво улыбнулся. Он еще раз посмотрел на фотографии.

— Ландшафт... и... дриады. Я должен сказать, что они весьма интересны. Хорошо, я могу помочь вам в определенных пределах, например, я просмотрю документы университета, содержащие информацию о Луго Тихальте. Но за это я хотел бы получить от вас гарантии того, что я смогу первым приобрести эту планету. В том случае, разумеется, если вы не сможете разыскать так называемого «поручителя».

Герсен не смог сдержать улыбки.

— Вы же хотели убедить меня в том, что она вас совсем не интересует.

— Ваши выводы не имеют никакого значения, — спокойно заметил Келле. — Ваши чувства не задеты, и вам нет никакого дела до моего мнения о вас. Вы начали переговоры со мной так, будто я умственно неполноценен. Вы явились сюда со сказочкой, которая не произвела бы впечатления даже на ребенка.

Герсен пожал плечами.

— Сказочка — это, пожалуй, довольно точное определение. Естественно, что я не рассказал вам всего того, что мне известно.

Келле снова улыбнулся, но на этот раз великодушно.

— Что ж, давайте посмотрим, что говорят наши документы, — он нажал кнопку интеркома и произнес в микрофон — Секретная справочная служба. Сфера Кагге Келле.

В ответ раздался металлический голос информационного компьютера:

— Контракт между Луго Тихальтом и Отделом галактической морфологии. Дата: шестое января 1521 года.

Герсен испустил вздох облегчения. Только теперь он понял, в каком напряжении находился все это время. Это было уже что-то определенное — Луго Тихальт был нанят в качестве разведчика кем-то внутри отдела.

— Прочитайте основную часть контракта, — приказал Келле.

— Луго Тихальт и Отдел галактической морфологии договорились о нижеследующем: отдел представляет Луго Тихальту соответствующий корабль, снаряжение, оборудование стандартного типа в исправном состоянии, чтобы Тихальт провел в качестве представителя отдела тщательное обследование определенных областей Галактики. Отдел финансирует Тихальта суммой в 5000 севов и гарантирует нарастающую премию за поэтапный облет запланированных районов. Тихальт обязуется приложить максимум усилий для успешного проведения обследования, сохранять результаты указанного обследования в целости и секрете от всех лиц и агентов, не действующих по договоренности с отделом. Подписи: Луго Тихальта — за Луго Тихальта, Олина Базарман — за отдел. Больше сведений нет.

— Гм... — многозначительно изрек Келле и отрывисто бросил в микрофон: — Олина Базарман!

Щелчок.

— Олина Базарман, начальник канцелярии, слушает.

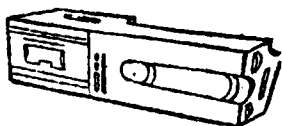
— Говорит Келле. Два года назад некто Луго Тихальт был принят разведчиком. Вы подписали с ним контракт. Не помните ли обстоятельства, сопутствующие этому?

— Нет, сэр, — раздался через несколько мгновений ответ.
— Не могу ничего припомнить. Контракт, видимо, попал ко мне вместе с другими бумагами.

— А не помните ли вы, кто затеял все это дело, кто именно поручился за него?

— Нет, мистер Келле. Это, должно быть, или вы, или мистер Деттерас, или, возможно, мистер Уорвин. Никто другой не может дать «добро» на такую экспедицию и поручиться за разведчика.

— Понятно... благодарю вас, — Келле повернулся к Герсену. Ну вот вам и ответ. Если это не Уорвин, значит, Деттерас! К тому же Деттерас — бывший декан колледжа Символистики. Возможно, что он был знаком с Тихальтом.

ГЛАВА 14

Рандл Деттерас, руководитель Исследования, казался человеком, вполне довольным всем, — довольным самим собой, своей работой, всем миром в целом. Когда Герсен вошел в кабинет, тот приветственно поднял руку. Деттерас был крупным мужчиной, удивительно некрасивым для этого века, когда заостренный нос или отвислая губа могли быть приведены в соответствие с господствующими эстетическими нормами всего лишь за несколько часов. Он и не делал попыток скрыть свое безобразие, напротив, казалось, что довольно грубый сине-зеленый цвет его кожи (разумеется, от специальной краски), под цвет медного купороса, еще более оттенял неотесанность его лица и без того бросающуюся в глаза неуклюжесть его движений. Голова его имела форму тыквы, тяжелый подбородок покоился на груди, из которой он, казалось, непосредственно вырос, на голове у него росла щетина цвета влажного мха. Казалось, что он имел одинаковую толщину от колен до плеч, отчего туловище больше всего смахивало на чурбан. На нем была полувоенная форма барона Ордена архангелов: черные невысокие сапоги, свободные алые галифе и великолепный сюртук, исполосованный продольными зелеными и розовыми полосами. На плечах у него блестели золотые эполеты. У Деттераса хватало присутствия духа с невозмутимым до-

стоинством совмещать свой мундир со странной физиономией. Любой другой человек, более мнительный или застенчивый, в таком наряде мгновенно прослыл бы эксцентричным чудаком.

— Хорошо, хорошо, мистер Герсен, — радушно сказал Деттерас, — как для вас, не слишком рано попробовать розовой водки?

— Я прямо из постели.

Деттерас уставился на посетителя с таким изумлением, что Кирту стало неловко, но Деттерас уже искренне смеялся, заметив его неловкость.

— Отлично! Именно в такие моменты я поднимаю флаг гостеприимства. Розовую, лимонную или белую?

— Белую, пожалуйста.

Деттерас налил из высокого узкого графина и первым поднял рюмку.

— За початок! — провозгласил он и со смаком выпил. — Первая рюмка за день, что посещение материнского дома. — Он налил себе вторую, повернулся к Герсену, приняв ленивую, оценивающую позу.

«Кто же из них? Уорвин, Келле или Деттерас?» — спросил себя Герсен. Раньше он склонялся в пользу Уорвина, теперь же его снова охватили сомнения. Деттерас, несомненно, имел силу. Он источал грубую, необузданную, почти осязаемую энергию.

Деттерас, по-видимому, не спешил взять быка за рога, хотя, наверное, уже был хорошо осведомлен обо всем. Скорее всего, с ним уже связывались и Келле, и Уорвин.

— Головоломка, которую никогда нельзя решить до конца, — довольно напыщенно сказал Деттерас, — почему и как люди отличаются друг от друга.

«Ну, раз уж он не спешит, — подумал Герсен, — то мне и подавно нечего спешить».

Немного помолчав, Герсен сказал:

— Вы, несомненно, правы, хотя я и не уловил непосредственной связи со мной.

Деттерас рассмеялся тяжеловесным, громовым голосом.

— Именно так и должно было быть. Я бы удивился, если бы вы признались в обратном. — Он поднял руку, как бы предвосхищая ответ Герсена. — Самонадеянность с моей

стороны? Нет. Выслушайте меня. Вы человек трезвый, прагматичный. Вы взвалили на себя тяжелое бремя тайн и темных намерений.

Герсен подозрительно потягивал рисовую. Словесная пиротехника могла иметь целью притупить его осторожность. Он сосредоточил все свое внимание, обоняние и вкус на рисовой, пытаясь уловить какой-нибудь чуждый компонент. Деттерас наливал в обе рюмки из одного и того же графина: он предложил Герсену выбрать любой из трех сортов, он расставлял рюмки без какого-либо очевидного расчета. Тем не менее существовал огромный диапазон хитростей, против которых обычная бдительность была бессильна...

В выпивке, похоже, не было ничего постороннего, убеждали Герсена его вкус и обоняние, прошедшие тренировку на Саркое. Тогда он сфокусировал свое внимание на Деттерасе и его последнем замечании.

— У вас преувеличенное мнение обо мне.

Деттерас ухмыльнулся, показав лошадиные зубы.

— Но, тем не менее, по сути дела, точное.

— Возможно.

Деттерас самодовольно кивнул, как будто Герсен выражением лица подтвердил его предположение.

— Это искусство или привычка к наблюдательности, выработанные долгими годами тренировки. Я прежде специализировался на символистике, пока не решил, что достаточно общипал это пастбище своими длинными зубами в пределах, которые могла позволить моя привязь. Поэтому я теперь здесь, в Галактической Морфологии. Менее запутанная отрасль, скорее описательная, чем аналитическая, скорее предметная, чем связанная с человековедением. И все же я, от случая к случаю, нахожу возможности приложения моего прежнего ремесла.

Вот, допустим, разберем ваш частный случай. Вы, совершенно незнакомый человек, вошли в мой кабинет. Я оцениваю ваши явно символические проявления: цвет волос, черты лица, цвет кожи, форму, состояние, одежду. Ваш общий стиль, так сказать. Вы можете заметить, что это общепринятая практика. Я отвечу — да, это так. Все едят, но искусный дегустатор — это редкость. Я считываю эти символы с величайшей точностью, и они дают мне сведения о вашей лично-

сти. С другой стороны, я отрицаю подобные же знания обо мне у вас. Почему? Я выражен в случайных и противоречивых символах. На мне постоянная маскировка, а из-за ее прикрытия за вами наблюдает настоящий Рандл Деттерас, такой же спокойный и хладнокровный, как какой-нибудь импресарио на сотом представлении блестящей фестивальной постановки.

Герсен улыбнулся.

— Во-первых, мое естество может быть таким же пестрым, как и ваши символы, и я мог бы умышленно скрывать их по тем же причинам, что и вы, — какими бы они ни были. Во-вторых, то, каким вы представляете себя, если этому можно верить, освещает вас так же ясно, как набор ваших естественных символов. В-третьих, зачем так беспокоиться обо мне?

Деттераса это, кажется, развеселило.

— Ага! Вы хотите поймать меня на том, что я обманщик и шарлатан! И все же я не могу отказаться от убеждения, что ваши символы говорят мне о вас больше, чем мои обо мне.

Герсен откинулся в своем кресле.

— Но практическая польза от этого невелика.

— Не делайте поспешных выводов, — воскликнул Деттерас. — Предположим, ваши символы только положительные. Рассмотрим на мгновение, что в этом плохого? Многих людей раздражает загадочность манер их коллег. Вы возражаете, утверждая, что символы не сообщают ничего существенного, вы отделяетесь от них. Тогда как другие, напротив, обеспокоены тем, что не могут совладать с быстрым ростом информации из символики, — тут Герсен попытался возразить, но Деттерас жестом попросил его не прерывать. — Рассмотрим тинкеров с Мицара VI. Вы слышали о них? Это религиозная секта.

— Вы уже упоминали их несколько минут назад.

— Как сказал я, — продолжал Деттерас, — это религиозная группа: аскетическая, суровая, чрезвычайно благочестивая. Мужчины и женщины одеваются абсолютно одинаково, бреют головы, пользуются языком из 820 слов — и все это для того, чтобы обезопасить себя от затруднений, связанных с раздумьями о побуждениях друг друга. Правда, и только правда! В этом основная цель обычаев тинкеров. И

совсем неподалеку от Мицара VI находится Сирена, где по тем же самым причинам мужчины носят в высшей степени условные маски от рождения до смерти. Их лица являются самой дорогой для них тайной. — Детгерас указал на графин. Герсен кивнул и пододвинул рюмку.

— Здесь, на Альфаноре, обычаи более усложненные, — продолжил ученый. — Мы смеемся для того, чтобы обидеть кого-либо или защититься самим (хотя нельзя отрицать и чистосердечного смеха), и насмешка эта дополняется тысячью двусмысленных символов. Жизнь — штука необыкновенно усложненная: искусственная напряженность, нерешительность и подозрительность подчас становятся нормой.

— И в ходе этого, — заметил Герсен, — развивается обостренная чувствительность, недоступная ни тинкерам, ни серинитам.

Детгерас сделал предупредительный жест рукой.

— Опять не спешите. Я хорошо знаком с каждым из этих народов, бесчувственность — не то слово, которое можно применить по отношению к ним. Сериниты обнаружат тончайший нюанс беспокойства, когда мужчина маскирует себя сверх самой обычной нормы. И у тинкеров — о них я знаю меньше — уверен: индивидуальная дифференциация такая же глубокая и разнообразная, как и у вас, если даже не больше. Я процитирую аналогичную эстетическую догму: чем суровой дисциплина в искусстве, тем более субъективен критерий вкуса. Или вот вам пример из другой области, еще более поучительный. Возьмем Звездных Королей негуманойдов, дух которых приводит индивидуума к качествам буквально сверхчеловека. И снова об Альфаноре — следует помнить, что местные жители обрушивают друг на друга громадное количество как в высшей степени достоверной информации, так и не меньшее количество неопределенностей.

— И чересчур при этом смущаются, — сухо заметил Герсен, если позволяют сбить себя с толку.

Детгерас тихо рассмеялся, очевидно, очень довольный дополнением собеседника.

— Вы вели образ жизни, совершенно отличный от моего. На Альфаноре исходными не являются жизнь или смерть.

Все давно лишились наивности и искушены в житейских делах. Гораздо легче принимать людей в соответствии с их собственной оценкой, чем пытаться дать ее самому; по сути, это часто даже непрактично, — он искоса поглядел на Герсена. — Почему вы улыбаетесь?

— Мне становится ясно, что досье Кирта Герсена, заказанное «Интергалактополу», задерживается с прибытием. А вы, тем временем, сочли непрактичным воспринимать меня по моей собственной оценке, и даже по своей.

Теперь настала очередь рассмеяться Деттерасу.

— Вы не справедливы как ко мне, так и к «Интергалактополу». Досье пришло без задержки, за несколько минут до вашего прихода, — он сделал жест в сторону ксерокопии на своем столе. — Я затребовал это досье просто так, для подстраховки, исходя из своей роли ответственного работника этого учреждения. Полагаю, что осторожность еще никому не повредила.

— И о чем же вы там узнали? — спросил Герсен. — Уже давненько я не видел этого досье.

— Оно удивительное. — Деттерас поднял бумагу. — Вы родились в 1490 году. Но где? Ни на одной из основных планет. В десять лет вы прошли регистрацию в космопорте Галилея на Земле, в сопровождении своего деда, прошлую жизнь которого нам следовало бы проверить самым подробным образом. Вы посещали обычные учебные заведения, были приняты неофитом в Институт, достигли одиннадцатой стадии в возрасте двадцати четырех лет /внушающий уважения прогресс/, а затем покинули ее. С этого и до настоящего времени никаких записей больше нет, из чего можно сделать вывод, что вы либо оставались безвыездно на Земле, либо покинули ее нелегально, не проходя обычной регистрации. Поскольку вы сейчас сидите передо мной, остается предположить последнее. Замечательно другое, а именно, что вам удалось прожить в таком сложном обществе, как Ойкумена, довольно долго и при этом ни разу не иметь столкновения с властями. Долгие годы тишины, в течение которых вы чем-то занимались... Чем? С какой целью? Для чего?

Деттерас вопросительно взглянул на Герсена.

— Если этого здесь нет, значит, я не хочу, чтобы оно там было.

— Естественно. Больше здесь почти ничего нет. — Он швырнул досье на стол. — Сейчас вы очень хотите начать свои расспросы. Что же, я принимаю вызов. Да, я знал Луто Тихальта. Наше знакомство началось еще в студенческие годы. В начале своей преподавательской карьеры он был замешан в каком-то предосудительном деле и выпал из моего поля зрения. Где-то около года назад он встретился со мной и попросил о контракте разведчика.

Герсен смотрел на него, не веря своим ушам. Значит, вот где был Малагате!

— И вы отослали его в экспедицию?

— Я предпочел не делать этого, поскольку не хотел, чтобы он зависел от меня всю оставшуюся жизнь. Я хотел ему помочь, но только не личным участием в его судьбе. Я предложил ему обратиться к почетному ректору Джайлу Уорвину либо к председателю Комитета по планированию исследований Карте Келле. Стоило ему только упомянуть мое имя, как они постарались бы ему посодействовать.

У Кирта перехватило дух. Деттерас говорил с такой уверенностью... что складывалось впечатление, что он говорит правду. Но кто же тогда из этих троих правду утаил? Деттерас по крайней мере подтвердил, что один из них троих — то ли он сам, то ли Уорвин, то ли Келле — лгал!

Кто же?

Сегодня он видел Аттеля Малагате, глядел ему в глаза, слушал его голос... Ему внезапно стало не по себе. Почему это Деттерас был таким непринужденным? По всей вероятности, человек, настолько занятый, как он, не мог позволить себе потратить столько времени. Неожиданно Герсен принял решение:

— Сейчас я открою, ради чего пришел к вам.

Он изложил ему ту же историю, которую чуть раньше выслушали от него Уорвин и Келле, и, пока он говорил, с лица Деттераса не сходила легкая улыбка. Герсен развернул фотографии, но Деттерас просмотрел их без всякого интереса.

— Красивая планетка, — заметил он. — Будь я богачом, я попросил бы, чтобы вы продали мне ее в качестве личного имущества, но я не богач... даже совсем наоборот. В любом случае

вы, похоже, не столь беспокоитесь о том, чтобы продать свои права на эту планету, сколько о том, чтобы разыскать поручителя бедняги Тихальта.

Герсена это застало врасплох.

— Я просто хочу продать ему эту планету за разумную цену, — брякнул он невпопад.

Деттерас скептически усмехнулся.

— На дурака вы не похожи. Извините, если это слово хоть как-то могло вас задеть... Если хотите знать, я не могу позволить себе вероломства, хотя планетка, по правде сказать, меня очень интересует. Ваш человек — Уорвин или Келле.

— Они отрицают это!

— Странно... что же тогда?

— В нынешнем состоянии содержимое монитора бесполезно для меня. Вы можете предоставить мне дешифрирующую перфокарту?

— Боюсь, что об этом не может быть и речи.

— Я так и полагал. Поэтому я должен продать монитор, вернее, его содержимое, кому-то из вас или Университету. Правда, можно еще уничтожить записи!

— Гм... — Деттерас понимающе кивнул. — Тут надо все хорошенько продумать. Если ваши требования не будут чрезвычайно обширными, меня бы заинтересовало... Или, вернее, мы трое сообща могли бы прийти к определенному соглашению с вами. Гм... Разрешите мне переговорить с Келле и Уорвином. И затем, если сможете, приходите сюда завтра, ну, скажем, в десять часов. Возможно, у нас будет определенное предложение, которое сможет вас заинтересовать.

Герсен поднялся.

— Очень хорошо. Итак, завтра в десять.

ГЛАВА 15

Да, мы реакционная, скрытная, пессимистическая организация. У нас есть агенты где угодно. Нам известны тысячи способов отбить охоту проводить исследования, саботировать эксперименты, искажать результаты. Даже в собственных лабораториях Институтуции мы действуем осмотрительно и осторожно.

А теперь позвольте мне ответить на некоторые вопросы и отвести обвинения, направленные в наш адрес.

Имеют ли члены Институтуции богатства, привилегии, власть, независимость от законов? Честность заставляет нас ответить: да! В различной степени, в зависимости от стадии и достижений.

Значит ли это, что Институтуция является группой родственников, закрытой для других, замкнутой на себе? Отвечаем: никоим образом! Разумеется, мы считаем себя интеллектуальной элитой. А почему бы и нет? Членство открыто для всех, хотя немногие из наших неофитов доходят хотя бы до пятой стадии.

Наша политика? Достаточно проста. Сверхсветовой привод вложил ужасное оружие в руки людей, страдающих манией величия. Имеются также и другие знания, в равной степени доступные, которые могут обеспечить им тирани-

ческую власть. И вот поэтому-то мы и контролируем распространение знаний.

Нас едко критикуют как «самозванных божеств», обвиняют нас в педантизме, заговорах, покровительстве, высокомерии, упрямой и самодовольной уверенности в себе — и это самые мягкие из упреков, которые мы слышим. Нас обвиняют в невыносимо мелочной опеке и в то же время за то, что мы устранимся от обычных человеческих дел. Почему бы нам не употребить свои знания ради облегчения труда, искоренения страданий, продления жизни? Почему мы остаемся глухи к подобным призывам? Почему не превратим жизнь человечества в утопию? — Ведь это вполне посильная для нас задача.

Ответ прост, — возможно, даже обманчиво прост. Мы чувствуем, что это — фальшивые блага. Что спокойствие и пресыщение подобны смерти. Несмотря на всю неопытность и страшные издержки, мы завидуем страстной деятельности древнего человечества. Мы считаем, что добытое тяжким трудом, триумф после несчастий, достижение долго желаемой цели являются высшим благодеянием по сравнению с милостыней из рук лицемерного правительства».

/ Из телевизионного обращения Мадюана Карбьюка Сотого, достигшего сотой стадии Институщии, произнесенного им в 1502 году 2 сентября на планете Мицар VI./

Вопрос, который часто задают членам Институщии: Имеются ли среди ваших членов Звездные Короли?

Обычный ответ: Мы искренне надеемся, что нет!

Девиз Институщии: Малое знание — вещь опасная. Большое количество знаний — несчастье!

Правда, завистники перефразировали это так: «Да будет благословенно чье-нибудь невежество!»

Паллис Атроуд жила вместе с двумя другими девушками в жилой башне на берегу моря к югу от Ремо. Поджидая в вестибюле, пока она поднималась, чтобы сменить платье и подцветить кожу, Герсен вышел на балкон, выходящий к океа-

ну, и облокотился на поручень. Огромный сверкающий Ригель опустился низко над океаном, высветив размытую дорожку от берега к горизонту. Впереди, в гавани, образованной двумя пирсами, стояли сотни различных лодок: яхты, парусные катамараны, субмарины со стеклянными корпусами, реактивные аквапланы, на которых можно было мчаться над волнами с бешеной скоростью.

Настроение, охватившее Герсена, было сложным и непонятным даже ему самому. Здесь было и вызывающее участие к самому себе в предвкушении вечера с красивой девушкой — ощущение, которое было неведомо ему в течение многих лет. Здесь была и грусть при виде заката, а закат был действительно красив: небо окрасилось в лилово-розовый цвет, на фоне которого плыли темно-оранжевые облака, окаймленные тонким ярко-красным контуром. И не сама красота вечера вызывала грусть, размышлял Герсен, а спокойный, безмятежный свет и его угасание... И здесь же была еще одна грусть — в чем-то схожая, охватившая Герсена при виде жизнерадостной толпы.

Все были изящны и беззаботны, им были неведомы тяжелый труд, страдания и ужасы отдаленных планет. Герсен завидовал их отрешенности, их умению вести себя в обществе. И все же поменялся бы ли он местом с любым из них? Вряд ли.

К нему подошла Паллис Атроуд, встала рядом. Она покрасилась в мягкий оливково-зеленый цвет с нежным золотистым налетом. Услышав неуклюжие комплименты Герсена, она рассмеялась.

— Я чувствую себя припортовой крысой, — сказал Герсен. — Мне следовало бы сменить платье.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — ответила его спутница. — Это не имеет никакого значения. Что мы будем делать, а?

— Жду ваших предложений.

— Очень хорошо. Давайте отправимся в Авенту и сядем на бульваре, где все любит прогуливаться. Меня никогда не утомляет зрелище проходящих мимо людей. А там уж мы придумаем, что делать дальше.

Герсен согласился.

Они сели в глайдер и отправились на север. Паллис с неподдельной искренностью болтала о себе, о своей работе, о своих мнениях, планах и надеждах. Она была, как узнал Герсен, уроженкой острова Синхай, на планете Ис. Ее настоятельные родители владели единственным холодильным складом на полуострове Лантанго; когда они устроились от дел и переехали на Пальмовые острова, ее старший брат принял на себя руководство холодильником и родительский дом. Второй по старшинству брат хотел жениться на ней — такая форма брачного союза поощрялась на Исе, первая колония на которой была основана группой Реформаторов-Рационалистов. Он был дюжим, краснолицым, высокомерным и единственным, что умел, — это водить рефрижератор, а такая перспектива вовсе не захватывала воображения Паллис.

Здесь девушка заколебалась, и ее оживление несколько уменьшилось, она переменяла тему разговора. Герсену оставалось только догадываться о драматических и бесчисленных обвинениях, имевших место. В Авенте Паллис прожила уже два года и, хотя иногда скучала по дому, чувствовала себя счастливой и уверенной. Прежде Герсен не сталкивался с такой безыскусностью и был очарован болтовней собеседницы.

Они поставили глайдер на стоянку и вышли на эспланаду. Пройдя немного, они заняли столик перед одним из бесчисленных кафе и стали наблюдать за проходящими мимо толпами. Вокруг простирался темный океан, небо было серо-оливкового цвета, только небольшое лимонное зарево указывало на место, где зашел за горизонт гигантский диск Ригеля. Вечер окутывал их теплом, вокруг медленно прогуливались люди со всех концов Ойкумены. Официант принес бокалы с пуншем. По мере того как Герсен потягивал этот восхитительный напиток, он ощущал, как уменьшается владевшее им напряжение. Некоторое время они сидели молча, затем Паллис внезапно повернулась к нему лицом.

— Вы такой молчаливый, такой настороженный. Это из-за того, что вы из дальних миров?

Вопрос застал Герсена врасплох. В конце концов он грустно рассмеялся.

— Я надеялся, что вы сочтете меня таким же беззаботным и обходительным, как и все остальные.

— Вот сказанули, — поддразнила его Паллис. — Сейчас никто не похож друг на друга.

— Разве? — отозвался Герсен. — Я полагаю, что понятие различия относительно, зависит оттого, насколько люди близки к чему-либо.

— Даже бактерии имеют свою индивидуальность, если к ним внимательно присмотреться.

— Значит, я сейчас что-то вроде бактерии?

— А я — другая бактерия и, наверное, наскучила вам.

— Нет, нет! Конечно же, нет! Мне здесь так нравится!

— Мне тоже — очень.

— В этом даже есть что-то расслабляющее.

Паллис учуяла в этом какой-то комплимент.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я не могу себе позволить роскошь предаваться чувствам, даже если бы мне нравилось это.

— Вы очень уж рассудительны, хотя и молоды.

— Я уже, увы, больше не молод.

Она весело махнула рукой.

— Но вы признаете, что слишком рассудительны?

— Конечно! Но будьте осторожны, не подталкивайте меня слишком близко к обрыву.

— Каждой женщине хочется думать о себе как о соблазнительнице.

На этот раз Герсен ничего не ответил и лишь внимательно посмотрел на Паллис.

— Все, кого я знаю, отказываются прекращать болтовню, и мне приходится выслушивать целые потоки чепухи. Я уверена, что вы знаете много интересного, но не хотите мне об этом рассказать.

Герсен улыбнулся.

— Это, возможно, не так уж интересно, как вы думаете.

— И все же я хотела бы сама проверить. Расскажите мне о других планетах! Правда, что жизнь там опасна?

— Бывает, что — да, а бывает — и нет. Все зависит от того, кого вы встретите и когда.

— Но, вероятно, вам не очень хочется, чтобы я спросила — чем вы занимаетесь? Вы — не пират и не работоровец, это я сразу поняла. Но кто же вы?

— Вы правы, я, кажется, не похож ни на того, ни на другого.

Паллис рассмеялась.

— Но вы же знаете, что мне неизвестно, как должен выглядеть современный пират или работоровец. Хотя постойте — вы, может быть, преступник? Совсем не обязательно, что это должно быть связано с чем-то позорным, — поспешно добавила она. — То, что здесь является преступлением, для другой планеты может оказаться совершенно естественным делом. Например, я рассказала одному из своих друзей, что связала бы свою жизнь с родным братом, не будь он мне столь противен. И представьте себе, у того волосы стали дыбом!

— К сожалению, я должен разочаровать вас. Я не преступник. И не попадаю ни под одну из перечисленных категорий... — он задумался. Было бы неразумно скрывать от нее то, что он уже рассказал Уорвину, Келле и Деттерасу. — Я прибыл на Авенту с одной определенной целью. Естественно...

— Давайте поужинаем, — предложила Паллис, — и пока мы будем наслаждаться едой, вы мне все расскажете.

— А куда мы пойдем?

— Здесь есть один новый потрясающий ресторан, только-только открылся. Все о нем говорят, а я еще там не была.

Она легко поднялась и взяла его под руку с беспечной интимностью. Сжав ее руку, Кирт склонился к ней, но на большее у него не хватило смелости — он рассмеялся и отпустил ее. Она лукаво произнесла:

— Вы гораздо более импульсивный, чем кажется.

Герсен смущенно улыбнулся.

— Где же тот потрясающий новый ресторан?

— О, совсем неподалеку отсюда. Мы можем пойти туда пешком. Он весьма дорогой, но я намерена уплатить половину счета.

— В этом нет никакой необходимости, — заметил Кирт.
— Не забывайте, что для пирата деньги не проблема. Он просто не знает, что с ними делать. А если нам не хватит, то я ограблю кого-нибудь. Ну, хотя бы вас...

— Я не беспокоюсь, — ответила девушка. — Ну так что, идем?

И они пошли по бульвару, как тысячи таких же пар в этот прекрасный вечер на Альфаноре.

Паллис подвела его к киоску, окруженному крупными светящимися буквами зеленого цвета, составляющими название «Наутилус». Лифт опустил их на семьдесят метров вниз, в высокий восьмиугольный вестибюль, выложенный пальмовыми щитами. Метрдотель провел их по стеклянной галерее, проложенной прямо по морскому дну. По сторонам открывались выходы из отдельных помещений для еды. Они заняли столик возле прозрачной стены, за которой плескалось море. Фонари освещали песок, скалы, кораллы, проплывающих мимо подводных обитателей.

— А теперь, — сказала Паллис, — расскажите мне о глухих планетах. И не бойтесь испугать меня, потому что мне изредка очень полезна встряска. Или, может быть, лучше расскажите о себе.

— Ну что же, — потягиваясь в кресле, приступил к повествованию Герсен. — Пожалуй, начнем с таверны Смейда на планете Смейда. Вы бывали там?

— Конечно же, нет, но мне приходилось слышать о ней.

— Это маленькая, почти безжизненная планетка, посреди места, которое лучше всего назвать «нигде». Там только горы, ветер, грозы и черный, как чернила, океан. Таверна — единственная постройка на планете. Иногда она переполнена, иногда там нет никого, кроме Смейда и его домочадцев, в течение многих недель. Когда я прибыл туда, единственным постояльцем там был Звездный Король.

— Звездный Король? Я думала, что они всегда маскируются под людей.

— Дело не в маскировке, — покачал головой Герсен. — Они люди, вернее, почти как люди.

— Я никогда не могла понять, кто же они такие. Может быть, вы поможете мне в этом разобраться?

Кирт покачал головой.

— Спрашивайте — и каждый раз вы получите новый ответ. В общих чертах история такова.

Миллион лет тому назад или что-то около этого планета Лямбда Грас III или по-туземному «Ггнарумен» — первый звук надо выкашливать через нос, чтобы правильно произнести, — была населена жутковатым набором созданий. Среди них выделялось небольшое двуногое земноводное, лишенное каких-либо особых средств для борьбы за существование, кроме сознания и способности прятаться в грязи. Оно выглядело наподобие нашей ящерицы или, может быть, бесшерстного тюленя. Как виду ему уже десятки раз грозило полное исчезновение, но некоторым все же удавалось держаться стойко и каким-то способом существовать в качестве пожирателей падали среди тварей более свирепых, более коварных, более проворных, лучше плавающих и бегających и даже лучше разыскивающих падаль, чем они.

Звездные Короли имели перед ними только умственное преимущество — самосознание, чувство соперничества, желание выжить любой ценой.

— Это звучит так, будто речь идет о проточеловеке на древней Земле, —插вила Паллис.

— Никто не знает ничего определенного, во всяком случае, мы можем только строить предположения. А что знают Звездные Короли, того они не рассказывают. Эти двуногие пресмыкающиеся отличались от протолюдей в нескольких отношениях: во-первых, биологически они были более податливы, активнее передавали по наследству приобретенные качества, полезные в борьбе за выживание; во-вторых, они не были разнополы. Для их вида характерно опыление посредством спор, выделяемых при дыхании, причем каждая особь является одновременно существом мужского и женского пола, и молодь развивается у них, как стручки, под мышками. Вероятно, из-за этого отсутствия половой дифференциации Звездные Короли по своей натуре лишены тщеславия. В основном их побудительный мотив к действию —

стремление превзойти, переплюнуть, перехитрить противника в борьбе за существование. Биологическая гибкость в сочетании с рудиментарным разумом стали средством осуществления этого мотива: они сознательно вывели себя в качестве созданий, которые все что угодно могли делать лучше, чем их менее находчивые конкуренты.

Это все, конечно, теории, и то, о чем речь пойдет дальше, базируется на еще более шаткой основе. Но предположим, что какая-то раса, способная пересекать космические дали, посетила одну из планет, на которой развивался гуманоидный тип разума. Это могли быть те, кто оставили развалины на планетах Фомальгаута и Гександанты, или те, кто высекли хребет Монументов на планете Кси-Папис X. Можно допустить, что эти разумные существа побывали на одной планете земного типа около ста тысяч лет назад. Предположим, что они пленили племя протолюдей и по какой-то причине доставили их на Ггнарумен, планету «просто-королей». И здесь возникла причина-ситуация, когда обе стороны подверглись суровому испытанию. Люди стали наиболее опасными противниками для Звездных Королей по сравнению с уже поверженными естественными врагами родной планеты. Люди умны, настойчивы, искусны, безжалостны, агрессивны. Борясь с окружающей средой, люди сами эволюционировали в новый отличный вид стали более ловкими, более быстрыми и телом и умом по сравнению со своими неандертальскими предшественниками.

«Просто-короли» были отброшены назад, но терпение было у них глубоко в крови, так же, как и другое важное оружие, — дух соперничества и биологическая гибкость. Люди доказывали свое превосходство над ними — и, чтобы с ними состязаться, Звездные Короли в ходе эволюции стали приобретать гуманоидные признаки. Борьба продолжалась, и Звездные Короли сами, хотя и очень неохотно, признают, что некоторые их мифы как раз описывают эту борьбу.

Теперь необходимо сделать еще одно допущение. Около пятидесяти тысяч лет назад вновь на сцену выходят Космические Путешественники, начавшие столь величественный эксперимент, и переносят эволюционировавших гуманоидов назад, на родную планету. Возможно, в этом качестве высту-

пила и Земля. Так вот, вместе с людьми на планету попало и энное количество Звездных Королей, сколько, сказать трудно. Этим, вероятно, можно объяснить некоторые особенности истории Джункса и других гуманоидных планет.

А на собственной планете Звездные Короли наконец становятся даже больше людьми, чем сами люди. Сейчас начинается эра господства Звездных Королей. И такое положение сохранялось до тех пор, пока у гуманоидов не появился двигатель Джарнелла. Когда люди появились на Ггнарумене, они были изумлены, обнаружив создания, являющиеся точными копиями людей — Звездных королей, но при этом не являющихся гуманоидами.

— Все это звучит слишком невероятно, — скептически заметила Паллис.

— Однако более убедительно, чем конвергентная эволюция. Фактом является то, что Звездные Короли существуют: раса не антагонистическая, но и не дружественная нам. Людям запрещено посещать этот так трудно произносимый Ггнарумен. Звездные Короли рассказывают нам о себе только то, что сами захотят, и засылают наблюдателей — или, если угодно, шпионов — на все без исключения планеты Ойкумены. Даже сейчас на Авенте их, наверное, не менее дюжины.

Паллис сделала брезгливую гримасу.

— А как их можно отличить от людей?

— Иногда даже врач не может этого сделать, после того как они завершат свою маскировку и оденут личину человека. Есть, конечно, и у них трудности. У них нет внешних половых органов, область таза у них, по сути, пустая. Их дыхание сопровождается отчетливым запахом. Однако шпионы, или как их там называть, изменены настолько, что даже рентгеновские снимки у них такие же, как и у людей.

— Откуда же вы узнали, что создание на планете Смейда было Звездным Королем?

— Так мне сказал Смейд.

Герсен отрицательно помотал головой.

— Я как-то не подумал спросить. — Он замолчал, потрясенный только что пришедшей ему в голову мыслью. В таверне Смейда были три посетителя: он сам, Тихальт и Звездный Король. Если только поверить Тристану, — а почему бы ему

не поверить, — он прибыл только в компании Даске и Сурито. Если учесть заявление Даске, которое он сделал Тихальту, то убийцей следует считать Аттеля Малагате.

Герсен отчетливо слышал крик Тихальта, в то время как Сурито, Даске и Тристано стояли, находясь в поле его зрения.

Если только сам Смейд не являлся Малагате, или если тайком не прибыл еще один корабль — и то и другое было уж слишком маловероятным, — Малагате и Звездный Король должны были быть одним и тем же лицом! Перебирая в памяти события того вечера, Герсен припомнил, что Звездный Король выходил из столовой на время, достаточное, чтобы посоветоваться снаружи с Даске.

Паллис Атроуд легонько дотронулась до его щеки.

— Вы рассказывали о таверне Смейда.

— Да, — кивнул Герсен, — сейчас продолжу.

Он задумчиво посмотрел на девушку. Она должна знать достаточно много о передвижениях Уорвина, Келле и Деттераса. Паллис же, не поняв его взгляда, густо покраснела, несмотря на светло-зеленое тонирование кожи лица.

Герсен натянуто засмеялся.

— Вернемся в таверну Смейда.

И он описал события того вечера. Паллис с интересом слушала его, совершенно забыв о еде.

— Значит, теперь у вас записи Тихальта, а у университета дешифратор?

— Правильно. И ни то, ни другое не представляет какой-либо ценности отдельно, без обязательной второй половины.

ГЛАВА 16

Когда они управились с ужином, стояла глубокая ночь. Герсен, не имея банковского счета на Альфаноре, заплатил за еду наличными. Они поднялись на поверхность.

— А что сейчас вам хочется?

— Мне все равно, — ответила Паллис. — Но давайте вернемся на некоторое время на эспланаду.

Ночь была темна. Со стороны города слабо отсвечивали фасады домов, повсюду вокруг разливался мягкий, рассеянный свет. Официант принес кофе и ликер. Они расположились поудобнее и стали опять наблюдать за гуляющими.

— Вы рассказали мне не все, — задумчиво заметила Паллис.

— Конечно, нет, — кивнул Кирт. — Фактически... — он запнулся, уцепившись за еще одну встревожившую его мысль: Аттель Малагате мог ошибиться в характере его интереса к Паллис, особенно, если он действительно был Звездным Королем, бесполом, неспособным понять уравнение «мужчина-женщина». — Фактически, повторил Герсен, — я не имею права впутывать вас в свои неприятности.

— Я не чувствую себя так, — сказала Паллис, лениво потягиваясь. — А если даже и так, что из этого? Не забывайте, что Авента находится на Альфаноре, а не в Глуши. И к

тому же это цивилизованный город на цивилизованной планете.

— Я уже рассказал вам, что некоторых людей очень интересует планета Тихальта, а эти люди настолько развращены, что ярлык пирата или работаровца может служить еще довольно лестной характеристикой. Вы слышали когда-нибудь о Малагате-Горе?

— Малагате-Горе? Да.

Герсен боролся с искушением рассказать ей, что она ежедневно принимает почту и выполняет различные поручения этого бандита.

— Вероятно, — заметил Герсен, — что за нами следят «прилипалы» — различные устройства для шпионажа. Вполне возможно, что в эту самую минуту, Малагате уже знает, что мы сидим с вами тут, и также, весьма допустимо, знает даже о теме нашего разговора.

Паллис невольно поежилась и стала пристально всматриваться в темное небо.

— Вы имеете в виду, что Малагате наблюдает за мной? От одной такой мысли по коже бегут мурашки!

Герсен осмотрелся по сторонам. За два столика от них сидел Сутиро, отравитель с Саркоя. Кирт почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Встретившись с Герсеном взглядом, Сутиро вежливо кивнул ему и улыбнулся, затем встал и медленно направился к их столику.

— Добрый вечер, мистер Герсен.

— Добрый вечер, — ответил Кирт.

— Можно присоединиться к вам?

— Нежелательно.

Сутиро слегка покачал головой, сел и повернулся к Паллис.

— Я хотел бы, чтобы вы познакомили меня с этой очаровательной леди, мистер Герсен, — сказал он.

— Вы уже знаете, кто она.

— Но она же не знает, кто я!

Герсен повернулся к Паллис.

— Перед вами, моя дорогая, достопочтенный Сутиро, мастер по составлению ядов с планеты Сабой. Вы недавно вы-

сказывали интерес к дурным людям. Так вот, перед вами именно тот человек, какого вам так хотелось встретить!

Сутиро ликующе рассмеялся.

— Мистер Герсен явно переоценивает мои способности. Некоторые из моих друзей настолько превосходят меня, насколько я превосхожу вас. Я надеюсь и желаю вам от всей души, чтобы вам никогда не пришлось встретиться с ними. С Хильдемаром Даске, например, который похвастается своей способностью одним взглядом парализовать собаку.

В голосе Паллис зазвучало беспокойство.

— Мне не приходилось сталкиваться с ними, — она завожжено смотрела на Сутиро. — Вы на самом деле признаетесь, что вы плохой человек?

Сутиро снова рассмеялся.

— Я — мужчина, и я — с Саркой.

— Я только что кончил рассказывать мисс Атроуд о нашей встрече в таверне Смейда. Скажите мне наконец, кто же убил Тихальта?

Сутиро, казалось, удивился.

— Кто же еще, как не Малагате? Мы ведь все трое сидели внутри. А разве вам это не все равно? В такой же степени это мог быть и я, и Красавчик, и Тристано. Тристано, между прочим, сильно заболел. С ним произошел ужасный несчастный случай. Но он надеется по выздоровлении еще раз встретиться с вами.

— Пусть считает, что ему дико повезло, так ему и передайте, — тихо произнес Герсен.

— Вы не поверите, как ему стыдно, — продолжал Сутиро. — Он ведь считал себя очень ловким. А тут... Однако я уже говорил, что он далеко не так искусен, как я. Он, правда, мне не верил, но теперь, думаю, он пересмотрит свою точку зрения.

— Говоря об умении, — заметил Герсен, — я очень сомневаюсь, что вы сможете проделать фокус с бумагой.

Сутиро насторожился.

— Конечно, сумею. Но откуда вам известен этот фокус?

— Я узнал о нем в Кальванге.

— А что вас привело в этот город?

— Визит к Кудироу-Отравителю.

Сутиро поджал свои толстые красные губы.

— Кудироу был так же умен, как и любой другой, но что касается фокуса с бумагой...

Герсен протянул ему салфетку. Сутиро взял ее большим и указательным пальцами и, держа на весу, легко ударил по ней правой рукой. Салфетка упала на стол в виде пяти полосок.

— Хорошо сработано, — одобрительно кивнул Герсен и, обернувшись к девушке, объяснил: — Его ногти затвердели и остры как бритва. Естественно, он не станет тратить яд на бумагу, но каждый из его пальцев подобен зубу змеи.

Сутиро самодовольно кивнул в знак согласия.

— А где сейчас ваш Чудо-Даске? — продолжал выпрашивать Кирт.

— Неподалеку отсюда!

— Со своим кроваво-красным лицом и всем прочим?

Сутиро печально покачал головой, очевидно, не одобряя дурного вкуса своего напарника в вопросе тонирования кожи.

— Очень способный и очень страшный человек. Вы когда-нибудь задумывались, почему у него такое лицо?

— Почему мне надо было задумываться об этом?

— Вы мне не друг, вы красиво обставили меня один раз, и тем не менее я хотел бы предупредить вас: никогда не переходите дорогу Красавчику-Даске. Двадцать лет назад ему стали перечить во время небольшой проделки. Дело заключалось в вымогательстве денег у одного упрямого человека. Хильдемар по случайности был застигнут врасплох. Из него вышли дух, связали руки и ноги. Затем его кредитор проявил дурной вкус: рассек надвое нос бедного Хильдемара и срезал ему веки. Но все же Даске удалось-таки выкарабкаться, и теперь он известен всей Ойкумене под именем Красавчик-Даске или Чудо-Даске.

— Какой ужас, — прошептала Паллис.

— Конечно! — голос Сутиро стал высокомерным. — Годом позже Хильдемар позволил себе роскошь поймать этого человека. Он увез его в одно уединенное место, где тот и живет

до сих пор. Так вот, время от времени Даске, вспоминая об оскорблении, которое ему стоило физиономии, возвращается в свою берлогу, чтобы позабавиться с ним.

Паллис, блестя глазами, взглянула на Герсена.

— И такие люди ваши друзья, мистер Герсен?

— Нет, конечно, — спокойно ответил Кирт. — Нас связывает только Луто Тихальт, — и глядя на рассматривающего бульвар Сутиро, добавил как бы невзначай: — Вы, Даске и Тристано работаете вместе и тренируетесь, как в одной упряжке?

— Зачастую, хотя я предпочитаю действовать в одиночку.

— И Луто Тихальт имел несчастье наткнуться на кого-то из вас в Кринктауне?

— К чему так уж часто вспоминать этого несчастного? Он умер быстро! Годохма забирает всех к себе. Разве это ужасно?

— Но никому до сих пор не хотелось поторопливать Годохму. Разве не так?

— Верно, — Сутиро внимательно посмотрел на свои сильные руки. — Согласен. — Он повернулся к девушке и сказал: — У нас на Саркое есть тысячи народных пословиц на этот счет.

— Кто это Годохма?

— «Великий бог судьбы, который несет цветок и цепь для молотьбы и передвигается на колесах».

Герсен сделал сосредоточенный вид.

— Я хотел бы задать вам, Сутиро, еще один вопрос. Вам не нужно будет отвечать, если не захотите. Фактически, может быть, вы и не знаете ответа. Но меня очень удивляет, почему Малагате, Звездный Король, так истово жаждет получить именно эту планету?

Сутиро пожал плечами.

— В это дело я не желаю впутываться. По-видимому, это очень ценная планета. Мне платят, и я убиваю только тогда, когда вынужден или когда это приносит мне доход. Вы понимаете это? — он повернулся к Паллис. — На самом деле я не такой уж законченный злодей. Скоро я вернусь на Саркой и буду доживать свои дни, странствуя по городунбургским

степям. Вот где жизни! Когда я думаю об этих грядущих временах, мне становится страшно, зачем я сижу здесь, в этой противной сырости, — он скривился в сторону моря и встал. — Самонадеянно советовать вам, но почему бы не посентиментальничать? Вам никогда не удастся победить Малагате — поэтому отдайте эти записи!

Герсен на мгновение задумался, а затем сказал:

— Я также осмелюсь посоветовать вам кое-что, Сутиро, движимый тем же побудительным мотивом. Мой вам добрый совет: убейте Хильдемара Даске в то же самое мгновение, как только встретитесь с ним, а лучше — раньше.

Сутиро удивленно поднял на него свои густые брови, но Герсен продолжал:

— Здесь за нами что-то следит, хотя я так и не смог понять что именно. Его микрофоны, возможно, уже зафиксировали наш разговор. Пока вы не сказали мне сами, я не имел ни малейшего представления о том, что Звездный Король в таверне Смейда и был Малагате. Это очень интересно. Я не думаю, что этот факт общеизвестен.

— Тише, — прошипел Сутиро. Его глаза внезапно зажглись лютой ненавистью.

Герсен понизил голос.

— Хильдемара Даске, вполне возможно, попросят наказать вас. Если только вы хотите опередить Годохму, если вы еще хотите наслаждаться жизнью и гнать свою повозку через степи, — убейте Даске и уходите.

Сутиро пробормотал что-то невразумительное, дернул рукой, словно пытался что-то бросить, затем отпрянул, повернулся и смешался с толпой.

Паллис облегченно вздохнула, откинулась в кресле и нерешительно прошептала:

— Я оказалась не такой уж любительницей приключений, как предполагала.

— Очень жаль, — сказал Герсен, искренне раскаяваясь. — Мне не следовало приглашать вас на вечер.

— Нет, нет, просто для меня как-то совершенно нереальна такая вот беседа здесь, на бульваре, в мирной Авенте. Но полагаю, что все же я получила от этой встречи какое-то

удовольствие. Если вы не преступник, то вы... Как вас, повторите, зовут?

— Кирт Герсен.

— Значит, вы — сотрудник «Интергалактопола».

— Нет.

— Значит, вы из специального комитета Институтции.

— Я просто Кирт Герсен, частное лицо, — он встал. — Давайте немного прогуляемся.

Они пошли вдоль эспланады. Паллис вскоре взяла Герсена под руку.

— Скажите мне, Герсен, что из того, что Малагате — Звездный Король. Что это значит для вас?

— Меня самого это очень интересует.

Герсен попытался вспомнить, как выглядел Звездный Король в таверне Смейда. Был ли это Уорвин? Келле? Или Деттерас? Черно-матовый оттенок кожи делал неразличимыми черты лица. Полосатое кепи закрывало волосы. У Кирта сложилось впечатление, что Звездный Король был выше, чем Келле, но не такой высокий, как Уорвин. Но даже черный цвет кожи вряд ли смог бы замаскировать грубые черты лица Деттераса!

— Они на самом деле убьют этого Сутиро?

Герсен осмотрелся вокруг, пытаясь обнаружить электронный «хвост», но безрезультатно.

— Не знаю. Пока он им еще полезен. Но при случае...

Кирт в нерешительности замолчал, задумываясь об этичности вовлечения, пусть даже и косвенного, в это грязное дело такой девушки, как Паллис.

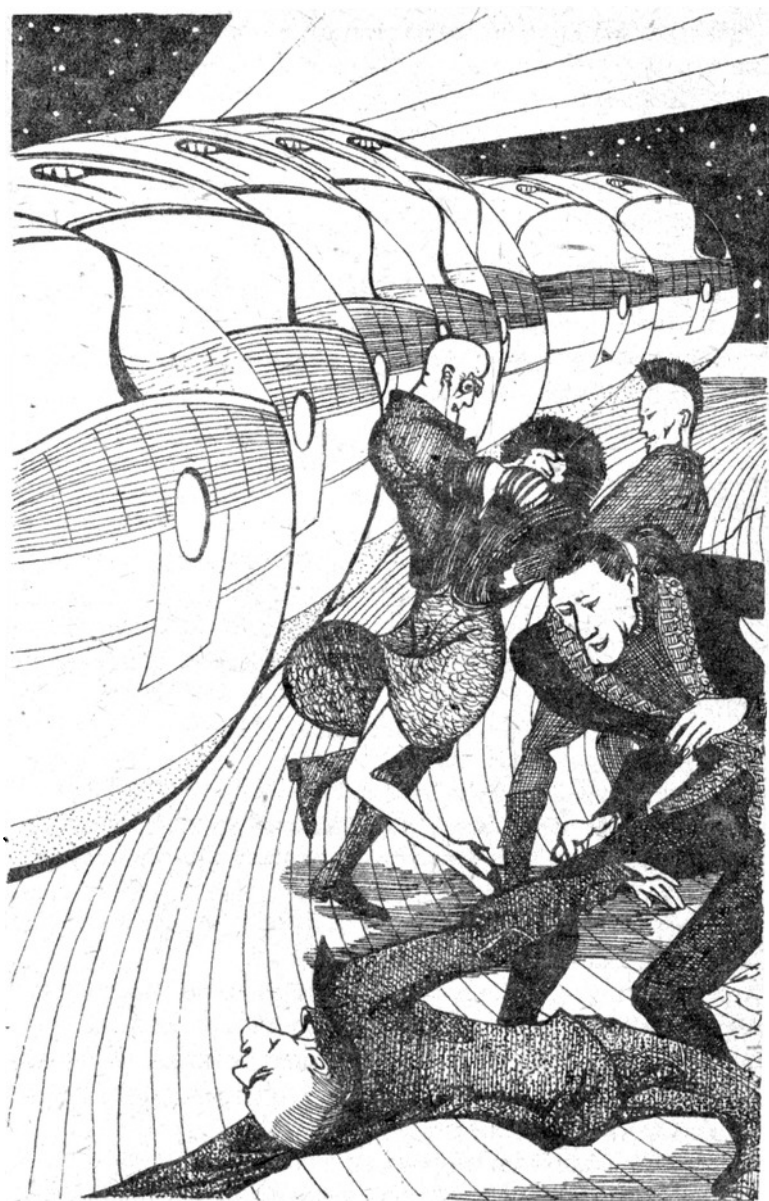
— При случае, что?..

— Да так, ничего, просто пришлось к слову.

Боясь подслушивающих микрофонов, Герсен не осмеливался расспросить Паллис о перемещениях Келле, Деттераса и Уорвина. Пока что Малагате не мог подозревать, что Герсен охотится именно за ним.

Паллис обиженно спросила:

— Я до сих пор не понимаю, каким образом это все затрагивает вас?

Герсен еще раз предпочел отмолчаться — «хвост» мог подслушать его, да и сама Паллис могла быть агентом Малагате, хотя это и было маловероятно. Поэтому он лишь сказал

— Совсем не задевает, если не считать кое-чего отвлеченного.

— Но любой из этих людей, — она кивнула на прохожих, — может быть Звездным Королем. Поэтому мне очень интересно, каким образом их все-таки можно отличить от людей?

— Это очень сложно, я же говорил вам уже об этом. На своей родине, планете Ггнарумен, они приблизились к облику людей во многих отношениях. Те, кто путешествует в качестве наблюдателей-шпионов, если вам угодно, хотя я не могу вообразить себе, что же они в конце концов пытаются узнать, — так вот, они почти точная копия настоящих людей.

Паллис неожиданно успокоилась. Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла его и наконец бесшабашно махнула рукой.

— Давайте забудем об этих кошмарах. А то мне повсюду будут мерещиться Звездные Короли, даже в Университете.

— Вы знаете, что я хотел бы сделать?

Она вызывающе улыбнулась.

— Нет. А что же?

— Прежде всего я хотел бы избавиться от этих микроскопических, что в общем-то относительно нетрудно. А затем...

— А затем?..

— Хотелось бы найти какое-нибудь укромное место, где мы могли бы побыть одни.

— Я не против. Здесь есть одно такое место, на берегу. Его называют Лос-Сиренес. Я никогда не была там, — она смущенно рассмеялась. — Но много о нем слышала.

Герсен взял ее под руку.

— Сначала нужно стряхнуть «прилипал».

Паллис с детской непринужденностью повторяла те же маневры, что и он. Глядя на нее, Герсен колебался в своей решимости избежать эмоциональных затруднений. Если они

отправятся в Лос-Сиренес, если ночь приведет их еще и к интимной близости, что тогда?

Герсен подавил в себе приступ малодушия. Он справится с любыми проблемами, которые возникнут!

«Прилипалы», даже если они существовали не только в воображении Герсена, должны были быть сбиты с толку и, очевидно, потерялись. По крайней мере, Кирт на это очень надеялся.

Они вернулись на стоянку. Там было темно. Рядами стояли округлые контуры отсвечивающих тусклым серебром машин.

Они подошли к своему глайдеру. Герсен в нерешительности остановился, а затем обнял обеими руками покачнувшуюся девушку и стал ее целовать. В это мгновение позади зашевелились какие-то тени. Кирт резко обернулся и увидел кроваво-красное лицо с ядовито-синими щеками. Огромной силы удар обрушился на его голову. Молнии сверкнули в его глазах. Он пошатнулся и упал на колени. Даске наклонился над ним. Герсен попытался уклониться, но реакция его уже ослабла. Весь мир завертелся перед глазами и полетел вверх тормашками. Он еще успел увидеть Сутиро, который улыбался, как бешеная гиена, обвивая своей рукой шею девушки. Даске снова ударил — и мир потух.

Единственное, что еще успел сделать Герсен, — это мысленно с горечью упрекнуть себя. Но последовал еще один сокрушительный удар, и он потерял сознание.

ГЛАВА 17

Путешествия от звезды к звезде сталкивали людей со многими формами жизни, разумными или неразумными (с весьма спорной, возможно, антропоморфной точки зрения). Люди открыли более чем полдюжины жизненных форм, которые заслуживали определения «гуманоидные», и из этой полдюжины только Звездные Короли подходили под категорию «нелюди».

Содня первого контакта один и тот же вопрос непрерывно стоял перед нами. Являются ли они членами человеческого семейства — с двумя парами конечностей, двуполыми, с одним мозгом, многобрачными, как определяет их Телье Матрон, — или нет? Ответ, конечно, зависит от определений.

Единственное, что сразу же было установлено, что Звездные Короли не являются видом «гомо сапиенс». Но если имеется в виду существо, которое способно говорить человеческим языком, ходить по магазинам и покупать модные вещи, отлично играть в теннис, посещать коронацию в Стокгольме и безукоризненно танцевать на балах, — является ли такое существо человеком?

Да или нет? Типичный Звездный Король, — обходительный парень с ровным характером, чуть подозрительный и лишенный чувства юмора. Сделай ему одолжение — и он

поблагодарит вас, но не будет чувствовать себя обязанным, попробуйте обидеть его — и он взорвется тигриной яростью и убьет вас, если окажется в положении, когда человеческие законы не будут его сдерживать. Он безжалостен, но не жесток, и ему не понятны такие человеческие извращения, как садизм, мазохизм, религиозный фанатизм, самоубийство. С другой стороны, он демонстрирует целый набор особых привычек и отношений, довольно непонятных, с нашей точки зрения, объясняющихся различными искривлениями его психики.

Существует не менее десятка различных теорий, пытающихся объяснить потрясающее сходство Звездных Королей с человеком. Но ни одна из них не является убедительной. Если об этом знают сами Звездные Короли, то они в этом не признаются. Поскольку они запрещают любые антропологические и археологические экспедиции на свою планету, мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть ни одну из этих теорий.

На планетах, заселенных гуманоидами, они до мелочей копируют манеру поведения лучших представителей «гомо сапиенс». Но внутренняя, присущая только им манера поведения является поистине уникальной. Если говорить упрощенно, то доминирующей их чертой является страсть — превзойти во всех отношениях соперника, играя в его же игру.

Поскольку человек является единственным существом, занимающим доминирующее положение в Ойкумене, Звездные Короли воспринимают его в качестве главного раздражителя, чемпиона, которому нужно бросить вызов и превзойти его. Поэтому они и прилагают все силы, чтобы превзойти человека в каждом аспекте человеческих способностей. И хотя это честолюбивое стремление (в достижении которого они частенько преуспевают) кажется нам нереальным и притворным, таким же им кажется наше половое влечение — поскольку Звездные Короли являются партеногенами — существами, размножающимися способом, описание которого выходит за рамки данной статьи. Не ведая тщеславия, не придавая никакого значения красоте

или уродству, они из всех сил стремятся к физическому совершенству с единственной целью — набрать как можно больше очков в своем соревновании с настоящими людьми.

Что можно сказать об их достижениях? Они отличные строители, смелые специалисты и инженеры. Их раса является прагматичной, не особенно склонной к математическим и прочим абстрактным наукам. Трудно представить себе, что именно они положили начало одной из фундаментальных теорий современной физики, раскрыв основы расщепления материи (пусть даже и случайно). Их города представляют собой внушительное зрелище, возвышаясь над равнинами, подобно поросли из металлических кристаллов. Каждый взрослый Король возводит для себя шпиль или башню. Чем более пламенным является его честолюбие или более высоким ранг, тем выше и великолепнее его башня (которой он, похоже, наслаждается, как монументом). После его кончины башня может быть временно занята какой-то младшей особью, пока она накапливает достаточное состояние, чтобы построить свою собственную башню. И хотя издали эти города кажутся восхитительными, в них напрочь отсутствуют очевидные коммунальные удобства, а пространство между башнями покрыто слоем мусора, пыли и различных отходов.

Фабрики, заводы и другие производственные мощности размещаются в низких утилитарных куполах и обслуживаются наименее агрессивными и наименее развитыми особями, ибо их раса отнюдь не является однородной. Если провести аналогию с людьми, то человеческая раса в подобном же случае состояла бы из питекантропов, синантропов, неандертальцев, кроманьонцев и современных людей».

/Из статьи Падда Халинского, перепечатанной из журнала «Космополис» за июнь 1550 года под названием «Когда человек не является человеком»./

В полночь группа молодежи, смеясь и распевая, подошла к стоянке. Она посетила уже изрядное количество зланных мест, нагрузившись не только вином, наркотиками, но и более утонченными средствами типа сублимированных кар-

тин и гипнотических переживаний, в избытке поставлявшими домами, которые они посетили. Споткнувшись о тело Герсена, парень сначала язвительно позлословил, но затем, сообразив в чем дело, издал крик ужаса. Группа быстро собралась вокруг поверженного, а затем один из них побежал к своему аппарату и нажал кнопку вызова «скорой помощи».

Минуты через две с неба спустился полицейский коптер и почти сразу же за ним «скорая помощь».

Герсена отправили в госпиталь, где он подвергся медицинскому воздействию как пострадавший от сотрясения и шока, в виде облучения, массажа и питательных средств. Вскоре он пришел в себя и лежал, размышляя. Затем он резко рванулся и попытался встать. Сидевшие рядом с ним практиканты хотели предостеречь его, но Герсен, не задумываясь о последствиях, все-таки выпрямился и встал, стараясь не шататься.

— Моя одежда! — прохрипел он. — Верните мне одежду!

— Она в кладовой, в полной сохранности, сэр. Расслабьтесь, переведите дух, если хотите. Здесь сейчас служащий полиции, который возьмет у вас показания.

Герсен лег в кровать, с горечью постигая происшедшее.

К нему подошел следователь — молодой человек с умным лицом, в темно-коричневом кителе и черных бриджах полиции Приморской провинции, вежливо представился Герсену, сел и открыл заглушку аппарата для записи.

— Так что же все-таки с вами произошло?

— Я проводил вечер с молодой женщиной, некой мисс Паллис Атроуд из Ремо. Когда мы возвращались к нашему глайдеру, меня оглушили, и я не знаю, что случилось с моей девушкой. Последнее, что я помню, это то, что она пыталась вырваться из объятий одного из нападавших.

— Сколько их было?

— Двое. Я узнал их. Один из них Хильдемар Даске. Другого я знаю только как Сутиро с планеты Саркой. Оба они пользуются дурной славой за пределами Ойкумены.

— Понятно. Имя и адрес молодой леди?

— Паллис Атроуд. Пансион «Мерионс» в Ремо.

— Мы сейчас же проверим, пришла ли она домой. А теперь, мистер Герсен, еще раз расскажите мне все по порядку.

Герсен уныло описал все подробности нападения, дал описание внешности Хильдемара Даске и Сутиро. Пока он говорил, пришло сообщение из полицейской информслужбы: *«Паллис Атроуд не вернулась к себе домой. Шоссе, аэродромы и космопорты взяты под наблюдение. К делу привлечен «Интергалактопол».*

— Теперь, сэр, — спокойно произнес следователь, — разрешите выяснить, чем вы занимаетесь?

— Я разведчик.

— Какова природа этой связи с двумя нападавшими на вас?

— Никакой! Я видел их в деле только однажды, на планете Смейда. По-видимому, они считают меня своим противником. К тому же я уверен, что они входят в организацию Аттеля Малагате.

— Очень странно... Но что могло их заставить совершить столь наглое преступление? Вы ничего не забыли мне рассказать? И кроме того, почему они вас не убили? Очень странно!

— Я тоже удивлен; — сквозь зубы произнес Герсен и еще раз попытался подняться. Следователь наблюдал за ним с профессиональным интересом.

— Каковы ваши дальнейшие планы, Герсен? — поинтересовался он как бы мимоходом.

— Я обязан разыскать Паллис Атроуд.

— Вас можно понять, — кивнул следователь. — Но лучше, если вы не будете ни во что вмешиваться. Полиция лучше сработает, чем один человек. Думаю, что в любую минуту можно ждать важных для вас сведений.

— Не думаю, — буркнул Герсен. — Они уже в космосе.

Следователь встал, молча кивнул, соглашаясь, что так скорее всего и есть.

— Мы, естественно, будем постоянно держать вас в курсе дел, — он поклонился и вышел.

Герсен тотчас же оделся. Колени его еще подгибались, голова была охвачена всепроникающей болью, от лекарств звенело в ушах, но в общем он чувствовал себя вполне сносно.

Лифт опустил его непосредственно на станцию метро. Он стоял на платформе, пытаясь сформулировать четкий план действий. Одна и та же фраза неотступно присутствовала в его сознании, подобно червю, прогрызшему внутреннюю полость черепа, — бедная, бедная Паллис!

Так ничего и не надумав, он вошел в капсулу и вскоре был уже на станции под Бульваром. Он вышел наружу, но вместо того чтобы пойти к глайдеру, зашел в бистро и выпил чашечку кофе.

«Теперь она в космосе, — еще раз сказал он себе, — и это моя вина. Моя вина».

Потому что я должен был предвидеть возможность такого поворота событий. Паллис Атроуд хорошо знала Уорвина, Келле и Деттераса. Она ежедневно видела их, слышала всевозможные сплетни о них. Малагате-Горе, Малагате-Звездный Король был одним из тех троих, и Паллис Атроуд, очевидно, знала что-то такое, что вкупе с непродуманными откровениями Сутиро могло поставить под угрозу инкогнито Малагате. Следовательно, ее необходимо было убрать. Убить? Продать в рабство? Забрать в личное пользование Даске?

Несчастливая Паллис, бедная Паллис!

— Я должен был быть готов ко всему, — сказал себе Герсен. Я несу за это ответственность. Если только ей будет причинен вред... впрочем, нет. Я убью Хильдемара Даске в любом случае!

Сутиро — предатель с лисьей мордой. Сутиро тоже может считать себя уже покойником. И та же участь постигнет самого Малагате, творца всей этой вероломной затеи. Но как Звездный Король он уже не вызвал такой ненависти, как прежде. Он был просто ужасным зверем, которого можно было безо всяких эмоций вычеркнуть из списка живых.

Преисполненный ненавистью, унынием и жалостью, Герсен подошел к глайдеру, теперь уже на опустевшей стоянке.

«Вот — место, где стоял Даске. Вот здесь я, как никудышный легкомысленный дурак, валялся без сознания! Наверное, дух моего деда в этот момент должен был сгореть от

стыда!» Кирт завел глайдер и отправился в гостиницу. Никаких писем в его адрес не поступало.

Над Авентой занималась заря. Герсен поставил таймер, выпил снотворное, которое действует только в течение двух часов, и свалился в кровать.

Когда он проснулся, печаль и подавленность стали еще сильнее, чем прежде. Прошло время, и ожидаемая судьба Паллис Атроуд теперь уже стала свершившимся фактом. Герсен заказал кофе. Пицца просто не полезла бы ему сейчас в глотку.

Что же теперь он должен был предпринять? «Интергалактопол»? Там его вынудят рассказать обо всем, что он знает. Сможет ли полиция действовать более успешно, если он выложит все известные ему факты? Он мог бы сказать, что подозревает одного из руководителей Приморского университета в принадлежности к так называемым Демонам Тьмы. Ну и что? «Интергалактопол» — элита полиции со всеми характерными для организации такого рода достоинствами и недостатками — вряд ли заслуживает его доверия.

Возможно, что Звездные Короли уже проникли в нее, и в этом случае Малагате непременно будет предупрежден. И как сможет эта информация сама по себе помочь спасению Паллис Атроуд? Похитителем был Хильдемар Даске. Герсен сообщил об этом, и никакие другие сведения не могут быть более исчерпывающими.

Другая возможность — обмен планеты Тихальта на Паллис Атроуд... Кирт с радостью совершил бы такую сделку, но с кем же снестись ради этого? Он до сих пор не смог идентифицировать Малагате. «Интергалактопол», несомненно, располагает средствами для обнаружения Звездных Королей. Что ж из этого? Обмен станет невозможен. Вероятно, даже будет совершена экзекуция без особого шума — хотя «Интергалактопол», как правило, действует на основании формальной заявки какого-нибудь полномочного правительственного агентства. А что тем временем произойдет с Паллис Атроуд?

Но если он опознает Малагате, то диапазон средств для достижения его целей значительно расширится. Он с уверенностью мог бы сделать ему предложение. Логика сложившегося положения подсказывала Герсену продолжать свои действия в том же направлении, что и прежде. Но как же медленно все движется! Подумай о Паллис, бедняжке Паллис! Хильдемар Даске давно уже ушел в никуда, и никакие усилия Герсена или «Интергалактопола» не принесут пользы на фоне этого упрямого факта. Только Аттель Малагате располагает властью — приказать ему вернуться. Если Паллис Атроуд к тому времени будет еще жива...

Положение нисколько не изменилось. Как и раньше, самым неотложным является опознать Малагате. Затем — заключить сделку или вырвать тайну силой.

Как только ход дальнейших действий прояснился, настроение Герсена немного улучшилось. Точнее, решительность и готовность к самопожертвованию вспыхнули с новой силой. Ненависть придавала ему почти опьяняющее чувство всемогущества. Никто и ничто не сможет устоять перед столь пылкими чувствами!

Приближалось время его свидания с Уорвином, Келле и Деттерасом. Кирт оделся, спустился в гараж, выехал на проспект и направился на юг.

Надеясь на чудо, с замирающим сердцем, он устремился к столу секретаря. Дежурила другая девушка. Он поклонился и вежливо спросил:

— А где сегодня мисс Атроуд?

— Не знаю, сэр. Она не вышла сегодня на работу. Возможно, приболела.

Он напомнил секретарше о назначенном ему свидании и направился к кабинету Рандла Деттераса.

Уорвин и Келле явились туда еще до него. Без сомнения, все трое уже пришли к единому решению, выработав какую-то определенность в общей линии поведения.

Герсен пробежал взглядом по их лицам. Один из них был человеком только внешне. В таверне Смейда он промелькнул перед ним, и теперь Кирт пытался вспомнить, отчетливо

представить себе его зрительный образ. Но это ему не удавалось. Черный окрас кожи и экзотическая одежда создавали маскировку, через которую он не в состоянии был проникнуть. Украдкой он оценивающе посмотрел на каждого из присутствующих. Кто же? Уорвин — похожий на орла с высокомерным холодным взглядом? Келле — педантичный, суровый, без всякого чувства юмора? Или Деттерас — добродушие которого теперь казалось неискренним и обманчивым?

Он был вынужден признать, что не способен разрешить эту загадку. С усилием ему удалось принять учтивую позу и сделать первый шаг.

— Давайте упростим дело, — начал он. — Я уплачу вам — я имею в виду, разумеется, колледж — за дешифрующую перфокарту. Думаю, что лишняя тысяча севов не помешала бы колледжу. В любом случае, вот предложение, которое я хотел бы сделать вашему институту.

Его противники, каждый по-своему, были застигнуты врасплох.

Уорвин поднял брови, Келле уставился в какую-то точку поверх головы Кирта, а Деттерас загадочно заулыбался.

— Но насколько мы вас поняли, раньше вы сами намеревались продать нам кое-что! — бросил Уорвин.

— А я и не имею ничего против продажи, — кивнул Герсен, если только цена будет разумной.

— И какую же сумму вы подразумеваете под этими словами?

— Миллион севов, возможно, даже два или три, если вы дойдете в своих торгах до такой цены.

Келле шмыгнул носом, Деттерас покачал своей огромной безобразной головой.

— Разведчикам не платят вознаграждений такого размера, — заметил все тот же Уорвин.

— Но ведь существовала договоренность о цене при отправке Тихальта? — поинтересовался Герсен.

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Уорвин.

— Ваша заинтересованность в этом деле — деньги — стала

достаточно очевидной. — Он переглянулся по очереди с Деттерасом и Келле. Кто бы ни договорился с Тихальтом, он или забыл об этом, или предпочитает не раскрывать себя. Сомнительно, что таким образом мы чего-нибудь добьемся.

— Ваше поведение непоследовательно, — добавил Деттерас. — Вы не дали нам возможности сделать свое предложение. Так вот, мы решили сделать вам свое, совместное, предложение, — разумеется, не столь грандиозное, о котором вы только что упомянули.

— Сколько?

— Ну, возможно, до 5000 севов.

— Любопытно. Но ведь это исключительная планета.

— Вы этого не знаете, — подчеркнул Уорвин. — Вы не были там, как вы, во всяком случае, заявляете.

— Слишком много слов, — произнес Герсен. — Ближе к делу! Вы там тоже не были.

— Верно, — вмешался в разговор Келле. — Но эти фотографии пока ничего не стоят. Их легко подделать. Я лично не намерен платить такую крупную сумму, основываясь только на этих трех фотографиях.

— Я понимаю вас, — кивнул Герсен, — но со своей стороны я не намерен идти вам навстречу, не получив предварительно определенных гарантий. Не забывайте, что я понес убытки, и это представившаяся мне возможность их возместить.

— Будьте благоразумным, — вмешался Деттерас. — Без дешифратора содержимое монитора — всего лишь катушка с проводом.

— Это не совсем так. Применение разложения Фурье может постепенно расшифровать запись.

— Теоретически. И не забывайте, что это очень долгий и дорогой процесс.

— Не настолько дорогой, чтобы отдать запись практически даром.

Дискуссия продолжалась в течение часа, и Герсен едва сдерживался, чтобы не заскрипеть зубами от нетерпения. В конце концов было заключено соглашение о том, что ему

будет депонирован задаток в размере 100 000 севов. Окончательные же условия продажи будут выработаны в зависимости от физических характеристик планеты.

Как только была достигнута эта договоренность, Уорвин тотчас же установил телевизионную связь с бюро Документации и Контактов в Авенте. Все четверо удостоверили свою личность, изложили каждый свои обязательства и составили текст контракта.

Затем был произведен второй вызов, на этот раз в банк Альфанора, где был открыт депонент на условленную сумму.

Теперь Герсен посмотрел на троих сидящих перед ним администраторов, которые также вопросительно смотрели на него, и спросил:

— Кто же из вас намерен вместе со мной произвести инспекцию этой планеты?

Все трое обменялись взглядами.

— Поеду я, — заявил Уорвин. — Я очень заинтересован в личном знакомстве с планетой.

— Я бы тоже хотел предложить свои услуги, — усмехнулся Деттерас.

— В таком случае, — Келле тоже подал голос, — и я мог бы отправиться. Мне совсем не повредит перемена обстановки.

Герсен внутренне вскипел, чувствуя крушение своих планов. Он ожидал, что Малагате под каким угодно предлогом будет наиболее настойчив в предложении себя на роль инспектора. Он надеялся, что тот будет истово доказывать, что именно ему это удобнее всего сделать. В таком случае Герсен мог отозвать его в сторону и предложить новые условия сделки: планета — за Паллис Атроуд. Что, в конце концов, значила для него эта планета? Его единственной целью было отождествление Малагате, и после этого — его жизнь!

Но теперь этот план рухнул. Если все трое отправятся на планету Тихальта, опознание Малагате будет зависеть уже от новых обстоятельств, а судьба Паллис Атроуд могла повиснуть в воздухе.

Герсен запротестовал.

— Мой корабль слишком мал для четверых. Было бы лучше, если бы только один из вас отправился со мной.

— Это несложно устроить, — заявил Деттерас. — Мы отправимся на корабле, принадлежащем отделу. Там уйма свободного места.

— Еще одно, — сердито произнес Герсен. — В ближайшем будущем мне предстоят некоторые неотложные дела. Прошу меня извинить, но я настаиваю на том, чтобы мы отправились сегодня же!

Это заявление вызвало бурные возражения у всех троих: у каждого вся ближайшая неделя оказалась занятой различными заседаниями, совещаниями и встречами.

Герсену пришлось проявить характер.

— Джентльмены, вы и так уже потратили достаточно своего времени. Мы отбываем сегодня, или я забираю запись в какое-нибудь другое место, или даже уничтожу ее...

Он внимательно посмотрел на каждого из присутствующих, надеясь обнаружить признаки испуга. Уорвин бросил на него неодобрительный холодный взгляд. Келле смотрел на него, как на непослушного ребенка. Деттерас печально покачал головой. Наступила тишина. Кто же из них первым согласится на его условия?!

Уорвин бесцветным тоном произнес:

— Я считаю, что как партнер вы ненадежны, поскольку так легко поддаетесь своим беспочвенным капризам.

— Вы нас загоняете в тупик, — проворчал Деттерас. — Не могу же я выбросить все свои дела в канаву за пять минут.

— Один из вас мог бы легко освободиться от всех текущих дел, — с надеждой произнес Герсен. — Мы с ним провели бы предварительное обследование планеты, достаточное для того, чтобы я смог забрать то что мне причитается, и вернуться к своим обычным делам.

— Гм-м... — промычал Деттерас.

— Полагаю, что я мог бы отправиться сегодня, — медленно отчеканил Келле.

Уорвин кивнул.

— Мои встречи, конечно, с определенными неудобствами, могут быть отменены на некоторое время.

Деттерас всплеснул руками, схватился за интерком и вызвал свою секретаршу.

— Отмените все мои встречи. Да, да, на неопределенное время. Неотложные дела заставляют меня покинуть город.

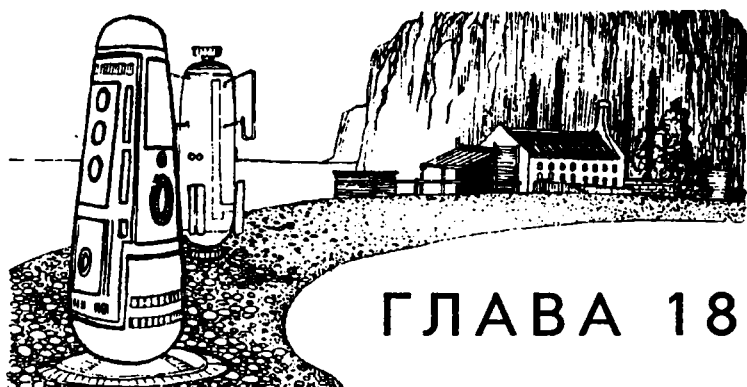
Герсен продолжал наблюдать за всеми троими. Один Деттерас откровенно высказал свое раздражение. Келле, очевидно, расценивал поездку как неотложную. У Уорвина был вид спокойной решительности.

Герсен встал и уже около двери произнес:

— Значит, встречаемся в космопорте, джентльмены. Ну, скажем, в семь часов. Я принесу записи, а один из вас должен принести дешифратор.

Все молча кивнули, и Герсен вышел.

ГЛАВА 18

Вернувшись в Авенту, Герсен стал размышлять о будущем. Чего можно ждать от этих троих, одним из которых является Аттель Малагате? Глупо было бы не предпринять определенных мер предосторожности, — этому его научил еще дед, человек методичный, без устали трудившийся над тем, чтобы его внук научился сдерживать присущую ему тягу полагаться на импровизацию.

В гостинице Герсен проверил свои пожитки и кое-что отобрал. Затем он упаковался и выписался из отеля.

Удостоверившись, что за ним нет слежки, он вошел в ближайшее отделение Объединенной Службы Доставки, одной из грандиозных полуобщественных компаний с агентствами, разбросанными по всей Ойкумене. В киоске он просмотрел каталоги, которые предлагали ему на выбор миллионы изделий, производимых тысячами поставщиков. Сделав свой выбор, он нажал кнопки заказа и подошел к прилавку.

Здесь ему пришлось подождать три минуты, пока автоматическая машинерия рылась среди полок огромного подземного хранилища. Вскоре на ленте конвейера показался заказанный Киртом механизм. Он осмотрел его, расплатился с клерком и отправился в космопорт. У дежурного он справился о местонахождении университетского корабля. Тот

вывел его на террасу и указал на длинную шеренгу больших и малых кораблей.

— Видите, сэр, красно-желтую яхту с платформой сбоку? Хорошо... Отсчитайте три корабля вправо от нее. Первый типа СД-16, затем старая «Парабола», а за ней зелено-голубой корабль с большим куполом для наблюдений. Это он и есть. Он отправляется сегодня, не так ли?

— Да. Около семи часов. Откуда вам это известно?

— Один из членов экипажа уже на борту. Мне пришлось пропустить его.

— Понятно.

Герсен вернулся вниз, на поле, прошел вдоль рядов космических кораблей. Став незаметно за корпус соседнего аппарата, он внимательно оглядел университетскую яхту. У нее были характерные очертания и довольно замысловатая эмблема на борту. В глубинах сознания Кирта шевельнулась мысль, что где-то он раньше уже видел этот корабль... Где? На планете Смейда, на посадочном поле, зажатом между горами и черным океаном? Неужели именно этим кораблем пользовался Звездный Король?

В одном из смотровых окон возникли контуры человека. Когда он исчез из виду, Герсен постарался как можно быстрее пересечь пространство между космическими аппаратами.

Он осторожно прикоснулся к входной двери — она легко отодвинулась. Он вступил в переходной туннель — через прозрачную панель был виден главный салон корабля. Сутиро с Саркоя возился с каким-то предметом, который он, по-видимому, прикрепил к нижней стороне одной из полок. При виде этого Герсен ощутил нечто более острое, чем радость, — какую-то особенно сильную ненависть, которая, взорвавшись, охватила все его тело. Он попробовал внутреннюю дверь, та была заперта изнутри. Существовала, однако, аварийная рукоятка, с помощью которой ее можно было открыть, если давление снаружи и внутри корабля было одинаковым. Герсен попробовал аварийную систему.

Раздался хорошо различимый щелчок. Но внутри корабля все было тихо. Не осмеливаясь взглянуть через панель,

Герсен приложил ухо к металлу. Бесполезно — никакой звук не мог бы проникнуть через дверь из толстого проката. Он подождал с минуту, затем осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Сутиро ничего не слышал. Он ушел в переднюю часть салона и теперь, похоже, приспосабливал что-то внутри подпорки. Его тяжелая плоская голова была наклонена вниз, зубы тесно сжаты.

Герсен проскользнул в щель и поднял энергомет, направив его на крупную квадратную пряжку на поясе Сутиро.

— Дistinguished друг мой, — весело сказал Кирт. — Я даже не смел мечтать, что получу от нашей встречи такое удовольствие.

Коричневые, собачьи глаза отравителя обалдело заморгали. Но он быстро пришел в себя и улыбнулся.

— Я ждал, что вы придете, сэр.

— Серьезно? А зачем?

— Я хотел продолжить наш вчерашний разговор.

— Мы говорили о Годохме, длинноногом ходоке с колесами на ступнях. Вот он и пересек тропу вашей судьбы, Сутиро. Вы уже никогда не сможете наслаждаться жизнью, разъезжая в своем фургоне по степям родного Саркоя!

— Что случилось с девушкой? — постарался как можно мягче спросить Кирт.

Сутиро тут же оцепенел, меряя взглядом Герсена. Потом задумался и, очевидно, отверг мысль, что ему стоит изображать оскорбленную невинность.

— Ее забрал Красавчик.

— При вашем попустительстве. Где она сейчас?

Сутиро пожал плечами.

— Ему было приказано убить ее. Почему — я не знаю. Мне говорят очень мало. Но Даске не убьет ее. До тех пор, пока полностью не наиграется. Он — кнехт. — Сутиро усмехнулся, сравнив Даске с непристойно плодовитым зверьком на Саркое.

— Он покинул Альфанор?

— Разумеется, — Сутиро, казалось, был искренне удивлен наивным вопросом Герсена. — Скорее всего он отправился на свою планету.

Он сделал двусмысленный жест и на несколько дюймов придвинулся к Кирту.

— Где эта планета?

— Ха! Неужели вы считаете, что он раскрывает мне такие секреты? Или кому-либо еще?

— В таком случае я должен попросить вас отодвинуться назад.

— Тьфу! — прошептал Сутиро, капризничая, как ребенок. — Я и так могу отравить вас в любое мгновение, когда захочу.

Легкая усмешка заиграла на губах Герсена.

— Но я отравил вас еще раньше.

Сутиро вскинул брови.

— Когда? Вы ни разу не были близки ко мне.

— Вчера вечером. Я прикоснулся к вам, передавая салфетку. Взгляните-ка на тыльную часть своей руки.

Оцепенев от ужаса, Сутиро смотрел на багровый рубец.

— Клюс!

Герсен кивнул.

— Да, клюс. Яд, не имеющий противоядия.

— Но... зачем нужно было это делать... со мной?

— Вы заслужили такой конец.

Сутиро, как леопард, метнулся к нему, но из дула энергомета вылетел бело-голубой сноп энергии. Сутиро упал на палубу, не отрывая глаз от Кирта.

— Лучше плазма, чем клюс! — прохрипел он.

— Нет. Вы умрете от клюса.

Сутиро мотнул головой.

— Никогда, пока при мне моя яды.

— Годохма призывает вас, Сутиро, и, значит, сейчас вы скажете мне правду, не так ли? Ведь именно этого требует ваша богиня. Вы ненавидите Хильдемара Даске?

— Да, я его ненавижу, ненавижу! — Сутиро, казалось, был удивлен, словно мог существовать кто-либо, относящийся к этому зверю по-другому.

— Я убью вашего «друга».

— Многие хотят это сделать. Вы думаете, я сам не уделал бы его, будь у меня хоть единственный шанс, — мрачно усмехнулся саркоец.

— Где расположена его планета?

— Где-то в Глуши, больше я ничего не знаю.

— Когда вы должны встретиться с ним в следующий раз?

— Никогда. Я умираю, но Даске уготовлено место в аду еще глубже, чем мне.

— А если бы вы были живы?

— Все равно. Я собирался вернуться на Саркой.

— Кому известно что-нибудь о его планете?

— Может быть, Малагате?

— Там больше никого нет? Например, Тристано?

— Нет. Даске никого не любит и тайнами ни с кем не делится. Да, чуть не забыл. На его планете нет атмосферы. Сутиро стал осторожно сгибаться. — Начинается зуд по коже.

— Послушайте, Сутиро, вы ненавидите Даске. Так? И вы ненавидите меня за то, что я отравил вас. Ну так вспоминайте! Ведь, черт возьми, вы, уроженец Саркой, отравлены мной с такой легкостью!

— Да, я ненавижу вас, — пробормотал Сутиро.

— Тогда скажите мне, как найти Даске. Один из нас обязательно убьет другого. Его смерть будет отмщением и за вас, Сутиро.

Тот в отчаянии затряс головой.

— Но я не могу сказать вам более того, что уже сказал.

— Что он вам говорил о своей планете? И говорил ли он вообще что-нибудь?

— Он хвастался — Даске подлый хвостун. Его планета сурова. Только такой человек, как он, смог бы прижиться на ней. Он живет в кратере потухшего вулкана.

— А что он говорил насчет солнца?

Сутиро еще больше скрючился.

— Оно тусклое. Да. Должно быть, красное. Даске кто-то спрашивал в одной таверне, почему он красит кожу в крас-

ный цвет. «Под цвет своего солнца, — обычно отвечал Красавчик, — оно имеет тот же оттенок, только чуть ярче».

— Красный карлик, — задумчиво пробормотал Герсен.

— Может быть, и так.

— Подумайте! Что он еще говорил? В каком направлении он находится? Какое созвездие? Сектор?

— Он ничего не говорил об этом. А теперь мне уже все равно. Я думаю только о Годохме. Уйдите, чтобы я мог достойно убить себя.

Герсен без всякого сожаления смотрел на скрючившегося Сутиро.

— Что вы делали здесь на корабле?

Саркоец взглянул на свою руку и почесал грудь.

— Я чувствую, как он движется, — он оценивающе посмотрел на Герсена. — Что ж, раз вы уж так хотите меня видеть мертвым, то смотрите.

Он приложил ладонь к горлу и судорожно сжал пальцы.

— Осталось тридцать секунд.

— Кто знает о планете Даске? У него есть друзья?

— Друзья? — Сутиро даже в свои последние мгновения не упустил возможности презрительно усмехнуться.

— Где он живет в Авенте?

— К северу от пляжа Сайлмайкербич. Старая хижина, что на холме Мелной.

— Кто такой Малагате? Как его человеческое имя?

— У Звездного Короля нет имени, — почти прошептал Сутиро.

— Под каким именем он известен на Альфаноре?

Толстые губы округлились, но слова застряли в горле.

— Вы убили меня. И если не повезет Даске, то пусть уж Малагате убьет вас.

Веки Сутиро дернулись и затрепетали. Затем он откинулся и, казалось, ооченел, больше уже не шевелясь.

Герсен взглянул на тело, обошел его и стал внимательно присматриваться к мертвому врагу. Уроженцы Саркоя имели дурную репутацию мстительных и вероломных созданий. Носком ботинка Кирт попробовал перевернуть тело вниз.

Быстрая, как выпад змеи, взметнулась рука с заостренными ядовитыми когтями.

Герсен ожидал чего-нибудь подобного и сумел отпрыгнуть назад. Энергомет во второй раз изрыгнул пламя. На этот раз Сутиро с Саркоя был уже мертв.

Герсен обыскал труп. В карманах он нашел деньги, которые переложил в свой бумажник, а также целый набор ядов, которые он, не зная в точности, как использовать, отложил в сторону. Там было также устройство размером с большой палец, предназначенное для стрельбы ядовитыми или зараженными вирусами-иглами. С помощью этого приборчика можно было попасть в человека на расстоянии до пятнадцати метров, и тот бы ничего не почувствовал, кроме едва ощутимого зуда. У Сутиро имелся энергомет, такой же, как и у Герсена, три кинжала, пакет фруктовых лепешек, несомненно отравленных, решил Кирт.

Герсен снова рассовал яды по карманам трупа, вместе со всем оружием, оттащил его к шлюзу для выброса отходов и захлопнул люк так, чтобы ничего не бросалось в глаза. Когда корабль будет в космосе, одно нажатие на кнопку — и труп бандита исчезнет в пространстве. Затем Кирт начал искать устройство, которое Сутиро, когда еще был жив, столь тщательно устанавливал. Под полкой он обнаружил небольшой приклеенный тумблер, от которого шла проводка к скрыто установленному реле, в свою очередь включавшему клапаны в четырех баллонах с газом, установленных в различных потайных местах салона.

... Ядовитый или анестезирующий газ? Он отделил один из сосудов и нашел этикетку, напечатанную угловатым шрифтом, употреблявшимся на Саркое. Она гласила: «Мгновенный наркотик. Сон наступает с минимальными последствиями».

Оказывается, Малагате, не менее методичный, чем Герсен, предпринял свои меры предосторожности.

Кирт вынес каждый из четырех баллонов к входной двери, освободил их от содержимого и поставил сосуды на те же места. Он оставил на том же месте тумблер, установленный Сутиро, но изменил его функцию.

Сделав это, Герсен достал собственное устройство — только что приобретенный таймер и гранату из потайных запасов.

Немного подумав, он поместил их в реактивном отсеке, где они не принесут особого вреда, но будут всегда под рукой в случае необходимости.

Он взглянул на часы — час дня. Времени оставалось в обрез. Очень мало для всего того, что ему еще предстояло сделать. Он вышел из корабля, закрыв его за собой, и, вернувшись в здание вокзала, отправился на стоянку глайдеров. Необходимо было ехать в Сайлмайкербич.

Он выбрал одноместный кэб — гироскопически уравновешенный скутер с прозрачным колпаком. Два сева — в прорезь автомата, и он получил его в свое полное пользование на час. Поднявшись над стоянкой, Кирт направился к северу.

Район Сайлмайкербич нес на себе отпечаток уникальности. Авента — вольный космический город, — почти ничем не отличалась от доброй полусотни других полисов Ойкумены. Сайлмайкербич, напротив, не походил ни на какое другое поселение человека в известной части Вселенной. Дома низкие, с толстыми стенами из обломков бетона и ракушечника, белые или выбеленные дождями и сверкающие под ослепительным светом Ригеля.

Район этот был убежищем для представителей нескольких дюжин разных народов с других планет. Каждый из них жил в своем анклав с характерными для него продуктами магазинами, ресторанами и культовыми сооружениями. Несмотря на большие различия в происхождении, обычаях, внешнем виде, обитатели района были одинаково горделивы, наполовину подозрительны, наполовину наивны, одинаково презрительно относящиеся как к чужакам, так и друг к другу. Они зарабатывали себе на жизнь, обслуживая туристов в качестве прислуги либо поденщиков. Кроме того, многие из них были владельцами мелочных лавок или ремесленных мастерских. Многие выступали в качестве артистов или музыкантов в бесчисленных тавернах, ресторанах, бистро, борделях.

К северу от этого района возвышался холм Мелной, и здесь архитектура зданий была совсем иной: высокие узкие жилые здания почти готических пропорций, каждое из которых, казалось, хотело вырасти выше соседа. Именно здесь, по словам Сутиро, и обитал Хильдемар Даске.

В адресной книге района Красавчик не числился — да Герсен и не рассчитывал на это. Он стал заходить в таверны, справляясь о высоком мужчине с расщепленным носом, красным цветом кожи и белыми, как мел, щеками. Он вскоре наткнулся на людей, которые как-то примечали Даске, но только в четвертой таверне он наконец нашел человека, который с ним разговаривал.

— Вы, должно быть, имеете в виду Красавчика, — сказал бармен, — да он частенько наведывается сюда, чтобы выпить. Он представляется астронавтом, но я не очень-то верю в это. Я и сам часто заявлял о себе, что я, дескать, великий любовник. Все мы лжем зачастую гораздо больше, чем это необходимо.

«В чем истина?» — спросил однажды Понтий Пилат в древней басне, а я отвечаю: «В единственном предмете для наслаждений, который дешев, как воздух, но который мы принимаем, как некий драгоценный камень».

Бармен совсем уж расфилософствовался, но Герсен быстро вернул его к предмету своих поисков.

— Где живет этот Красавчик? Вы должны знать, раз он ваш завсегдатай.

— На той стороне холма, — бармен неопределенно указал рукой. — Большого я не могу сказать, потому что и сам не знаю.

Распросы в других тавернах, лавках и просто на перекрестках в конце концов позволили Герсену довольно точно определить местонахождение берлоги Даске, и он выехал по узкой немощенной улочке из района высоких жилых домов, обогнул пустой скалистый обрыв и, в конце дороги увидел стоящий отдельно прямоугольный коттедж, из которого открывалась великолепная панорама всего залива. К югу был виден бульвар, еще дальше едва проступали контуры высотных домов Ремо.

Герсен осторожно приблизился к дому, хотя весь его вид говорил о том, что он пуст. Он обошел его вокруг, заглядывая в окна, и не обнаружил ничего интересного. Осмотревшись быстро по сторонам, он взломал оконный переплет скрытого от посторонних глаз окна и осторожно, на случай, если Даске подстроил какую-нибудь ловушку, забрался внутрь.

Все в доме говорило о том, что это и есть обитель Даске, — едва уловимый едкий запах совместно с общей атмосферой, еще более неуловимой, чем запах. Атмосферой жестокости, грязи, необузданной силы.

Здесь было четыре комнаты. Герсен быстро произвел общий осмотр, затем сосредоточил свое внимание на гостиной. В углу стоял письменный стол и тяжелое кресло. На стене над столом висели десятки фотографий Даске во всех позах на фоне самых разнообразных пейзажей.

Здесь был Даске крупным планом — отчетливо различалась каждая пора его кожи, расщепленный хрящ носа, голубые глаза без век. Здесь был Даске на носилках из желтого пальмового дерева, задрапированных тончайшим шелком, которые несли на своих плечах шесть черноволосых девушек. Здесь был Даске в костюме пожарника с планеты Бариалл — в сияющих доспехах и каске с рогами, похожий на огромного жука.

В углу комнаты размещался ряд фотографий неизвестного мужчины. По всей вероятности, снимки были сделаны за довольно большой промежуток времени. На первом из них было лицо тридцатилетнего парня — твердая, самоуверенная, бульдожья физиономия, даже немного благодушная. На последующих фотографиях ее вид постепенно менялся. Щеки все больше западали, глаза выкатывались из глазниц, на висках все больше проступала запутанная сетка жилок и нервов. С каждым новым снимком лицо становилось все изможденнее.

Герсен пробежал глазами по корешкам книг: альбомы с порнографией, справочник по ядам с Саркоя, последнее издание справочника по планетам, указатель библиотеки микروفильмов, «Звездное руководство».

Стол сам по себе был роскошный, причем роскошный в высшей степени этого слова. Герсен проверил все ящики и дальние углы стола. Но в них ничего интересного не содержалось. Отчаяние стало охватывать Герсена: через четыре часа в космопорте он должен был встретиться с Деттерасом, Уорвином и Келле. Он стоял в центре комнаты, тщательно рассматривая каждый предмет. Где-то должна была найтись хоть какая-то связь с таинственной планетой Даске. Но как ее обнаружить?

Он подошел к книжной полке и снял с нее «Звездное руководство». Внимательно посмотрев оглавление, он заставил себя сосредоточиться. Если «красный карлик» Даске был в этом руководстве, то Красавчик, разумеется, должен был бы неоднократно обращаться к нему. Однако никаких рисок, или пометок на полях не было заметно. Тогда Герсен внимательно присмотрелся к форзацу. Примерно четверть книги имело более темный торец — свидетельство того, что именно эти страницы Даске листал достаточно часто.

Герсен аккуратно отделил эту часть книги и стал просматривать все «красные карлики», описанные в центральной части этой группы страниц. Для каждой звезды в справочнике давались одиннадцать признаков: индекс, созвездие, в котором она расположена при наблюдении с Земли, тип, информация о планетах, вектор скорости, диаметр, звездная величина, координаты, расстояние от Центра Галактики и примечания. В этой части книги были перечислены двадцать три красных карлика. Восемь из них были двойными, одиннадцать не имели планет. Вокруг оставшихся четырех обращались восемь планет. Именно их Кирт проверил особенно тщательно и с большой неохотой вынужден был признать, что жить нельзя было ни на одной из них. Пять планет были слишком горячими. Одна — полностью была окутана жидким метаном; две — слишком массивными, их тяготения человеческий организм вряд ли мог вынести. От разочарования Герсен совсем было опустил руки. Ничего не выходит! Но тем не менее именно к этим страницам неоднократно прикасался Даске. Подтверждением тому было и то, что именно эти несколько страниц не слипались между со-

бой, когда Кирт попробовал повесить книгу, взяв ее за два конца корешка. На всякий случай Герсен вырвал именно эти несколько листочков.

Внезапно входная дверь отворилась. Кирт резко обернулся. В проеме стоял мужчина средних лет, ростом не выше подростка. У него была большая голова, крупные черты лица, заостренные длинные уши и широкий, выступающий вперед рот. Все это говорило о том, что это был уроженец гор с планеты Крокиноль, представитель одной из наиболее специализированных рас Скопления.

Он прошел вперед с вызывающим видом.

— Кто вы и что делаете в доме мистера Спока? Неужели вы взломщик? Ну, конечно же...

Герсен поставил книгу на место, а карлик продолжал свой монолог.

— Что вы делаете? Зачем вы вырвали из справочника страницы? Ведь это самая ценная книга мистера Спока! Вряд ли ему понравилось бы, что вы цапаете ее своими пальцами. Пожалуй, мне лучше сходить за констеблем.

— Подойдите сюда, — приказал Герсен. — Кто вы такой?

— Я? Я присматриваю за этим домом, вот кто я! Кроме того, это моя земля и мой дом. Это мое поместье, понимаете? Мистер Спок человек, которого я пустил к себе, но это вовсе не значит, что любой взломщик может прибрать к рукам его имущество, пока он отсутствует.

— Ваш мистер Спок — преступник.

— Если это так, то становится ясным, что вы здесь делаете, значит, у воров нет понятия чести!

— Я не вор, — спокойно ответил Герсен. — Вашим постоянцем интересуется «Интергалактопол».

Карлик вытянул вперед шею.

— Вы из «Интергалактопола»? А ну-ка покажите мне свою звезду.

Решив, что карлик с Крокиноля вряд ли когда-либо видел значок этой организации, Герсен показал ему прозрачную пластину со своей фотографией под золотой семиконечной звездой. Он прикоснулся ею ко лбу — и звезда засверкала золотым блеском, что произвело на карлика не-

изгладимое впечатление. Он тут же чистосердечно раскрыл свои объятия перед Герсеном.

— Я всегда чувствовал, что с мистером Споком что-то не так! Попомните мои слова — он плохо кончит! Что же он тут натворил?

— Похищение и убийство.

— Час от часу не легче! Мне придется остерегаться моего постояльца.

— Правильно решили. Это очень порочный человек! Сколько он прожил здесь?

— Не один год.

— Значит, вы его хорошо знаете?

— Пожалуй... Кто еще пьет с ним, когда всех остальных от него воротит, как от прокаженного? Да, я выпиваю с ним и довольно частенько. Хотя смотреть на него не Бог весть какое удовольствие. Но я так жалел его...

— Значит, вы друг мистера Спока?

— Я? Конечно же, нет! — с негодованием возразил карлик. Разве я похож на тех, кто водится с преступниками?

— Но вы очень много слышали о его жизни, знаете образ его существования.

— Что да, то да! О чем он только мне ни рассказывал, — карлик нелепо закатил глаза. — Верил ли я ему? Нет!

— Говорил ли он вам о своей планете?

— Еще сколько! Он называет ее Удельем Ногтя Большого Пальца. Почему? Он всегда качал головой, когда я его об этом спрашивал. Очень скрытный человек, знаете ли. Несмотря на все его бахвальство, он очень, очень скрытен и к тому же хитер. Да, очень, очень скрыт...

— А что еще он вам рассказывал об этой планете? — перебил карлика Герсен.

— Дайте-ка вспомнить... Солнце кроваво-красное, едва-едва обогревает эту планету...

— И где же она находится?

— Эге! Вот здесь-то он не промах. Ни слова об этом за все годы. Я много раз изумлялся, стоило мне только подумать, как бедный мистер Спок томится от тоски на этой одинокой планете, не скрашивая свое одиночество беседой с друзьями.

Герсен угрюмо улыбнулся.

— И он так ни разу за все годы не доверился вам?

— Ни разу. Зачем вам все это надо знать?

— Он похитил молодую невинную девушку и увез ее на свою планету.

— Вот мошенник! Какая подлая тварь. — Карлик энергично затряс головой, изображая страдание, в котором, правда, была изрядная доля зависти. — Я больше никогда не пушу его на порог моего дома!

— Вспомните, что еще говорил Спок о своей планете?

Карлик поморщился

— Значит, так... Ущелье Ногтя Большого Пальца... Планета больше, чем ее солнце... Удивительно, не так ли?

— Если солнце является красным карликом, то это не удивительно.

— Вулканы! На этой планете есть действующие вулканы! карлик от радости подпрыгнул

— Что? Вулканы? Странно. Таким планетам не положено иметь вулканов. Они слишком древние для действующих вулканов.

— Древние или юные, а вулканы там процветают. Мистер Спок живет в кратере потухшего вулкана, и еще он видит целую гряду курящихся гигантов вплоть до самого горизонта.

— Что еще он вам говорил?

— Ничего.

— Сколько времени у него отнимает путь на свою планету?

— Этого я не могу сказать.

— Вы встречались когда-нибудь с его друзьями?

— С собутыльниками в таверне, да. Не более того. Но нет, постойте, меньше года назад я познакомился с землянином — грубым, жестоким человеком.

— Тристано?

— Имя его мне неизвестно, мистер Спок только что вернулся тогда из деловой поездки в Глушь. Он был, если мне не изменяет память, на планете Новая Надежда. Вы слышали о ней?

— Я никогда на ней не бывал.

— Я тоже, хотя забирался в дни своей молодости далеко-далеко. Но как раз в день его возвращения, когда мы сидели в пивной Гольперино, и появился землянин. «Где ты пропадал? — спросил он. — Я здесь уже десять дней, а ведь мы вместе покинули Надежду». Мистер Спок взглянул на него свысока: «Ты же знаешь, что я заглянул в свою маленькую берлогу. Там у меня есть обязанности». И землянин больше ничего не сказал.

Герсен на мгновение задумался и перед уходом спросил:

— Что вы еще знаете?

— Больше ничего.

Кирт еще раз осмотрел дом, затем вышел, не обращая внимания на неожиданные домогательства карлика о возмещении ущерба за сломанную раму. Он поспешно направился в центр Авенты, нашел контору Всеобщей технической консультативной службы и задал вопрос оператору:

— Проблема такова. Два корабля отправляются с планеты Надежда. Один из них направляется непосредственно сюда, на Авенту. Другой — на планету какого-то «красного карлика», проводит там полдня, затем также убывает на Авенту, приземляясь здесь девятью днями позже. Мне нужен список крупных карликов, которые мог посетить этот второй корабль.

Оператор задумался.

— В данном случае мы, очевидно, имеем здесь эллипсоид с фокусами на Новой Надежде и на Альфаноре. Мы должны принять во внимание ускорение и замедление, время нахождения в пути, на орбитах вокруг этих планет и время на посадку. Здесь будет обязательно геометрическое место точек наибольшей вероятности и зона понижающей вероятности нахождения звезды.

— Сформулируйте задачу так, чтобы машина составила список космических тел в порядке вероятности.

— До каких пределов?

— Ну, один к пятидесяти. Добавьте в список этих планет и звезд также их константы из справочника.

— Хорошо, сэр. Цена — двадцать пять севов.

Герсен достал деньги, оператор перевел условия задачи в удобную для программирования форму и передал их в микрофон. Через тридцать секунд из прорези выпал лист бумаги. Оператор взглянул на него, подписал и, не проронив ни слова, передал Герсену.

В списке было сорок три звезды. Кирт сравнил этот перечень с объектами, перечисленными на страницах, которые он вырвал из «Руководства» Даске. Только одна звезда фигурировала в обоих списках. Герсен нахмурился. Судя по всему, это была двойная звезда без планет. Одной из звезд ее... Ну, конечно! Как же иначе могут существовать вулканы на спутнике красного карлика? Планета Даске была вовсе не планетой, а темной звездой с мертвой поверхностью, возможно, даже не совсем остывшей. Герсен слышал о таких мирах. Обычно они имели слишком высокую плотность, были слишком массивны, чтобы на них смог прожить человек. Однако небольшая звезда за два-три миллиарда лет, случалось, выделяла такое количество тяжелых элементов, что могла образоваться толстая кора из легких элементов, и постепенно сила тяжести на ее поверхности могла снизиться до вполне разумного уровня.

Келле, Уорвин и Деттерас появились в космопорте почти в семь часов. Они были одеты в комбинезоны астронавтов, кожа их тонировалась голубовато-коричневой краской, которая, как когда-то считалось, защищает человеческий организм от некоторой таинственной побочной радиации, возникающей при расщеплении Джарнелла, и которая со временем стала обычным элементом экипировки для путешественников в космосе. Они остановились посреди вестибюля и стали оглядываться, а заметив Герсена, повернулись к нему.

— Похоже, что все мы готовы. Я благодарю вас, джентльмены, за то что вы так быстро собрались.

— Что было достигнуто за счет больших неудобств, — заявил Келле.

— Со временем причина такой спешки станет вам понятной, — сказал Герсен. — Ваш багаж?

— На пути к кораблю. — заметил Деттерас.

— Значит, в путь! Направление нам уже дали?

— Все улажено, — кивнул Уорвин.

Багаж — четыре больших чемодана и немалое количество пакетов поменьше — уже был выложен перед кораблем. Уорвин отпер входные двери. Герсен и Келле перенесли чемоданы в салон. Деттерас сделал самоуверенную попытку принять командование на себя.

— На борту имеется четыре отделения. Я занимаю переднее, с правого борта. Вы, Келле, размещаетесь на корме также справа. Уорвин и Герсен занимают левый борт — соответственно на носу и корме. Тогда мы вполне сможем освободить салон от багажа.

— Одну минуту, — остановил его Герсен. — Есть одно дело, которое мы должны решить, прежде чем двинемся в путь.

— Что еще за дело? — оживился Деттерас.

— Исходя из различия интересов, у нас на корабле сейчас две партии. Ни одна из них не доверяет другой. Мы отправляемся в Глушь, туда, где отсутствует иной закон, кроме силы. Каждый из нас, зная об этом, принес с собой оружие. Я предлагаю запереть все оружие в сейф. Затем мы откроем багаж и, если будет необходимо, разденемся донага, чтобы удостовериться, что ни один из нас не утаил что-либо еще. Поскольку вас трое, а я один, в любом случае преимущество будет на вашей стороне.

— В высшей степени недостойный процесс, — проворчал Деттерас.

Келле, более рассудительный, чем ожидал Герсен, произнес:

— Рандл, видишь ли, Герсен не постеснялся трезво разъяснить нам реальность! И я с ним согласен, тем более что оружия у меня нет.

Уорвин сделал небрежный жест.

— Обыскивайте меня, обыскивайте мой багаж, но скорее в путь!

Деттерас покачал головой, но все же открыл свой чемодан и извлек оттуда энергомет большой мощности. Подержав оружие в руках, он швырнул его на пол.

— Я оставляю при себе свои сомнения относительно разумности всего этого. Я ничего не имею против личности мистера Герсена, но, предположим, что он отвезет нас на какую-нибудь отдаленную планету, где его ждут сообщники? Они захватят нас и потребуют выкуп! Как вы на это смотрите?

Герсен рассмеялся.

— Если вы считаете это реальной опасностью, то вам необходимо остаться здесь. Мне безразлично, поедет ли со мной кто-нибудь один или все вместе.

— А как насчет вашего оружия? — спросил Уорвин.

Герсен вытащил свой энергомет, пару стилетов, кинжал, ампулу с ядом и четыре гранаты величиной с грецкий орех.

— Да у вас здесь целый арсенал, — покачал головой Деттерас.

— Иногда я испытываю в нем необходимость, — сказал Герсен.

— А теперь багаж...

Собранное вместе оружие было помещено в одну из кладовых с четырьмя замками, и каждому было отдано по одному ключу от каждого замка.

Специальный кран подхватил корабль и перенес его со стоянки на взлетную площадку.

Деттерас встал возле главного пульта и дотронулся до кнопки — зажегся целый ряд зеленых сигналов.

— Все готово к отправлению, — заявил он. — Баки заправлены полностью, оборудование в полном порядке.

Келле откашлялся и вытащил красивую деревянную шкатулку, обитую красной замшей.

— Это — один из дешифраторов, принадлежащих отделу. Я полагаю, записи мистера Тихальта при вас?

— Конечно, — кивнул Герсен. — Они у меня. Но с этим нечего спешить. Прежде чем зарядить монитор, мы должны достичь базового пункта нулевого отсчета, который довольно далеко отсюда.

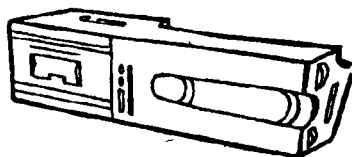
— Хорошо, — согласился Деттерас. — Где координаты? Герсен протянул ему узкую полоску бумаги.

— Если позволите, я переключу корабль на автопилот. Деттерас поднялся.

— Мне кажется, что больше нет причин для недоверия. Мы освободились от имевшегося у нас оружия. Все как будто улажено. Так давайте расслабимся и будем вести себя по-дружески.

— С удовольствием, — рассмеялся Герсен.

Кран отъехал от корабля. Все разместились по своим взлетным местам. Деттерас включил программу автоматического взлета. Взревели двигатели, началось ускорение, и Альфанор, стремительно уменьшаясь, очень быстро исчез из вида.

ГЛАВА 19

В нашем беглом обзоре мы уже рассматривали, каким образом каждый из Демонов Тьмы своеобразен и не похож ни на кого другого. И мы рассмотрели также, как каждый из них раскрывает свои характерные черты.

Этот тем более замечательно, что количество модификаций возможных преступлений весьма ограничено и может быть перечислено по пальцам. Существуют преступления ради наживы: вымогательство, грабеж (включая пиратство и набеги на поселения), надувательство во всех его бесконечных обличьях. Существует и рабовладение: добыча рабов, продажа их и использование рабочей силы. Убийства, насилия и пытки являются просто сопутствующими элементами, возникающими при этих преступлениях.

Личная развращенность в равной степени ограничена и может быть представлена: половым развратом, садизмом, актами насилия, порожденными задетым самолюбием, мстью, жадной реванша или вандализма.

Безусловно, этот варварский перечень не является полным, возможно, он даже не логичен, но не об этом сейчас речь. Я просто хочу показать его небольшой объем, чтобы продемонстрировать то, что каждый из Демонов Тьмы, творя то или иное зверство, накладывает на него отпечаток соб-

ственного вкуса и тем самым как будто создает новый вид преступления.

В предыдущих главах мы рассмотрели одержимого манией величия Кокора Хеккуса и его теории ужаса. Был рассмотрен также и Виоле Фалоше, сладострастник, сибарит и кинестатик-любитель.

Совершенно другим является Аттель Малагате, или, как его еще зовут, Малагате-Горе. Он отличается от рассмотренных нами Демонов Тьмы как по своему стилю, так и по манерам. Гораздо больше, чем возвеличивание своей персоны и своих поступков, Малагате предпочитает столь же леденящие душу скрытность, невидимость, бесстрастную обезличенность. Не существует его достоверного описания. Определенно, что «Малагате» является прозвищем. Он действует с неутомимой злобой, и, хотя все его поступки никогда не являются бессмысленными и пусть даже он содержит «дворец наслаждений» в стиле Виоле Фалоше или Говарда Алана Грисонга, это является тщательно сберегаемой тайной.

Малагате специализируется в основном на вымогательстве и рабстве. На конклаве 1500 года на планете Смейда, где пятеро Демонов Тьмы и дюжина злодеев поменьше встретились, чтобы четко распределить сферы всего влияния, Малагате был выделен сектор Глуши с центром в Скоплении Ферре. В него входят более сотни поселений, городов, которые Малагате тут же обложил данью. Он редко сталкивается с протестами и жалобами, поскольку ему достаточно напомнить о судьбе Маунт-Плизанта, города с населением в 5000 человек, который отклонил его вымогательства. В 1499 году Малагате пригласил четырех других Демонов присоединиться к нему. Банда смела с лица планеты город, захватила все его население и обратила в рабство.

На планете Гракборр он содержит плантацию площадью около 10 000 квадратных миль, где живут, судя по оценкам, около 20 000 рабов. Там имеются хорошо ухоженные поля и предприятия, производящие изысканную мебель, музыкальные инструменты и электронные устройства разного назначения. С рабами обращаются безо всякой жестокости,

однако рабочий день у них длинный, общежития грязные, возможность для какой-либо другой деятельности ограничена, наказанием является перевод на шахты, из которых человек уже вряд ли возвращается живым.

Как правило, Аттель Малагате относится ко всем одинаково беспристрастно, но иногда он концентрирует свое внимание на ком-нибудь одном.

Планета Каро расположена в районе, который находится в сфере непосредственной деятельности какого-либо из Демонов Тьмы. Мэр города Дэске, Яноуш Парагиглия, непрерывно настаивал на организации милиции и космического флота, способного защитить Каро от нападения Малагате или кого-либо другого из Демонов Тьмы, осмелившихся напасть на планету.

Малагате похитил мэра и в течение тридцати девяти дней подвергал его пыткам, транслируя эти экзекуции по телевидению не только на все города планеты Каро, но и на все планеты своего сектора, а также на планеты Скопления Ригеля, хотя такая бравада для него очень неразумна и нехарактерна.

Как уже упоминалось, его личные наклонности неизвестны. Время от времени ходят слухи, что Малагате доставляет наслаждение лично участвовать в поединках гладиаторов на мечах или шпагах с наиболее крепкими противниками. Говорят, что он обладает сверхчеловеческой силой и ловкостью и получает удовольствие, разрубая своего противника на части.

Подобно другим Демонам Тьмы, Малагате много времени проводит в Ойкумене и, если верить слухам, занимает там высокое положение на одной из главных планет.

/Из главы «Малагате-Горе» монографии Керила Карфена «Демоны Тьмы»./

Альфанор стал туманно-бледным диском и вскоре затерялся среди звезд.

Внутри корабля жизнь четырех его пассажиров постепенно начала налаживаться. Келле и Уорвин завели тихий разговор между собой. Деттерас смотрел вперед на усеянную

звездами бездну. Герсен уселся в стороне от них, не спуская со своих попутчиков глаз.

Один из них не настоящий человек. Кто же?

И все же у него не было той уверенности, которая должна была привести к смерти Малагате. Его догадки основывались на косвенных знаках и предположениях. Малагате же, со своей стороны, пока что должен был чувствовать себя в безопасности под прикрытием своего инкогнито. У него не было поводов подозревать истинные цели Герсена. Он должен все еще видеть в нем не более чем разведчика-рвача, стремящегося сорвать куш побольше. Что же, это к лучшему, подумал Кирт, особенно если это поможет точнее обнаружить врага. Он ждал только освобождения Паллис Атроуд и смерти Малагате. И конечно же, Хильдемара Даске. Если же Паллис Атроуд уже мертва, тем хуже для Даске.

Герсен исподтишка поглядывал на подозреваемого. Был ли этот человек действительно Малагате? Неужели его ждет неудача, когда он так близко к цели. У Малагате, разумеется, сейчас свои планы. Под человеческой маской бьется разум, не имеющий ничего общего с человеческим, движимый мотивами, до сих пор неясными Герсену.

Кирт смог определить по крайней мере три неясных пункта в сложившемся положении. Во-первых, имеется ли у Малагате оружие или какие-нибудь тайники на борту корабля, о которых он не знает? Это весьма вероятно, хотя он может полагаться только на спрятанные баллоны с анестезирующим газом.

Во-вторых, были ли остальные двое его сообщниками? Такое тоже было возможным, хотя и в гораздо меньшей степени.

В-третьих, хотя это и зависело от других обстоятельств: что произойдет, когда корабль достигнет потухшей звезды Даске? И здесь создавался широкий спектр возможностей. Известно ли Малагате убежище Даске? Если это так, то узнает ли он его по внешнему виду? Ответ с большей степенью вероятности должен был быть положительным.

Следующее, о чем следовало позаботиться, — это каким-то образом заставить Даске врасплох, пленить или убить его

без помех со стороны Малагате. Одно было ясно — то дружелюбие, к которому призывал Деттерас, скоро подвергнется суровому испытанию.

Время шло. Жизнь на корабле текла своим чередом. Герсен выбрал благоприятный момент и предал тело Сутиро космосу. Корабль без всяких усилий с ошеломляющей скоростью несли мимо сверкающих звезд и в какой-то момент пересек черту, отделяющую сферу человеческой цивилизации и закона от бескрайних просторов Галактики, не тронутых цивилизацией.

Герсен продолжал постоянное благоразумное наблюдение за своими попутчиками, гадая, кто из них первый выскажет беспокойство или подозрения относительно ближайшего места назначения.

Первым оказался Келле, хотя, возможно, роптали все уже давно, но так, чтобы Герсен их не слышал.

— К каким это чертям нас несет? — раздраженно спросил Келле. — Разве эти районы привлекают разведчиков? Мы фактически находимся в межгалактическом пространстве.

Герсен принял непринужденную позу.

— Джентльмены, я должен признать, что не был до конца с вами искренен.

Все три лица мгновенно повернулись к нему, сверля настороженными взглядами.

— Что вы имеете в виду? — проскрежетал Деттерас.

— Не стоит придавать этому особого значения. Я был вынужден сделать небольшой крюк. После того как я выполню определенное задание, мы вернемся к осуществлению наших первоначальных планов. — Увидев, что Деттерас сделал глубокий вздох, он поднял руку. — Бесполезно упрекать меня — уже ничего не изменится.

— Что же такое вы намерены сделать? — ледяным тоном спросил Уорвин.

— Я был бы рад объяснить и уверен, что каждый из вас поймет меня. Прежде всего, я, кажется, нажил себе врага в лице одного широко известного преступника. Он известен как Малагате-Горе. — Герсен по очереди взглянул в лица

всех троих. Несомненно, вы слышали о нем. Это один из Демонов Тьмы. За день до того, как мы отбыли, один из его ближайших приспешников, тварь по имени Хильдемар Даске, похитил молодую женщину, с которой мне случилось познакомиться, и переправил ее на принадлежащую ему планету. Я чувствую себя обязанным перед этой молодой женщиной: она невинно пострадала только из-за того, что Малагате захотелось наказать или испугать меня. Я уверен, что мне удалось разыскать планету Даске. Я намерен спасти эту женщину и надеюсь на вашу помощь.

— Почему же вы не удосужились поведать нам о своих планах до отправления? — не скрывая ярости, спросил Деттерас. — Вы настаивали на отправлении, вынудили нас отменить все свои дела, причинив нам при этом столько неудобств...

— У вас есть все основания для возмущения, — спокойно произнес Герсен. — Но поскольку мое личное время ограничено, я подумал, что будет лучше, если объединить эти два проекта, — он улыбнулся, увидев, как багровеет лицо Деттераса в новом приступе ярости. — Если хоть немного повезет, это не отнимет много времени, и мы, не задерживаясь, отправимся в наш дальнейший путь.

— Похититель переправил женщину на планету, находящуюся в этом секторе? — задумчиво спросил Келле.

— Я так думаю, — по крайней мере, я на это очень надеюсь.

— И вы рассчитываете на нашу помощь?

— Чисто в пассивном плане. Я просто прошу, чтобы вы не мешали моим намерениям.

— Предположим, что похититель возмутится при вашем вторжении. Предположим, он убьет вас.

— Что же, такая возможность действительно существует, но на моей стороне преимущества внезапности. Он чувствует себя в полнейшей безопасности, и скорее всего я без особых затруднений смогу взять над ним верх.

— Взять на ним верх? — недоверчиво переспросил Уорвин не без язвительности в голосе.

— Да! Одолеть или убить его.

В это мгновение отключился привод Джарнелла, и корабль с протяжным воем перешел на обычную скорость. Впереди мерцала тусклая красная звезда. Даже если она и была двойной, ее компаньонки пока не было видно.

— Как я уже сказал, сейчас на моей стороне неожиданность, и поэтому я должен попросить, чтобы никто из вас по небрежности или по злему умыслу не воспользовался радио. — Герсен, естественно, уже вывел из строя передатчик, но решил лишний раз заставить Малагате насторожиться. — Я хочу объяснить свои намерения. Во-первых, я переведу корабль на такую траекторию, с которой будет легко просматривать поверхность планеты, с одной стороны, но еще нельзя будет нащупать его радаром — с другой. Если моя гипотеза верна и я отыскал логово Даске, я совершу высадку на этой планете как можно ближе к его берлогу. Затем я воспользуюсь летающей платформой и сделаю то, что должно быть сделано. Вам троим необходимо только подождать моего возвращения, после этого мы снова отправимся к планете Тихальта. Я уверен, что могу рассчитывать на ваше сотрудничество, поскольку, разумеется, я заберу с собой записи монитора и упрячу их до того, как повстречаюсь с Хильдемаром Даске. Если же я буду убит, то записи просто будут потеряны. Естественно, мне необходимо оружие, которое в данный момент находится в сейфе, но тут я не вижу причин для вашего возражения.

Никто не проронил ни слова. Глядя на лица своих попутчиков, особенно на лицо подозреваемого, Герсен засмеялся про себя. Перед Малагате возникла проблема, способная свести с ума. Если он вмешается и каким-то образом предупредит Даске, то Герсен в этом случае будет убит и надежды на приобретение планеты Тихальта рухнут. Предаст ли он Даске ради этой планеты? Герсен был уверен в этом. Бессердечие Малагате было известным.

— Герсен, вы ловкач, — тяжело вздохнул Деттерас. — Вы поставили нас в такое положение, в котором мы из чистого благоразумия вынуждены с вами согласиться.

— Я уверяю, что действую из лучших побуждений. Поверьте мне.

— Да, да. Девушка в опасности. Все очень хорошо. Мы сами станем преступниками, если не дадим ей шанса на спасение. Мое негодование вызвано не вашими целями — если только вы сказали нам правду, а отсутствием прямоты в вашем поведении, — пробормотал Келле.

Поскольку терять ему было нечего, Герсен смиренно согласился.

— Да, возможно, мне следовало все сразу же объяснить вам. Но я привык полагаться только на себя. В любом случае ситуация такова, как я ее только что обрисовал. Значит, я могу надеяться на ваше сотрудничество?

— Вы прекрасно знаете, что у нас нет выбора, — сказал Уорвин.

— Министр Келле?

Келле склонил голову.

— Мистер Детгерас?

— Как указывает Уорвин, выбора у нас нет.

— В таком случае я буду осуществлять свои планы. Планета, на которую мы сядем, между прочим, скорее потухшая звезда, чем планета.

— А грандиозное тяготение не делает жизнь на ней невозможной?

— Вот это мы вскоре и выясним.

Уорвин остановился и стал смотреть на красный карлик; темный компаньон его стал теперь вполне видимым: огромный коричнево-серый диск, с диаметром втрое большим, чем у Альфанора, покрытый сетчатым узором.

Герсен не без труда заметил, что окружающее пространство полно обломков горных пород, — это облегчало дело — на экране радара светились десятки крошечных планетоидов на своих орбитах вокруг каждой звезды. Можно было смело приближаться к мертвой звезде, не боясь обнаружения.

Поверхность ее казалось тусклой и однообразной, обширные пространства занимали шоколадного цвета океаны пыли. Контуры планеты выглядели резкими и отчетливыми, что указывало на разряженность атмосферы. Поверхность звезды была сильно пересеченной. Цепи вулканических

хребтов обрисовывали сплошную густую сетку. Повсюду находилось множество ущелий и гребней, множество древних тупых вершин, сотни вулканов — действующих, едва курящихся или вовсе потухших.

Герсен навел сетку телескопа на короткий резкий пик, находящийся точно на линии между днем и ночью. Он, казалось, не двигался и не изменял своего положения относительно терминатора — планета, по-видимому, была обращена к своему патрону всегда одной и той же стороной. В этом случае логово Даске должно находиться обязательно на обращенной к солнцу стороне, скорее всего поблизости от экватора, на долготе непосредственно под солнцем.

Кирт очень внимательно осмотрел этот район под большим увеличением. Пространство было довольно обширным: в нем было около десятка больших и малых вулканических кратеров.

Герсен наблюдал в течение часа. Уорвин, Келле и Деттерас, стоя, следили за ним, каждый по-своему проявляя нетерпение и язвительное неодобрение.

Герсен еще раз проверил логику своих рассуждений — все, казалось, хорошо состыковалось друг с другом. Красный карлик фигурировал на одной из самых засаленных страниц справочника, которым пользовался Даске. Его же, этот карлик, машина отыскала в пределах эллипсоида, указанного Герсеном, и у него имелся темный спутник.

Ошибки здесь никак не могло быть. По всей вероятности, кратер Даске следует искать где-то в теплых, хорошо освещаемых районах.

Внимание Кирта привлекла одна довольно странная информация — квадратное плато с пятью горными кряжами, сверху напоминающее растопыренную пятерню. В сознании всплыла фраза, прозвучавшая в устах карлика-инопланетянина в Авенте: «Ущелье Ногтя Большого Пальца». Под максимальным увеличением Герсен внимательно рассмотрел район, соответствующий этому ногтю. Определенно, там был небольшой кратер. Казалось, у него был несколько иной цвет, чем у других. И внизу были видны какие-то отблески света, неестественные для этой планеты.

Герсен уменьшил увеличение и внимательно изучил окрестности. Даже если Даске не был в состоянии обнаружить приближающиеся корабли на дальних орбитах, его радар способен засечь переход на орбиту для посадки. Если ему удастся опуститься как можно ближе к поверхности планеты на максимальном удалении от кратера Даске и затем, скрываясь за горизонтом, приблизиться позади плато, представлявшего из себя ладонь, то в этом случае он наверняка сможет застигнуть Даске врасплох.

Кирт ввел необходимую информацию в бортовой компьютер и включил автопилот. Корабль сделал разворот и стал постепенно снижаться.

Келле, казавшийся не в состоянии побороть любопытство, спросил

— Так что же, вы нашли то что искали?

— Полагаю, что да, — кивнул Герсен, — хотя я не могу сказать этого со стопроцентной уверенностью.

— Если вы будете настолько легкомысленным, что позволите убить себя, — сказал Келле, — то этим вы поставите нас в крайне затруднительное положение.

Герсен кивнул.

— По сути это именно то, что я хотел вам втолковать несколько ранее. Я уверен, что вы поможете мне, по крайней мере, своим невмешательством.

Корабль сел на обнаженный бурый выступ в четверти мили от гряды невысоких темных холмов. Камни уступа, казалось, были сложены из кирпича. Поверхность окружающей равнины напоминала высохшую, коричневую грязь. Над головой висел огромный диск красного солнца. Слабый ветерок гнал маленькие пыльные вихри по равнине, засыпая голубовато-зеленым песком разбросанные по ней крупные валуны.

— Я думаю, что с вашей стороны было бы честнее оставить свои записи здесь, — задумчиво произнес Деттерас. — С какой стати вы хотите подвергнуть и нас опасности?

— В мои планы не входит собственная смерть, мистер Деттерас.

— Ваши планы могут оказаться ошибочными.

— Если это произойдет, то ваши хлопоты по сравнению с моими неприятностями будут совершенно пустяковыми. Вы позволите мне взять свое оружие?

Сейф был открыт, и, пока Герсен доставал свое оружие, все трое напряженно следили за ним. Он еще раз обвел взглядом лица всех троих. В мозгу одного из них вынашивались кошмарные планы. Останется ли он равнодушным свидетелем действий Герсена? Кирт хотел надеяться на это. Предположим, что он ошибся, что это не планета Даске, и Малагате знает об этом. Пусть, наконец, Малагате интуитивно подозревает истинные намерения Герсена. В этом случае он мог с готовностью пожертвовать своими надеждами на овладение планетой Тихальта ради того, чтобы бросить Герсена здесь, на этой потухшей звезде. Чтобы предотвратить это, Герсен должен кое-что предпринять. Было бы глупо с его стороны не сделать этого. Он вошел внутрь двигательного отсека и вынул из реактора одну небольшую, но жизненно необходимую деталь, такую, которую заново можно было изготовить, лишь проявив немалое искусство и терпение. Он сунул ее в свою сумку на поясе, туда же, где хранились и записи. Уорвин, стоявший на пороге отсека, все это видел, но ничего не сказал.

Герсен облачился в скафандр и покинул корабль. Открыв передний люк, он опустил с помощью лебедки небольшую летающую платформу, загрузил ее запасным скафандром и несколькими кислородными баллонами и без дальнейших проволочек взял курс на Ущелье, летя почти у самой поверхности.

Пейзаж был необычен даже для тех, кто привык к ландшафтам чужих планет: черная губчатая поверхность с различными оттенками шоколадного, бурого и серого цветов, испещренная вулканическими конусами и невысокими уродливыми черными холмами. Покров мог быть веществом звездного происхождения — застывшей лавой после того, как угас огонь звезды, — либо осадочными отложениями, захваченными ею из окружающего космического пространства. Скорее всего были верны оба предположения.

Герсен подумал, что причиной ощущения сказочности и нереальности всего происходящего является сознание того, что он передвигается по поверхности звезды, пусть даже теперь и угасшей. Разреженная атмосфера способствовала абсолютной ясности видения. Горизонт был далеким, разворачивавшаяся перед ним панорама казалась бесконечной. Над головой тускло рдел шар красного карлика, занимая добрую восьмую часть небосклона.

Вздыбленные скалы переходили в плато, составляющее ладонь кисти. Это было гигантским скоплением лавы. Герсен свернул направо. Далеко впереди была видна гряда холмов, пересекающая поверхность, подобно спине чудовищного окаменевшего трицератопса. Это и был «Большой Палец», в конце которого возвышался кратер Даске. Герсен почти прижался к земле, стараясь максимально использовать складки местности для того, чтобы не быть преждевременно обнаруженным. Поворачивая то в одну, то в другую стороны, он старался в то же время не удаляться от стены плато и таким образом постепенно приблизился к гряде заостренных черных вершин. Медленно и осторожно он стал подниматься по крутому склону, и в разреженной атмосфере звезды грохот турбин двигателя казался слабым урчанием.

Даске мог, конечно, расположить детекторы вдоль этих склонов, но, поразмыслив, Герсен отбросил такую возможность. Это было маловероятно. Такая осторожность для Даске была излишней. Зачем нападать с земли, когда намного проще произвести торпедную атаку сверху?

Герсен взобрался на гребень. В двух милях отсюда виднелся вулкан, который, как он надеялся, был убежищем Даске. С другой стороны гряды, на равнине, которая, казалось, уходила в бесконечную даль, он увидел то, что вызвало слезы радости на его глазах, — небольшой космический корабль! Его гипотеза подтвердилась! Это и было, вне всяких сомнений, Ущелье Ногтя Большого Пальца. Здесь он наконец-то найдет Хильдемара Даске и за все с ним рассчитается! Но тут ли Паллис Атроуд?

Кирт посадил платформу и дальше пошел пешком, стараясь обходить места, где могли быть смонтированы детек-

торы, хотя и сознавал, что такая предосторожность с его стороны не более, чем формальность. Добравшись до края кратера, он увидел сетчатый купол, сооруженный из тонких проводов и прозрачной пленки, удерживаемой в надутом состоянии благодаря давлению воздуха изнутри. Кратер был небольшим, около пятидесяти метров в диаметре и практически цилиндрической формы. Его стены были образованы из испещренного бороздами вулканического стекла. Пленочный купол перекрывал его из конца в конец.

На дне Даске сделал легкомысленную попытку создать некоторое подобие искусственного ландшафта. Здесь был пруд, заполненный какой-то черной жидкостью, рядом — группа пальм и заросли выющихся кустарников.

В самом центре кратера стояла клетка, в которой сидел какой-то обнаженный человек: высокий, изможденный, у него было мертвенно-бледное искаженное лицо, на его сторбленном теле были видны сотни шрамов и рубцов. Герсен вспомнил рассказ Сутиро о том, как Даске лишился глазных век. Взглянув вниз еще раз, он вспомнил фотографии в гостиниой Красавчика — на них был изображен именно этот пленник.

Герсен внимательно осмотрел все закоулки кратера. Внизу под ним находился шатер из черной ткани, а также несколько соединенных между собой палаток. Хильдемара Даске нигде не было видно. Входом в кратер, по-видимому, служил тоннель, пробитый через стену вулкана.

Кирт осторожно обошел кратер, время от времени поглядывая вниз на склон вулкана. Во всех направлениях до самого горизонта простиралась буровато-черная пористая равнина. Неподалеку стоял корабль, который казался игрушечным, благодаря кристальной прозрачности атмосферы.

Герсен снова сосредоточил свое внимание на куполе. Он сделал ножом небольшой надрез в пленке и расположился неподалеку в ожидании.

Прошло около десяти минут, прежде чем падение давления вызвало срабатывание предупредительной сигнализации. Из одной палатки выскочил Красавчик, и при виде его Герсена обуял восторг дикаря. На Даске были свободные

белые панталоны и ничего больше. На его свежескрашенном светло-пурпурном туловище перекачивались мощные мускулы. Он запрокинул вверх свое ярко-красное лицо с голубыми щеками, на котором ярко сверкали два огромных глазных яблока без век.

Пока Даске шел по дну кратера, пленник внутри клетки внимательно следил за ним. Затем Хильдемар Даске исчез из виду.

Герсен притаился в расщелине. Вскоре Даске появился на равнине, одетый в скафандр, с чемоданом в руке. Упругой, непринужденной походкой он взобрался на стену кратера недалеко от Герсена.

Поставив чемодан, он извлек оттуда энергет и обвел лучом радиации поверхность купола. Воздух, который просачивался через надрез, вспыхнул желтым цветом. Даске подошел к отверстию и склонился над ним. В этот момент Герсен почувствовал, что Даске начал подозревать что-то неладное.

Красавчик выпрямился и стал внимательно осматриваться кругом. Герсен прижался к стене расщелины, моля Бога, чтобы Даске его не заметил.

Когда он снова выглянул, Даске уже заделывал надрез с помощью цемента и полосы новой пленки. Вся операция заняла у него не больше минуты. Затем он спрятал в чемодан оставшуюся пленку и энергет, выпрямился, еще раз внимательно оглядел склоны вулкана и прилегающую к нему равнину. Удостоверившись, очевидно, в необоснованности своих подозрений, он двинулся вниз по склону. Герсен вышел из своего убежища и последовал за ним, остав не более чем на полсотни метров.

Спускаясь по склону, Даске перепрыгивал со скалы на скалу, не удосуживаясь обернуться назад — до тех пор, пока мимо него не пролетел камень, выскочивший из-под ноги Герсена. Даске остановился и резко обернулся. Но Герсен уже не был в поле его зрения, вовремя спрятавшись за выступ скалы, едва сдерживая при этом безумное ликование.

Даске двинулся дальше. Герсен последовал за ним, но на этот раз уже гораздо ближе к нему. У подножия склона

какой-то звук, скорее, просто вибрация, встревожил Даске. Он еще раз обернулся, поднял взгляд на склон и в это мгновение увидел несущегося на него Герсена. Кирт расхохотался, увидев, как от неожиданности отвалилась вниз челюсть Даске. Размахнувшись, он нанес такой удар, от которого Красавчика перевернуло. Его тело прокатилось несколько метров, но затем Даске поднялся и бросился к шлюзу своего купола. Герсен поднял энергомет и выстрелил в его бедро. Даске снова упал.

Герсен схватил его за ноги, втащил в шлюз и захлопнул за собой наружную дверь. Даске брыкался и старался вырваться. Его красно-голубое лицо было искажено гримасой ярости. Кирт поднял энергомет, но Даске попытался выбить оружие из его рук. Герсен снова выстрелил, поразив и вторую ногу бандита. Теперь тот лежал неподвижно, визжа, как кабан на бойне. С помощью мотка веревки, припасенного на этот случай, Герсен связал ноги пленника. Затем он осторожно схватил его правую руку и выкрутил ее назад. Даске вынужден был перевернуться лицом вниз. Вскоре, после некоторой борьбы, Герсен связал ему руки за спиной. Механизмы шлюза автоматически наполнили его воздухом, и, как только загорелась красная сигнальная лампочка, Герсен отбросил передний прозрачный щиток на шлеме Даске.

— Мы возобновили наше знакомство, — произнес он убеждающим, почтительным тоном.

Даске ничего не ответил.

Герсен выволок его из шлюза и бросил на дно кратера. Узник в клетке подпрыгнул, прижался к прутьям и посмотрел на Герсена так, будто перед ним явился архангел с крыльями, трубой и нимбом.

Герсен проверил прочность пут Даске и бросился в палатку с энергометом наперевес на случай неожиданного появления прислуги или сообщника Красавчика. Пленник смотрел ему вслед ошеломленным, недоумевающим взглядом.

Паллис Атроуд лежала бесформенной массой под грязной простыней, прижавшись лицом к стене. В палатке больше никого не было. Герсен дотронулся до ее плеча и

завороженно увидел, как съежилась ее плоть. Его торжество смешалось с ужасом, в результате его охватило головокружительное ощущение, словно всего его выворачивает наизнанку с усилием, которое он прежде даже не мог себе представить.

— Паллис, — прошептал он. — Паллис, это я, Кирт Герсен!

Слова дошли до нее, хотя и были едва слышны. Она съежилась и еще теснее прижалась к стене. Разведчик перевернул ее на спину. Она лежала, закрыв глаза. Лицо ее, некогда веселое, дерзкое и очаровательное, теперь было бесцветным и суровым.

— Паллис, — взывал к ней Герсен, — открой глаза! Это я, Кирт. Теперь тебе больше ничто не угрожает!

Девушка слабо покачала головой, продолжала туго сжимать веки. Герсен повернулся и направился к двери. Там он оглянулся. Глаза ее были широко раскрыты, и с изумлением смотрели на него. Но встретившись с ним взглядом, она мгновенно зажмурилась.

Герсен оставил ее в покое. Он обследовал весь кратер и убедился, что больше здесь ничего интересного нет. Только после этого он вернулся к Даске.

— Уютное гнездышко ты оборудовал здесь, Даске, — сказал он фамильярно. — Правда, его было нелегко найти, когда твоим друзьям захотелось к тебе в гости.

— Как это ты нашел меня? — прохрипел Даске. — Об этом месте никому не известно.

— Кроме твоего босса!

— Он тоже не знает.

— А как же ты думаешь, я нашел его?

Даске промолчал. Герсен подошел к клетке и открыл ее дверцу, жестом предлагая узнику выйти. Тот, хромая и спотыкаясь, выбрался наружу.

— Кто вы? — спросил он.

— Какое это имеет значение? Вы свободны.

— Свободен? — человек с трудом двигал челюстями, произнося эти слова, а затем повернулся к Даске.

— А что будет с ним?

— Я скоро убью его.

— Это, наверное, сон, — слабо вымолвил человек.

Герсен вернулся в палатку и обнаружил, что Паллис уже сидит на постели, завернувшись в простыню. Увидев Герсена, она встала и тут же свалилась, потеряв сознание. Герсен поднял ее и вынес на дно кратера. Бывший узник стоял, глядя на Даске с почтительного расстояния.

— Как вас зовут? — обратился к нему Герсен.

Человек моментально смутился. Он напряг брови, как бы силясь вспомнить.

— Робин Рампольд, — сказал он наконец тихо. — А вы? Вы ему враг?

— Я его палач! Я его бог мщения!

— Это чудо! — взорвался Рампольд. — Прошло уже так много лет, что я не помню, как все это началось...

По щекам его потекли слезы. Он заглянул в клетку, обошел ее вокруг и снова посмотрел на Герсена.

— Я хорошо знаю это место. Каждую трещину, каждую расщелину, каждое вкрапление или окисел металла, — голос его ослаб. Неожиданно он спросил:

— Какой сейчас год?

— 1524-й.

Рампольд, казалось, съжился и стал меньше.

— Я и не думал, что прошло столько лет. Я так много позабыл, — он поднял голову, глядя на купол. — Здесь нет ни дня, ни ночи — ничего, кроме этого красного солнца. Когда он уходит отсюда, пленник кивнул на лежащего Даске, — здесь останавливается время... Семнадцать лет я находился в этой клетке. И вот теперь я свободен. — Он подошел к Даске и стал, глядя на него сверху. Герсен последовал за ним.

— Когда-то, давным-давно, мы были совершенно другими людьми. И я как-то проучил его. Я заставил его страдать. Память об этом — единственное, что поддерживало меня, что сохранило мне жизнь за это время.

Даске тихо рассмеялся.

— Я отыскал способ, как отплатить тебе, — он посмотрел на Герсена. — Лучше убей меня, пока у тебя есть такая

возможность, а не то, клянусь, что ты не будешь жильцом на этом свете, — Красавчик снова тихо рассмеялся.

Герсен задумался. Несомненно, Даске должен умереть. Когда настанет этот час, у него не будет ни малейших угрызений совести. Но под красным лбом скрывались столь нужные Герсену знания. Как извлечь их оттуда? Попытками? Герсен подозревал, что Даске будет хохотать, пусть даже у него будут отрывать одну за другой каждую конечность. Обманом? Коварной обходительностью? Кирт задумчиво посмотрел на низкое красно-голубое лицо подлеца. Но у того не дрогнул ни один мускул.

Герсен повернулся к Рампольду.

— Вы смогли бы управиться с кораблем Даске?

Рампольд печально покачал головой.

— В таком случае вам придется пойти со мной...

— А что же с ним? — дрожащим голосом спросил Рампольд.

— Со временем я убью его.

— Отдайте его мне, — тихо произнес Рампольд.

— Нет.

Герсен снова задумался о Даске. Каким-то образом он должен содействовать опознанию Малагате. Прямой вопрос будет не просто бесполезным, он может только навредить.

— Даске, — спросил он, — почему ты привез сюда Паллис Атроуд?

— Она была слишком красива, чтобы убить ее сразу, — беззаботно ухмыльнулся Красавчик.

— Но почему же все-таки ее нужно было убивать?

— Мне доставляет огромное наслаждение убивать красивых.

Герсен покачал головой. Вероятно, Даске пытается спровоцировать его.

— Ты еще можешь покаяться в своих грехах.

— Кто тебя послал сюда? — спросил Хильдемар Даске, оскалив зубы.

— Тот, кто тебя отлично знает.

Даске медленно покачал головой.

— Знает только один, но он никогда бы не послал тебя!

«Пожалуй, его нелегко обмануть, — подумал Герсен, — что ж, придется его забрать с собой на корабль. Там, несомненно, каким-то образом я сумею правильно отреагировать на сложившуюся ситуацию».

Существовала, правда, еще одна проблема. Он не отважился оставлять Робина Рампольда наедине с Даске, даже на то время, которое необходимо было для перегонки платформы. Рампольд может убить Даске. Либо Даске может приказать Рампольду освободить его. После семнадцати лет деградации Рампольд, возможно, находится под полным контролем Даске и подчинится ему. А Паллис Атроуд? Что с ней делать?

Он повернулся к палатке и увидел, что она стоит у двери, завернувшись в простыню, глядя на него широко раскрытыми глазами. Он приблизился к ней — она отпрянула. Герсен не был уверен, узнала ли она его.

— Паллис... я — Кирт Герсен.

Она утрюмо кивнула.

— Я знаю. — Она взглянула на распростертое тело Хильдемара Даске. — Вы связали его? — изумилась она.

— Это самое легкое из того, что его еще ждет.

Она недоверчиво посмотрела на него, и Герсен понял, что не может постичь ее мыслей.

— Вы... вы ему не приятель?

Новый, уже совершенно другой приступ слабости охватил Кирта.

— Нет! Я ему не друг. Конечно же, нет. Откуда вы это взяли?

— Он говорил... говорил это... — она растерянно посмотрела на Даске.

— Не верьте ничему из того, что он болтал, — Герсен посмотрел на ее лицо, думая, до какой степени она в замешательстве и шоке. — У вас... у вас все в порядке?

Она отвела глаза.

Герсен нежно сказал:

— Я отвезу вас назад в Авенту. Вы теперь в безопасности.

Она отчужденно кивнула. Если бы она могла проявить хоть какое-нибудь чувство. Облегчение, слезы, пусть даже упреки!

Герсен вздохнул и отвернулся. Проблема все еще заключалась в том, как их всех препроводить к платформе. Он не осмеливался оставить ни Паллис, ни Рампольда наедине с Даске. Он слишком долго наслаждался своим господством над ними.

Герсен закрыл передний щиток на шлеме Даске и поволок его через туннель на равнину, откуда двое оставшихся внутри не могли его видеть.

Турбины взревели на полную мощность, и перегруженная платформа начала медленно огибать плато, вздымая клубы пыли, которая в разреженной атмосфере опадала удивительно быстро. Впереди над линией горизонта отчетливо выделялись контуры корабля. Герсен посадил платформу как можно ближе к выходу и, не выпуская оружия из рук, взобрался по приставной лестнице. Находившийся внутри корабля Аттель Малагате наблюдал за его посадкой и видел привезенный им груз. Малагате не мог знать того, что сказал Даске Герсену. Он должен был быть охвачен нерешительностью. Даске же, который наверняка узнал корабль, должен был многое подозревать, но то, что Малагате на борту, должно было оказаться для него неожиданностью.

Дверь воздушного шлюза с глухим стуком открылась, включились насосы, и вскоре отворилась внутренняя дверь.

Герсен вошел в салон. Уорвин, Келле и Деттерас сидели в разных углах каюты и хмуро смотрели на Кирта. Ни один из них не двинулся ему навстречу.

Герсен снял шлем.

— Ну, вот я и вернулся.

— Это мы видим, — сказал Деттерас.

— Вылазка оказалась удачной, — продолжал Кирт. — Я привел с собой пленника — Хильдемара Даске. Должен предупредить вас, этот человек — жестокий убийца. Он доведен до отчаяния. И я намерен содержать его под строгим контролем. Я прошу, чтобы никто из вас не вмешивался и не предпринимал в отношении этого человека никаких дейст-

вий. Двое других людей, которых я привез с собой, это человек, которого Даске держал в клетке в течение семнадцати лет, и молодая женщина, которую Даске похитил совсем недавно и чей разум вследствие этого, возможно, помутился. Его пленник, Робин Рампольд, без сомнения, будет счастлив устроиться на диване в салоне.

— Наше путешествие становится весьма странным, — заметил Уорвин.

Деттерас нетерпеливо встал.

— Зачем вы притащили сюда этого Даске? Меня удивляет, что вы не убили его.

— Считайте меня брезгливым, если вам так хочется.

Деттерас сердито рассмеялся.

— Так что же, двинемся дальше. Нам не терпится завершить эту поездку как можно скорее.

Герсен провел на корабль Рампольда и Паллис, затем подогнал платформу под лебедку и поднял ее вместе с Даске в грузовой отсек, где снял с его головы шлем. Даске молча смотрел на него.

— Возможно, дружок, здесь на борту ты узнаешь кое-кого, — сказал Кирт. — Ты понимаешь, что ему не хочется, чтобы его личность стала известна двум его коллегам, поскольку это расстроило бы его планы. Ты поступишь умно, если будешь держать язык за зубами.

Даске промолчал. Герсен принял дополнительные меры предосторожности. Он прикрепил концы длинного толстого троса к противоположным стенам отсека, в середине его сделал петлю, которой он туго обтянул шею Даске, после чего натянул концы троса. Таким образом, Даске мог находиться теперь только в центре отсека, не имея возможности двинуться ни вправо, ни влево. Каждый из закрепленных концов каната находился вне пределов его досягаемости, на расстоянии метров трех от него. Даже если бы ему удалось освободить руки, он все равно не смог бы освободиться. Только после этого Кирт разрезал путы, которыми Даске был связан. Даске тотчас рванулся вперед. Но Герсен увернулся и с размаху ударил его по голове рукояткой энергомета — Даске повис на тросе без сознания.

Герсен снял с него скафандр и обыскал карманы брюк. Потом еще раз проверил надежность крепления троса и вернулся в салон, заперев дверь грузового отсека за собой.

Когда он вошел в каюту, Рампольд уже снял с себя скафандр и тихо сидел, забившись в угол. Деттерас снял скафандр с Паллис Атроуд и помог ей одеть свои запасные вещи. Теперь она сидела у стенки салона и пила кофе. У нее было бледное, осунувшееся лицо и задумчивый взгляд. Келле неодобрительно посмотрел на Герсена.

— Это мисс Атроуд — секретарша нашего факультета. Какое вы имеете к ней отношение?

— Ответ предельно прост, — ответил Герсен. — Я встретил ее во время моего первого посещения университета и пригласил провести со мной вечер. Хильдемар Даске по злому умыслу, то ли просто по злобе оглушил меня и похитил ее. Я все время чувствовал, что моя обязанность — спасти ее; и сейчас я очень счастлив, выполнив это.

Келле слегка улыбнулся.

— Я полагаю, что нам не следует упрекать вас за это.

— Мы теперь, вероятно, сможем направиться к нашей первоначальной цели? — спросил Уорвин.

— Именно это я и намеревался вам предложить.

— Ну что ж, тогда я предлагаю приступить к этому немедленно.

— Да, да, — проворчал Деттерас, — чем быстрее мы разделаемся с этим фантастическим путешествием, тем лучше!

ГЛАВА 20

Потухшая звезда и ее милый красный попутчик исчезли из виду. В грузовом отсеке Хильдемар Даске, придя в себя, обрушил поток грязных ругательств на Герсена и с безумной яростью стал испытывать прочность своих оков. Он вырывался и извивался в своем хомуте, пока не сорвал всю кожу с пальцев. Он до тех пор дергал за стальные жилы троса, пока не обломал все ногти. Затем он применил другой метод. Ударяясь телом об пол, раскачиваясь из стороны в сторону, он пытался вырвать трос из скоб, которые его удерживали. Сначала из правой, затем из левой. Единственное, что ему удалось, — это покрыть шею кровоподтеками. Удостоверившись в собственной беспомощности, несмотря на то, что руки и ноги его были свободны, он обмяк и задышал часто и тяжело — в его мозгу сверлило одно: как это Герсену удалось отыскать потухшую звезду? Ни одна живая душа не знала о ее местонахождении, кроме него самого и, конечно, Малагате. Даске старался припомнить все случаи, когда он обманывал или не подчинялся Демону и в недоумении силился понять, какой же из этих Schlusschaeв привел его к такому финалу.

Герсен все это время сидел на диване в салоне, погруженный в раздумья. Трое работников университета, — один из которых даже не был человеком, — держались вместе по-

дальше от него. Келле учтивый, утонченный, хрупкого телосложения; Уорвин — тоже учтивый, но учтиво-надменный, мрачный; Детгерас — могучий, неутомимый, легко поддающийся переменам настроения. Герсен следил за подозреваемым, исследуя каждый его поступок, слово или жест в поисках подтверждения или какого-нибудь знака, который бы дал ему абсолютную уверенность, столь ему необходимую.

Паллис Атроуд сидела неподалеку от него, погруженная в собственные мысли. Время от времени ее лицо искажалось, пальцы вонзались в ладони. Глядя на нее, у него не оставалось сомнений в том, что Хильдемара Даске необходимо уничтожить. Робин Рампольд равнодушно перебирал карточки микрофильмов, потирая свой длинный костлявый подбородок. Он повернулся и взглянул на Герсена по-волчьи, боком пересек салон и вежливо, казалось даже, подобострастно, спросил:

— Он... он еще жив?

— Пока да.

Рампольд остановился в нерешительности, открыл было рот, но снова закрыл его. В конце концов он все же робко спросил:

— Что вы намереваетесь с ним делать?

— Не знаю, — пожал плечами Герсен, — но вообще-то я хочу воспользоваться им.

Рампольд сразу же стал серьезным и тихо, чтобы его не могли подслушать остальные, спросил:

— А почему бы не отдать его мне на попечение? Это облегчило бы вам охрану и уход за ним.

— Нет, — ответил Кирт, — думаю, что нет.

Лицо Рампольда еще больше осунулось, тень отчаяния легла на его многочисленные морщины.

— Но ведь я... должен...

— Что вы должны?

— Вам этого не понять... В течение семнадцати лет... — он не мог подобрать нужных слов и в конце концов пробормотал: — Он был центром моего существования. Он был как бы моим

личным богом. Он давал мне пищу и воду — и мучал меня. Однажды он привез мне котенка, прелестного черного котенка. Он наблюдал, как я его гладил, милостиво улыбаясь. На этот раз я расстроил его планы. Я сразу же убил маленькое создание. Потому что догадался о намерениях своего мучителя. Он хотел выждать, пока я не полюблю животное, а потом он убил бы его — при этом долго мучая, на моих глазах. И это тоже было частью его возмездия.

Герсен глубоко вздохнул.

— У него была слишком большая власть над вами. Я не могу доверить его вам.

В глазах Рампольда показались слезы. Он бессвязно заговорил:

— Это очень страшно. Своих чувств я не могу выразить словами. Они все больше овладевают мною и становятся все более нежными. Сахар может быть таким сладким, что покажется на вкус горьким, таким кислым, что на вкус покажется соленым... Да уж, я бы позаботился о нем, не щадя сил, я бы посвятил ему всю жизнь. У меня ничего нет, но я заплачу вам сторицей, если вы только...

Герсен покачал головой.

— Об этом не может быть и речи.

Рампольд тягостно вздохнул и отправился в другой конец салона.

Внимание Герсена опять обратилось на Деттераса, Келле и Уорвина, которые продолжали какой-то бессмысленный разговор. Очевидно, они пришли к молчаливому соглашению — не проявлять какого-либо интереса к новым пассажирам. Герсен кисло усмехнулся. Малагате была далеко не безразличной встреча с Хильдемаром Даске. У Красавчика был далеко не самый кроткий характер. В запале он мог вполне сболтнуть лишнее. Малагате определенно попытался бы несколькими тихими словами предупредить его и рассеять все подозрения или... может быть, попытается каким-нибудь образом убрать такого ненужного свидетеля.

Положение было нестабильным. Раньше или позже оно должно было взорваться. Герсен стал обыгрывать возможности ускорения этого взрыва. Что, если привести Даске в салон... или, может быть, привести Деттераса, Келле, Уорвина в грузовой салон? Вот только представился бы благоприятный случай.

Оружие по-прежнему было при нем. Университетская троица, по-видимому, поверила в его добрые намерения и не требовала, чтобы он вернул энергомет на место. Удивительно, подумал Герсен, даже у Малагате нет причин подозревать, что Герсен подкапывается именно под него. Заподозри он что-либо, и он, возможно, под предлогом любопытства, поищет удобный случай взглянуть на Даске.

Бдительность и еще раз бдительность, думал Герсен. Может быть, Робин Рампольд станет полезным союзником в сложившейся ситуации? Независимо оттого, какие сдвиги произошли в его психике за семнадцать лет заточения в клетке, он будет не меньше, чем сам Герсен, начеку в отношении всего, что касается Хильдемара Даске.

Герсен встал и пошел в хвостовую часть, мимо двигательного отделения в грузовой отсек. Даске посмотрел на него, в его взгляде не было и следа стойческой покорности. Герсен заметил, что пальцы Даске кровоточат, и поставил свой энергомет на полку, чтобы исключить возможность вырвать его. Он подошел поближе, чтобы проверить прочность уз Даске, но тот выбросил ногу вперед, и Герсену пришлось отбросить его сильным боковым ударом в ухо. Кирт убедился, что хомут, надетый на шею Даске, достаточно надежен, и отступил за пределы его досягаемости.

— Похоже на то, — сказал он, — что неприятностей у тебя становится все больше.

Даске плюнул в него. Герсен отошел еще дальше.

— У тебя не то положение для такой агрессивности, — покачал он головой.

— Ха! — воскликнул Даске. — А что еще ты можешь сделать мне? Думаешь, я боюсь смерти? Я живу сейчас только потому, что питаюсь ненавистью!

— Рампольд умолял, чтобы я поручил тебя ему.

Даске презрительно усмехнулся.

— Он так боится меня, что готов пресмыкаться перед тобой.

— Интересно, сколько времени уйдет у него на то, чтобы сделать такого слизняка из тебя?

Даске еще раз плюнул и сказал:

— Скажи, как тебе удалось отыскать мою звезду?

— У меня была информация.

— От кого?

— Какое это имеет значение? — Герсен пожал плечами. Он решил заронить сомнение в сознание Даске. — У тебя уже никогда не будет возможности отомстить ему за это.

Даске скорчил отвратительную гримасу.

— Кто-то на борту этого корабля, да?

Герсен помолчал. Отступил в тень. Он стал наблюдать за Даске, который мог с полной уверенностью подозревать, что Малагате находится на борту.

Кирт стал обдумывать вопросы, с помощью которых рассчитывал выудить у Даске имя Малагате. Но все они казались либо слишком грубыми, либо очень трудными для разумения. Могло даже случиться так, что Даске догадается, что Герсену нужна информация, и это насторожит его.

— Подойди поближе. Ты же сам сказал, что я беспомощен и весь в твоей власти. Мне необходимо узнать, кто предал меня.

— Кто же это, как ты думаешь, может быть?

Даске искренне ухмыльнулся.

— Врагов у меня хоть отбавляй. Например, этот, с Саркоя. Это он?

— Сутиро мертв.

— Мертв?!

— Он помог тебе похитить девушку, и я отравил его.

— Тьфу! — сплонул Даске. — Всюду женщины. Зачем все это? Я отдам вам половину своего состояния и еще четверть, если вы скажете, кто предал меня!

— Во всяком случае, не Сутиро с Саркоя.

— Тристано? Конечно же, не он. Откуда ему знать.

— Когда я повстречался с Тристано, ему было не до разговоров.

— Так кто же?

— Что ж, я скажу. А почему бы и нет? Один из администраторов Приморского университета сообщил мне кое-что! А я уж сделал необходимые выводы.

Даске искоса взглянул на Герсена — и в его взгляде было и сомнение, и подозрение.

— Зачем ему это было нужно? — пробормотал он. — Что-то здесь не то...

— Ты знаешь, о ком я говорю? — с надеждой воскликнул Герсен, полагая, что застигнутый врасплох Даске не выдержит и скажет то что нужно.

Но Красавчик уже тупо смотрел себе под ноги. Герсен забрал энергомет и вышел.

Возвратясь в салон, он увидел, что положение осталось прежним. Пригласив Робина Рампольда следовать за собой, Кирт прошел в двигательный отсек.

— Вы просили, чтобы я перепоручил вам Даске.

— Конечно, — весь дрожа от возбуждения, сказал Рампольд.

— Я не могу этого сделать, но мне нужна ваша помощь для его охраны.

— О, я так вам благодарен!

— Учтите, что Даске хитер и коварен. Вы ни в коем случае не должны входить в грузовой отсек!

Рампольд разочарованно сморщился.

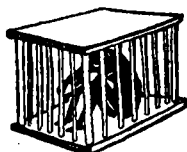
— Столь же важно, чтобы вы не позволили никому подойти близко к отсеку, где он содержится. Помните, что эти люди — кивок головы в сторону салона — враги Даске и они вполне могут убить его.

— Нет, нет! — воскликнул Рампольд. — Даске ни в коем случае не должен умереть!

Герсену пришла в голову новая идея. Малагате распорядился убить Паллис Атроуд из страха, что она произвольно может как-то разоблачить его личность. В своем теперешнем состоянии она не представляла из себя угрозы, тем не менее она могла прийти в себя. Малагате с удовольствием прикончил бы ее, если бы только мог сделать это без риска для себя. Поэтому Герсен предупредил Рампольда, чтобы он также охранял Паллис Атроуд и следил за тем, чтобы ее никто не тревожил.

Рампольд без особого энтузиазма ответил:

— Я сделаю все, о чем вы просите.

ГЛАВА 21

Данные, содержащиеся в записях, произведенных монитором Луту Тихальта, поступили в компьютер, который присовокупил их к уравнениям, описывавшим прежнее положение корабля, и отдал команду автопилоту.

Шло время. Жизнь внутри корабля вошла в определенную колею. Герсен с помощью Робина Рампольда охранял грузовой отсек. В течение первых нескольких дней Хильдемар Даске проявлял бесстыдную шутливость, чередовавшуюся с угрозами скорого отмщения от рук своего патрона, личность которого он с таким упорством отказывался раскрыть.

— Спросите Рампольда, о чем он думает, — говорил Даске, и злоба свернула в его ярко-голубых, лишенных век глазах. — Вы хотите, чтобы это произошло и с вами?

— Нет, — отвечал Герсен. — Я не думаю, что это может случиться.

Время от времени Даске начинал требовать, чтобы Герсен отвечал на его вопросы.

— Куда вы меня везете? — часто спрашивал он. — Назад на Альфанор?

— Нет.

— А куда же?

— Увидишь.

— Отвечай мне или. — Даске нетерпеливо выругался, — или я сделаю с тобой такое, что хуже не придумаешь!

— Мы все же решились на твою поимку, хотя моему другу хорошо известна твоя мстительность.

— Мы? — тихо спросил Даске, — кто же это «мы»?

— Можно подумать, что ты не догадываешься?

— Почему же он сюда не заходит? Скажи ему, что я хотел бы с ним поговорить.

— Он может прийти сюда в любой момент, когда пожелает.

В этом месте Даске всегда замолкал. Никакие уколы, подстрекательства и уловки Герсена не могли заставить Даске произнести необходимое имя. Да и все три сотрудника Университета находились в состоянии полного равнодушия по отношению к Даске. Что же касается Паллис Атроуд, то ее отрешенность сначала была очень глубокой. Она часами сидела, глядя на мерцающие звезды. Ела она медленно, нерешительно, без всякого аппетита. Часами спала, свернувшись калачиком. Затем постепенно она стала воспринимать окружающее, и временами в ней проскальзывало что-то от прежней беззаботной Паллис.

Предельная перенаселенность корабля не давала Герсену переговорить с ней наедине, но это, по его мнению, вовсе не портило дела. Ситуация, когда в грузовом отсеке находился Даске, а в одной из передних кают Аттель Малагате, была и без того до крайности напряженной.

А время все шло. Корабль пересекал новые районы Галактики, районы, где не бывал еще ни один человек, кроме, пожалуй, Луго Тихальта. Куда ни кинь взгляд, повсюду висели тысячи, миллионы звезд — струящихся, сверкающих, мерцающих, беззвучно перекрывающих одна другую, — и у большинства из них были планеты, населенные неизвестно кем. Каждая планета манила к себе, каждая была искушением, загадкой, каждая обещала невиданные прежде зрелища, неведомые доселе знания, невысказанные красоты.

И вот наконец корабль оказался в непосредственной близости от теплой бело-золотой звезды. Огни на панели монитора замигали попеременно то зеленым, то красным цветом.

Автопилот резко снизил расход энергии, расщепление стало прекращаться. Корабль безмятежно скользил к звезде, как лодка в тихом пруду.

Три планеты обращались вокруг звезды. Одна была ближе других, маленькая, оранжевая, поверхность ее оказалась покрытой дымящимся пеплом. Другая находилась на дальней орбите — суровое, страшное царство метана и аммиака. Третья, искрящаяся зеленью, голубизной и белизной, помещалась совсем рядом с кораблем.

Отбросив на время антагонизмы, Герсен, Уорвин, Деттерас и Келле теснились возле телескопа. Планета казалась прекрасной даже с высоты. У нее была плотная влажная атмосфера, обширные полноводные океаны, четко выраженные материи.

Герсен первым оторвался от экрана. Именно теперь от него требовалась особая бдительность. Вторым рядом с ним стоял Уорвин.

— Я полностью удовлетворен. Планета бесподобна. Мистер Герсен не обманул нас.

Келле удивленно посмотрел на него.

— Вы думаете, что нам нет необходимости совершать посадку?

— Совершенно верно. Но если вы желаете... — он пересек салон и остановился рядом с полкой, под которой Сутиро прикрепил выключатель. Герсен напрягся. Значит, это Уорвин! Но почетный ректор постоял несколько мгновений, а затем прошел и сел в одно из кресел.

Герсен испустил вздох разочарования. Конечно же, время еще не пришло. Для того чтобы использовать газ, Малагате должен был каким-то образом обезопасить себя от его воздействия.

— Я абсолютно уверен, что нам следует приземлиться, — сказал Келле. — Чтобы, по меньшей мере, произвести биометрические испытания. Несмотря на всю свою привлекательность, планета может оказаться совершенно негостеприимной.

— Это не так просто, — с сомнением в голосе сказал Деттерас. — Не забывайте, что у нас на борту пленник, боль-

ная и пассажир. И чем скорее мы окажемся на Альфаноре, тем будет лучше!

Келле огрызнулся так резко, как еще не приходилось слышать Герсену.

— Вы говорите, как болван! Прodelать такой путь, чтобы показать задницу и вернуться домой? Мы обязательно должны приземлиться. Хотя бы для того, чтобы погулять минут пять по этой планете!

— Да, — уныло согласился Деттерас, — несомненно, вы правы!

— Очень хорошо, — вмешался в перепалку Уорвин, — значит, спускаемся.

Герсен молча переключил автопилот в режим автоматической посадки. Стали отчетливо видны зеленые мирные леса, гряды невысоких холмов, цепь озер к северу, хребет покрытых снегом вершин к югу. Корабль опустился на поверхность, рев двигателей смолк. Под опорами ракеты наконец-то была твердая земля. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только тиканием автоматического анализатора наружной сферы, на панели которого вскоре зажглись три зеленых огонька, что означало полный оптимум.

Давление выровнялось очень быстро. Герсен и трое спутников одели легкие комбинезоны, натерли руки и лица антиаллергеном, приспособили ингаляторы, предотвращающие попадание в организм бактерий и спор.

Паллис Атроуд смотрела в иллюминатор с невинным интересом. Робин Рампольд стал бочком пробираться к хвостовому отсеку. Сейчас он походил на исхудавшую старую крысу, которая делала пробные движения, будто хотела выйти из норы, но никак не решалась.

Забортный воздух заполнил корабль — свежий, влажный, чистый. Герсен подошел к выходу, распахнул дверь и сделал вежливый, хотя немного иронический жест, произнося:

— Джентльмены, вот ваша планета!

Уорвин первым сошел на поверхность. Деттерас сразу же за ним, чуть поотстал от них Келле. Герсен не торопясь последовал за ними.

Монитор посадил их в пункте, отстоявшем от места посадки Луто Тихальта не более чем на сто метров. Герсен подумал, что пейзаж планеты еще более обворожителен, чем он представлял себе по фотоснимкам. Воздух освежал прохладой, в нем чувствовался запах свежей травы. С другой стороны долины, за высокими деревьями, возвышались холмы, массивные, покатые, с обнаженными серыми скалами, промежутки между ними были заполнены кустарником. Еще выше простиралось огромное облако в форме замка со многими башнями — яркое, белое в лучах полуденного светила.

На другом берегу реки, сразу же за лугом, Герсен увидел то, что казалось порослью цветущих растений, на самом же деле это были, он точно знал, дриады. Они стояли на опушке леса, покачиваясь на своих гибких серых конечностях, движения их были непринужденны и грациозны.

«Без всякого сомнения, это удивительные создания, — подумал Герсен, — но в них есть что-то странное». Это было превратное суждение — но почему-то оно возникло! На своей же планете ее жители казались чуждыми своему окружению. Они оставались какими-то экзотическими элементами на лике столь дорогом и возлюбленном... Почему? Может быть, из-за того, что эта планета была так похожа на Землю?

Герсен не чувствовал сознательной привязанности к Земле. Но все же это космическое тело чертовски смахивало на родную планету человечества, вернее, каким-то образом оказалось не подверженным нашествию многочисленных поколений людей. Этот мир был девственным, нетронутым, не поддавшимся изменениям. Если бы не дриады, это вполне могла бы быть Старая Земля, Земля Золотого Века, Земля Естественного Человека...

Герсен ощутил небольшое радостное потрясение нахлынувшего на него озарения. Вот в чем заключалось очарование этой планеты — в ее почти полной тождественности тому окружению, в котором росло и развивалось человечество! На Старой Земле, должно быть, было немало вот таких веселых долин. Радость от таких пейзажей глубоко проникала в

структуру человеческой психики. Были в Ойкумене и другие планеты, приятные и удобные для жизни, но ни одна из них не была похожа на Старую Землю — отчий дом человечества. «По сути, — размышлял Герсен, — вот здесь я и хотел бы построить себе небольшой домик со старомодным садиком, фруктовыми деревьями на лугу, лодкой, привязанной к берегу реки». Мечты, праздные стремления к недостижимому... Но эти мечты и острая тоска должны были волновать любого человека! Еще одна мысль пришла ему в голову, и он стал пристально наблюдать за своими противниками.

Урвин стоял на берегу, хмуро глядя на воду. Почувствовав взгляд Герсена, он обернулся и подозрительно посмотрел на него. Кирт быстро отвел глаза и посмотрел на другого своего попутчика.

Келле стоял у зарослей папоротника, достигавшего ему до плеч, и смотрел вдаль на кучевые облака и темнеющий на горизонте лес, который рос по обеим сторонам долины и вдавливался в туманной дымке.

Деттерас медленно прогуливался по лугу, заложив руки за спину. Вот он наклонился, сгреб горсть земли, измельчил ее пальцами и понюхал. Затем, растопырив пальцы, он с интересом смотрел, как земля просеивается сквозь них. Затем он повернулся и начал наблюдать за дриадами. То же самое сделал и Келле.

Люди-растения, медленно передвигаясь на своих гибких ногах, вышли из тени и направились к небольшому пруду. Их ветви с листьями сияли голубым и красным, медно-желтыми и пурпурно-золотыми цветами. Были ли они разумными существами?

Герсен снова принялся следить за тремя учеными. Келле смотрел на дриад, не скрывая своего восхищения. Деттерас неожиданно приложил пальцы ко рту и издал пронзительный свист, на который дриады, казалось, не обратили никакого внимания.

Послышался какой-то шум со стороны корабля. Герсен повернулся и увидел, что с трапа спускается Паллис Атроуд. Она подняла руки, прикрывая глаза от яркого солнца, и

глубоко дышала, как бы упиваясь чистотой и свежестью воздуха.

— Какая прелестная долина! — прошептала она. — О, Кирт, как здесь хорошо!

Она медленно побрела в сторону от корабля, часто останавливаясь и в восхищении всплескивая руками.

Неожиданно Герсен повернулся и бросился к трапу. Рампольд! Где Рампольд? Кирт проскочил салон и метнулся в грузовой отсек. Рампольд был уже там. Герсен осторожно приблизился и стал прислушиваться.

Послышался грубый, хриплый голос Даске, полный омерзительного ликования.

— Рампольд, делай то, что я скажу, ты слышишь меня?

— Да, Хильдемар.

— Тогда иди к переборке и отвяжи трос. Да побыстрее!

Герсен занял позицию, из которой мог, будучи незамеченным, наблюдать за тем, что происходит в отсеке. Рампольд стоял не далее чем в полутора метрах от Даске и пристально всматривался в его красное лицо.

— Ты слышишь меня, болван? Быстрее, или я навлеку на тебя такую беду, что ты проклянешь тот день, когда родился.

Рампольд тихонько рассмеялся.

— Хильдемар, я просил тебя у Кирта Герсена. Я сказал ему, что буду заботиться о тебе, как о собственном сыне. Я буду кормить тебя самой изысканной пищей, давать тебе самое лучшее вино, самые лучшие сласти... Я не думаю, что он мне откажет, если я его хорошенько попрошу. Я постараюсь объяснить ему, что этим и только этим я доставлю себе то огромное удовольствие, о котором мечтал в течение всех семнадцати лет заточения. Но если он все же мне откажет, то мне придется ограничиться всего лишь тем, что я избыю тебя до смерти. Это — первая представившаяся мне возможность.

Герсен вышел из укрытия.

— Извините, Робин, за вмешательство.

Рампольд издал нечеловеческий вопль, полный отчаяния, и выбежал из отсека. Герсен последовал за ним. В двигательном отсеке он зарядил свой энергомет, сунул его в кобуру и

вернулся в грузовое отделение. Даске оскалил зубы, как дикий зверь.

— Рампольду не терпится, — сказал Герсен и, подойдя к переборке, начал отвязывать трос.

— Что вы намерены делать? — спросил Даска.

— По полученному приказу тебя следует казнить.

— Какому приказу? — Даске широко раскрыл глаза.

— Болван, — рассмеялся Герсен. — Ты что, не догадываешься что происходит? Теперь я занял твое прежнее место у патрона.

С одной стороны трос уже был отвязан, и Герсен пересек отсек, направляясь к другому его концу.

— Не двигайся, если не хочешь, чтобы я сломал тебе ногу, сквозь зубы процедил он, заметив неопределенное движение Даске.

Через мгновение был отвязан и второй конец троса.

— Теперь встань ровно. Медленно иди вперед и спускайся по трапу, но не вздумай шалить, пристрелю.

Даске медленно выпрямился. Герсен ткнул его энергометом.

— Живее!

— Куда это мы?..

— Не все ли тебе равно. Пошевеливайся!

Даске медленно повернулся и, волоча за собой два длинных конца троса, двинулся вперед — через двигательный отсек в салон и оттуда к выходу. Здесь он остановился в нерешительности и взглянул через плечо.

— Иди, иди, — сказал Герсен.

Даске стал спускаться по трапу. Герсен, следуя сразу же за ним, поскользнулся на волочащемся куске металла и упал на землю лицом вниз. Даске издал дикий гортанный торжествующий крик, прыгнул на него сверху, схватил энергомет и отскочил в сторону.

Герсен медленно поднялся и попятился назад.

— Стой там, — приказал Даске. — Вот теперь ты и попался мне.

Он осторожно осмотрелся вокруг. В пятнадцати метрах сбоку от него стояли Уорвин и Деттерас, чуть поодаль Келле.

Рампольд прижался к корпусу корабля. Даске потряс энергометом.

— А ну, все встаньте вместе, пока я не решу, что с вами делать. Рампольд, старый хрыч, уже, пожалуй, настало твое время подыхать. Ну и твое, Герсен, естественно, тоже, — он взглянул в сторону университетской троицы. — Ты тоже можешь считать себя мертвецом, — сказал он одному из них. — Ты нечестно повел себя по отношению ко мне.

— Ты не сможешь достичь всего того, чего так страстно желаешь, — спокойно заметил Герсен.

— Как это? У меня оружие! Трое из присутствующих сейчас умрут. Ты, старый хрыч Рампольд и вонючка Малагате.

— В оружии всего один заряд, — усмехнулся Герсен. — Ты можешь убить только одного из нас, а затем станешь жертвой остальных.

Даске быстро взглянул на индикатор количества зарядов и хрипло рассмеялся.

— Что ж, быть посему. Кто хочет умереть? Или, вернее, кого я хочу убить? — Он по очереди стал вглядываться в лица предполагаемых жертв. — Старина Рампольд, от тебя я уже получил все свои удовольствия! Ты, Герсен? Да, мне очень бы хотелось тебя прикончить раскаленным добела утюгом прямо по уху! Наконец, Малагате. Ну и хитрый же ты пес! Ты предал меня! Я даже не знаю, какую игру ты затеял. Зачем ты затащил меня сюда? И ты хотел моей смерти, пусть даже руками Герсена? Ну что ж, готовься!

Он поднял энергомет, прицелился и нажал спуск. Энергия стрелой вылетела из дула, но не ослепительно-голубая вспышка, а всего лишь слабая, бледная, шипящая искра. Она ударила Урвина и повергла наземь. Герсен бросился к Даске. Тот уклонился от схватки, швырнул энергомет в голову Герсена, повернулся и бросился бежать. Герсен поймал оружие, открыл его и вложил свежий аккумулятор.

Он медленно подошел к Урвину, который, шатаясь, пытался подняться. Деттерас набросился на Кирта.

— Каким надо быть олухом, чтобы позволить такому человеку завладеть вашим оружием!

Келле заговорил подавленным голосом:

— Но зачем же ему понадобилось стрелять в Джайла Уорвина? Он что, маньяк?

— Я предлагаю вам вернуться на корабль, где мистер Уорвин сможет хорошенько отдохнуть, — сказал Герсен. — В оружии был единственный слабый заряд, но он, несомненно, причинил адскую боль.

Деттерас неодобрительно буркнул что-то и повернулся к трапу. Келле взял Уорвина под руку, но тот страхнул ее и быстро поднялся наверх. За ним начали подниматься Деттерас, Келле и последним Герсен.

— Сейчас вам лучше? — спросил Кирт у Уорвина, входя в салон.

— Да. — холодно ответил тот, разваливаясь в кресле. — Но я согласен с Деттерасом, — вы вели себя откровенно глупо.

— Я не уверен в этом, — как можно безразличнее произнес Герсен. — Все это было мной заранее подстроено.

— Как? Нарочно? — Деттерас тупо вытаращил на Кирта глаза.

— Да, я разрядил энергомет и настроил его так, чтобы он не смог причинить большого вреда, я сделал так, что Даске смог схватить его, я сообщил ему, что остался всего один заряд, — и все это для того, чтобы он подтвердил мои догадки относительно личности Аттеля Малагате.

— Аттеля Малагате? — Келле и Деттерас непонимающе посмотрели на него, Уорвин прищурился.

— Да, Малагате-Горе. Я уже давно слежу за мистером Уорвином, чувствуя, что правильное было бы звать его «Малагате».

— Но это же чистойшей воды безумие, — воскликнул Деттерас. Вы это серьезно?

— Конечно, серьезно. Из вас троих кто-то обязательно должен быть Малагате! И я выбрал Уорвина.

— Ну и ну! — произнес Уорвин. — И можно спросить почему?

— Конечно, прежде всего я отбросил Деттераса. Он человек уродливый. Звездные Короли более щепетильны в отношении своей физиономии.

— Звездные Короли? — взорвался Деттерас. — Кто? Уорвин? Какая чепуха!

— Кроме того, Деттерас — любитель поесть, в то время как Звездные Короли относятся с отвращением к человеческой пище. Что же касается мистера Келле, я также решил, что он не годится в кандидаты. Невысокий, толстый — словом, не та фактура для Звездного Короля.

Лицо Уорвина исказилось в ледяной усмешке.

— Вы намекаете на то, что приятная внешность гарантирует развращенность характера?

— Нет. Я имею в виду, что Звездные Короли редко покидают свою планету, если они не в состоянии успешно конкурировать с настоящими людьми. И наконец, еще два пункта. Первое, Келле женат и имеет, по меньшей мере, одну дочь. Второе, Келле и Деттерас сделали законную карьеру в Университете. Вы же — почетный ректор; для того чтобы получить эту должность, насколько я помню, вам пришлось всего лишь сделать крупный взнос.

— Это безумие! — опять завопил Деттерас. — Как можно представить Уорвина в качестве Малагате-Горе? И к тому же еще и Звездным Королем? Да это же бред!

— Но это факт, — покачал головой Герсен.

— И что же вы предлагаете сейчас делать?

— Убить его.

Деттерас уставился на Герсена и через секунду бросился на него. Обхватив Кирта руками за талию, он торжествующе зарычал. Герсен изогнулся, проскользнул под его локтем и ударил рукояткой энергомета. Деттерас отпрянул назад.

— Мне необходимо сотрудничество, ваше и мистера Келле, — спокойно заявил Кирт и посмотрел в глаза Деттераса.

— Что? Сотрудничество? С кем? С фанатиком и сумасшедшим? Никогда!

— Уорвин часто и надолго покидал Университет. Я прав? И один из таких периодов его отсутствия был совсем недавно. Верно?

— Я ничего не скажу об этом, — Деттерас вызывающе выставил вперед челюсть.

— Да, это правда, — натянуто произнес Келле. Он искоса взглянул на Уорвина, а затем снова уставился на Герсена. — Я полагаю, что у вас есть веские основания для таких обвинений?

— Конечно.

— Я хотел бы выслушать хотя бы некоторые из них.

— Это долгая история. Будет вполне достаточно, если я скажу, что выследил Малагате в Приморском университете и ограничил круг возможных претендентов вами тремя. Я почти с самого начала подозревал Уорвина, но твердой уверенности у меня все же не было, пока все вы трое не вступили на эту планету.

— Это похоже на фокус, — устало вздохнул Уорвин.

— Данная планета напоминает Землю, такую Землю, которая не известна никому из ныне живущих. Землю, которая в таком виде не существует уже 10 000 лет. Келле и Деттерас были очарованы. Келле упивался зрелищем, Деттерас почти-тельно шупал почву под ногами. Уорвин же пошел смотреть на воду. Звездные Короли произошли от земноводных, которые обитали в сырых местах. И тут появились дриады. Уорвин восхищался ими, рассматривая их как украшение планеты. Что же касается Келле, Деттераса и меня самого — то они нам казались чем-то чужеродным. Деттерас им свистнул. Келле — хмуро их разглядывал. Мы, люди, не желали иметь столь фантастических созданий в таком милом нашему сердцу мире. Но все это — построения умозрительные. После того как мне удалось поймать Хильдемара Даске, я потратил много времени на то, чтобы убедить его в том, что его предал Малагате. Когда я ему предоставил шанс, он указал на Уорвина — с помощью энергомета.

Уорвин с сомнением покачал головой.

— Я отрицаю все ваши голословные заявления, — он с упреком посмотрел на Келле. — И вы верите этому проходившему?

Келле поджал губы.

— К черту, Джайл. Я пришел к выводу, что Герсен человек вполне компетентный. Я не верю в то, что он фанатик или сумасшедший. Мне кажется, что он вполне отвечает за свои слова.

— А вы, Рандл? — Уорвин обратился к Деттерасу.

— Я — рационалист, — произнес Деттерас, закатывая глаза. — Я не могу полагаться на слепую веру в вас, в Герсена или в кого-то еще. Герсен доказал свою точку зрения и, как бы это ни было поразительно, факты пока на его стороне. Вы можете доказать обратное? Попробуйте!

Уорвин задумался.

— Думаю, что я смогу переубедить вас, — произнес он задумчиво и встал.

Он подошел к шкафу, достал оттуда какую-то вещь и двинулся в сторону, к полке, под которой Сутиро смонтировал выключатель. В руке его был ингалятор, который он твердо сжимал в руках. Он прижал ингалятор ко рту и прикоснулся к выключателю. На пульте управления, в носовой части, включилась звуковая сигнализация загрязнения воздуха.

Уорвин недоуменно раскрыл глаза.

— Если вы вернете выключатель в исходное положение, — сказал Герсен, — этот звук прекратится.

Уорвин ошеломленно сунул руку под полку и выключил сигнализацию.

Герсен повернулся к Келле и Деттерасу.

— Уорвин сейчас столь же изумлен, как и вы. Он думал, что открывает вентили резервуаров с парализующим газом, которые вы можете обнаружить под диванами. Именно поэтому он использовал ингалятор. Я выпустил содержимое баллонов и изменил функцию выключателя.

Келле заглянул под диван и извлек оттуда пустую канистру. Он с интересом взглянул на нее, а потом на Уорвина.

— Так что же, Джайл?

Уорвин отшвырнул ингалятор и с омерзением отвернулся. Деттерас вдруг взвыл:

— Эй, Уорвин! А ну-ка, выкладывай все начистоту!

Уорвин, не оборачиваясь, произнес:

— Вы слышали от Герсена чистую правду.

— Так, значит, вы — Малагате? — сказал Деттерас, понижая голос.

— Да! — Уорвин повернулся, выпрямляясь во весь свой рост. В его черных глазах загорелся огонь. — Да. Я — Звездный Король. Существо, стоящее выше людей!

— Но человек все же победил вас, — заметил Келле.

Глаза Уорвина загорелись еще ярче. Он повернулся к Герсену.

— Я любопытен. Вы искали Малагате еще до встречи с Луто Тихальтом? Почему?

— Малагате — один из пяти Демонов Тьмы. Я надеюсь покончить с каждым из них!

— И какие же намерения у вас в отношении меня?

— Вы их уже слышали. Но могу повторить еще раз: вас ожидает смерть.

Уорвин на мгновение задумался.

— Вы — человек честолюбивый, — сказал он бесстрастным тоном. — Таких, как вы, немного.

— Немногие, конечно, спаслись после рейда ваших кораблей на Маун-Плазент. Мой дед был одним из спасшихся, я — вторым.

— Ну и ну! — пробормотал Уорвин. — Все стало на свои места. Так это рейд на Маун-Плазент? Но это же было так давно!

— Какое странное путешествие! — сказал Келле. — Но зато мы все-таки достигли официальной цели поездки. Планета существует, она именно такова, как ее описал мистер Герсен, и деньги, переведенные на депонент, становятся, таким образом, его собственностью.

— Но только тогда, когда мы вернемся на Альфанор, — проворчал Деттерас.

Герсен обратился к Уорвину.

— Вы изо всех сил старались заполучить эту планету. Меня очень интересует, зачем вам это было нужно?

Уорвин неопределенно пожал плечами.

— Человек мог пожелать поселиться здесь, — продолжал Герсен, — ну, построить здесь дворец. Но зачем же Звездному Королю все это?

— Вы совершаете широко распространенную ошибку. Люди — существа все-таки очень ограниченные. Вы забываете, что индивидуальные отличия существуют не только у вас самих, но и у других разумных рас. Некоторые из них даже отказываются от свободы родных планет. Они становятся ренегатами — они не люди, но вместе с тем не принадлежат более и своему народу. Обитатели Ггнарумена — он довольно легко выкашливал это трудное для человеческой гортани слово — такие же благонравные граждане, как и большинство законопослушных жителей Ойкумены. Короче говоря — карьера Малагате совсем не то, к чему стремится рядовой обитатель Ггнарумена. В этом они могут быть правы, а может быть, и нет. Организация собственного стиля жизни — личное дело каждого. Как вы знаете, среди Звездных Королей сильно развит дух соперничества.

Эта планета людям кажется прекрасной. Я тоже нахожу ее достаточно привлекательной. Я намеревался перевезти сюда своих соплеменников, дать им возможность жить на планете более прекрасной, чем Земля и основать здесь новую расу, которая превосходила бы как человеческую, так и жителей старого Ггнарумена. Такой была моя мечта, которой вам не понять, потому что не может быть взаимопонимания между вашей расой и моей в этом вопросе. И последнее, — он повернулся к Герсену. — Вы, кажется, собираетесь меня убить? Так вот, у вас ничего не получится!

С этими словами он в два прыжка очутился у выхода. Деттерас рванулся за ним, помешав Герсену пустить свой энергомет в ход. Уорвин обернулся и с размаху ударил Деттераса в живот ногой, тот упал, загородив собой проход.

Пока Герсен пробирался к входной двери, Звездный Король был уже на земле и бежал вниз по склону. Герсен прицелился и послал снап энергии вслед согнувшейся фигуре, но безрезультатно. Он соскочил с трапа и пустился в погоню. Уорвин добрался до дуга, в нерешительности остановился у

реки, посмотрел на Герсена и снова побежал по долине вниз по течению. Герсен поднялся чуть выше по склону, где грунт был более твердым, и начал настигать Уорвина, который забрел в болото. Заметив это, Звездный Король снова подошел к берегу реки и заколебался. Если он бросится в воду, то Герсен его настигнет, прежде чем он доберется до противоположного берега. Он посмотрел через плечо — и его лицо уже не было лицом человека. Герсен даже удивился, как мог он так долго дурачить других людей. Уорвин повернулся, издал неразборчивый гортанный крик, стал на колени и исчез.

Герсен подошел к этому месту и обнаружил отверстие берлоги диаметром в добрых полметра. Он нагнулся, заглянул внутрь, но ничего не обнаружил.

Тяжело дыша, к нему подбежали Келле и Деттерас.

— Где он?

Герсен указал на нору.

— Согласно наблюдениям Луто Тихальта, под болотом живут большие белые черви.

— Гм... м, — промычал Деттерас. — Его предки жили в болотах и, похоже, точно в таких же дырах. Думаю, что лучшего убежища ему и не нужно было искать.

— Он вынужден будет выйти наружу, — сказал Келле, — для того чтобы есть и пить.

— В этом я не уверен. Звездные Короли терпеть не могут нашей еды. Люди находят стол Звездных Королей в равной степени отвратительным. Мы сеем растения и разводим скот. Они делают то же самое с насекомыми и червями. Уорвина вполне устроит то, что он найдет под землей.

Герсен взглянул на верхнюю часть долины, туда, куда убежал Хильдемар Даске.

— Я потерял обоих... Я намеревался пожертвовать Даске, чтобы достать Малагате, но обоих...

Все трое стояли на берегу реки. Легкий ветерок поднял рябь на ее поверхности, шелестел в ветвях могучих темных деревьев, которые росли у подножия холмов. Племя дриад,

которые брели по противоположному берегу, повернуло на людей свои зеленые глаза-пятна.

— Наверное, оставить их на этой планете — то же самое, что и убить их. Ничуть не хуже.

— По-моему, это еще более тяжелое наказание для них, — уверенно произнес Деттерас, — намного более тяжелое.

Они медленно вернулись к кораблю. Паллис Атроуд, сидевшая на траве, увидев Герсена, вскочила на ноги. Кажется, события последних минут всколыхнули ее. Она подошла к Герсену, взяла его руку, улыбнулась ему, глядя в глаза.

— Кирт, мне нравится здесь. А тебе?

— Да, Паллис, и очень.

— Только представь себе, — сказала она тихо, — прекрасный домик на холме. Разве это не было бы прекрасно, а, Кирт? Подумай! Подумай!

— Прежде всего нам надо вернуться на Альфанор. Там и поговорим о возвращении сюда.

— Очень хорошо, Кирт, — она замерла в нерешительности, затем посмотрела в его глаза. — Я все еще... все еще... интересна тебе? После всего того, что случилось?

— Конечно же! — воскликнул Герсен. Его глаза увлажнились. — Разве это твоя вина?

— Нет... Но у нас дома в Лантанге мужчины очень ревнивы.

Герсен не знал, что ответить. Он поцеловал ее в лоб, взял ее за плечи.

Раздался хриплый голос Деттераса.

— Ну что ж, Герсен, вы воспользовались мною и Келле из высшей степени рыцарских побуждений. Не скажу, чтобы это доставило мне особое удовольствие, но и для восхищения у меня есть основания.

Держась в тени корабля, к ним подошел Рампольд.

— Хильдемар сбежал, — сказал он скорбно. — Теперь он через горы доберется до города, и я никогда его больше не увижу.

— Он может перебраться через горы, — сказал Герсен, — но никакого города там нет. Он это знает и будет скрываться где-то поблизости.

— Мне это причиняет огромные страдания, — печально заметил Робин.

Герсен рассмеялся.

— Вы бы предпочли поменяться с ним местами?

— Нет. Конечно же, нет. Но тогда у меня были мечты. О том, что я сделаю, как только освобожусь. Семнадцать лет назад я был молод и у меня были свои планы. Теперь же на уме только одна мысль, но Хильдемар ускользнул.

И он безутешно пошел прочь. Через некоторое время Келле произнес:

— Как ученый я нахожу эту планету очаровательным местом. Как человека она меня пугает. Как Катте Келле, некогда сослуживец Джайла Уорвина, я нахожу ее чрезвычайно гнетущей. Я готов покинуть ее в любое время.

— Да, — угрюмо произнес Деттерас. — А почему бы и нет?

Герсен поднял свой взгляд на долину, где Хильдемар Даске, одетый только в грязные белые панталоны, рыщет по лесу, как затравленный зверь. Он взглянул на нижнюю часть долины, которая терялась среди подернутой дымкой равнины, затем на болотистый луг, под которым ползал Малагате. Потом он поднял глаза на Паллис Атроуд.

— Я не могу поверить, что это реально, — глубоко вздохнула она.

— Да, это все на самом деле, но это также и сон.

— Все остальное кажется сном, кошмарным сном.

— Сейчас он уже прошел. Как будто его никогда и не было.

— Я была... — она нахмурилась, стесняясь. — Я многого не помню.

— Ну и хорошо.

Паллис указала на луг.

— Смотри, Кирт, кто эти красивые создания?

— Дриады.

— Что они там делают?

— Похоже, что чем-то питаются. Луто Тихальт говорил, что они высасывают питательное вещество из крупных белых червей, прячущихся в норах под лугом. Или, может быть, они не едят сейчас, а откладывают яйца в почву, кто знает?

Дриады опять начали свое медленное движение вверх по склону, размахивая пышными ветвями, медленно покачиваясь на ветру. По болоту они стали передвигаться медленно, делая осторожные шаги. Одна из них остановилась и застыла на месте. Под ее ногой мелькнуло что-то белое — и скрытое ранее щупальце тотчас нырнуло в мягкую почву. Прошло несколько секунд. Внезапно почва вздыбилась и растрескалась, дриада перевернулась вверх тормашками. Из образовавшегося кратера, шатаясь, вылез Уорвин. Щупальце все еще торчало из его спины. Лицо его было выпачкано грязью, глаза выкатились из орбит, изо рта неслись ужасные вопли. Он затрясся, вскочил, с остервенением обрывая болтающиеся сзади остатки дриады, и вдруг дико метнулся вверх по склону. Шаги его стали слабеть. Он упал, схватился за землю, как будто пытался подмять ее под себя, несколько раз дернулся и затих.

Похоронили его на склоне холма. Вся группа вернулась на корабль. К Герсену робко подошел Робин Рампольд.

— Я решил остаться здесь.

Герсена, с одной стороны, удивило и ошеломило это заявление. Но с другой — это только подтверждало его мысли.

— Значит, — сказал медленно Кирт, — вы хотите жить на этой планете вместе с Хильдемаром Даске?

— Да!

— Вы знаете, что может произойти? Он может опять сделать вас своим рабом. Или убить, чтобы съесть, и я буду виноват в том, что оставил вас здесь.

Лицо Рампольда было непроницаемо.

— Может быть, все будет так, как вы говорите, но я не могу, не имею права оставить в одиночестве Хильдемара Даске!

— Подумайте хорошенько, — предложил Герсен. — Учтите, что здесь вы будете один. И он будет более жесток, чем прежде, после всего, что произошло.

— Я надеюсь, что вы оставите мне кое-что для жизни: оружие, лопату, немного пищи...

— А что вы будете делать, когда пища кончится?

— Я буду искать ее на этой планете: семена, рыбу, коренья, орехи. Они, конечно, могут быть ядовитыми, но я предварительно очень тщательно все проверю. А что еще остается делать?

Герсен покачал головой.

— Было бы лучше, если бы вы вернулись на Альфанор. Здесь Хильдемар Даске постарается отомстить вам за все, не забываяте этого!

— Я не могу отказаться от такого шанса, — упрямо гнул свою линию Робин Рампольд.

— Ну, как хотите!

Корабль поднялся над лугом, оставив внизу Рампольда со скудной грудой снаряжения. Планета стала зелено-голубой и вскоре совсем исчезла со смотровых экранов.

— Вот, джентльмены, вы и посетили планету Луго Тихальта, — Герсен утрумо обратился к Келле и Деттерасу.

— Да, — равнодушно отозвался Келле, — хоть и окольным путем, но вы выполнили условия нашего договора. Деньги теперь ваши.

Герсен покачал головой.

— Вот этого не нужно. Я предлагаю сохранить существование этой планеты в глубокой тайне, чтобы препятствовать ее осквернению. Как вы смотрите на это предложение?

— Очень хорошо, — кивнул Келле, — я согласен.

— Я тоже, — ответил Деттерас, — только при условии, что я смогу вернуться сюда в другой раз, при более спокойных обстоятельствах.

— И еще одно условие, — вставил Герсен. — Третья часть депонированного счета принадлежала Аттелю Малагате. Поэтому я предлагаю, чтобы эта сумма была переведена на счет мисс Атроуд в качестве некоторой компенсации за все

то зло, которое ей было причинено по приказу Малагате-Го-ре.

Ни Келле, ни Деттерас против такого предложения не протестовали. Паллис попробовала было искренне возражать, но затем неохотно согласилась и вскоре еще больше оживилась.

Оставшаяся далеко за кормой желтая звезда превратилась в крохотную искорку и вскоре вообще исчезла даже с экранов электронных телескопов.

Годом позже Кирт Герсен возвратился на планету Тихальта в своем старом космическом корабле модели 9В, но уже один.

Зависнув на орбите, он внимательно осмотрел долину через телескоп, но не обнаружил признаков человеческого обитания. Нельзя было забывать, что на планете остался энергомет и он вполне мог находиться в руках Красавчика.

Кирт дождался прихода ночи и посадил корабль на горный склон над долиной реки. Подошла к концу долгая тихая ночь. На заре Герсен отправился вниз, в долину, стараясь не выходить из-за прикрытия деревьев.

Где-то далеко впереди он внезапно услышал стук топора. Чрезвычайно осторожно он приблизился к источнику звука.

На опушке леса Робин Рампольд разрубал упавшее дерево. Герсен медленно подошел поближе. Лицо Рампольда округлилось, он выглядел загорелым, сильным, здоровым. Кирт окликнул его по имени, и Рампольд поднял голову, недоуменно глядя по сторонам.

— Кто это?

— Кирт Герсен.

— Выходите же, дорогой, нечего скрываться!

Герсен вышел на опушку, осторожно озираясь вокруг.

— Я боялся, что смогу натолкнуться на Хильдемара Даске.

— А... — засмеялся Рампольд. — Вам нет необходимости его бояться.

— Что? Он мертв?

— Нет. Он жив и здоров. Но живет сейчас в небольшом загончике, который я соорудил для него. С вашего разрешения, я не позволю вам взглянуть на него, так как загон этот находится в потайном месте, хорошо спрятанном от любого, кто может ненароком посетить эту планету.

— Ясно, — кивнул Герсен. — Значит, вы все-таки одоле-
ли этого негодяя.

— Конечно! А вы что, сомневались в этом? У меня было гораздо больше средств, чем у него. За ночь я выкопал яму и соорудил западню. Утром Хильдемарчик тайком подкрался, надеясь конфисковать мои запасы, но угодил в яму, и я пленил его. Теперь он стал уже совсем другим человеком. — Робин взглянул Герсену прямо в глаза. — Вы не одобряете этого?

Кирт пожал плечами.

— Я прибыл, чтобы забрать вас с собой в Ойкумену.

— Нет, — резко ответил Рампольд. — Я уже как-нибудь доживу свой век здесь, вместе с Хильдемарчиком. Это прекрасная планета, и она мне очень нравится. Я нашел здесь отличную пищу, которая нам обоим вполне подходит, к тому же я ежедневно показываю Хильдемарчику те фокусы, которым он сам научил меня за долгие семнадцать лет.

Они побрели по долине к месту предыдущей посадки.

— Здесь необычайно причудливая жизнь, — объяснял Рампольд. Каждая форма организмов без конца переходит в другую. Только деревья остаются без изменений.

— Это я уже знаю, — заметил Герсен, — от человека, который первый обнаружил эту планету.

— Идемте, я покажу вам могилу Уорвина!

Рампольд подвел Кирта к рощице из тонких белоствольных деревьев. Сбоку от них росло деревце, заметно отличающееся от других. Ствол его пронизывали пурпурные жилки, листья были плотными и темно-зелеными.

— Вот здесь и покоится Джайл Уорвин, — сказал Рампольд.

Герсен постоял немного, глядя на это удивительное деревце, затем повернулся и окинул взглядом долину. Все было в ней прекрасно и безмятежно, как и прежде.

— Что ж, тогда я отправляюсь в путь! Возможно, я уже никогда сюда не вернусь. Вы уверены, что хотите здесь остаться навсегда?

— Абсолютно! — Рампольд посмотрел в сторону солнца. — Вы уж извините, но я опаздываю. Хильдемарчик будет дожидаться меня. Жаль его разочаровывать. Я желаю вам на прощанье удачи.

Он поклонился, пересек поляну и исчез в лесу.

Герсен еще раз пробежал взглядом по долине. Эта планета уже не была девственной — она познала зло. Ощущение запятнанности окутывало теперь все, что видел Герсен. Он вздохнул, повернулся к могиле Уорвина, нагнулся, схватил за ствол дерева и вырвал его из земли. Разломив на куски и разбросав их в разные стороны, он повернулся и медленно побрел по склону к своему кораблю.

ДЖЕК ВЭНС

Дома Узма

Jack Vance

The Houses of Iszm

ГЛАВА 1

Было принято как само собой разумеющееся, что туристы прилетают на Исзм с единственной целью — украсть женскую особь дома. Космографы, студенты, богатые недоросли, негодяи всех сортов... Циничный критерий исзмийцев был для всех один, и все как один подвергались детальному обыску, вплоть до микроскопической инспекции мозга. Эту процедуру могло оправдать лишь то, что благодаря ей исзмийцы обнаружили огромное количество воров.

Издали казалось, что украсть дом не очень сложно. Семечко размером с ячменное зерно легко спрятать в поясе, можно поместить в ракетный снаряд и отправить в космос небольшой побег, можно завернуть в платок рассаду — подобных способов находились тысячи, все они испробовались и все окончились провалом. В результате вору-неудачнику оказывались в сумасшедшем доме и эскорт аборигенов оставался предельно вежлив с ними до конца. Будучи реалистами, исзмийцы сознавали, что придет день (год, век, эра) — и монополия рухнет. Но будучи фанатичными блюстителями монополии, они стремились отодвинуть этот день как можно дальше.

Эйли Фарр был высоким, худощавым мужчиной лет тридцати, с веселым жилистым лицом, большими ладонями

и ступнями. Его кожа, глаза и волосы имели один пыльный оттенок. И, что имело гораздо более важное значение для исмийцев, он был ботаником, то есть автоматически становился объектом для крайних подозрений.

Подозрительность, с которой он столкнулся, прибыв на атолл Джеспериано на борту ракеты «Юберт Хоноре» серии «Красный шар», была выдающейся даже для Исзма. Возле люка его встретили двое «сзекров», служащих элитарной полиции, проводили, словно арестованного, вниз по трапу и повели по необычному проходу, по которому идти можно было лишь в одну сторону. Из стен в направлении движения росли гибкие иглы, так что в проход можно было войти, но нельзя было передумать и вернуться. В конце пути коридор перекрывался прозрачным стеклянным щитом, и уже с этой точки Фарр не мог двинуться ни назад, ни вперед.

Исмиец со скрещенными лентами винно-красного и серого цветов вышел вперед и принялся изучать его через стекло. Фарр чувствовал себя как препарат под микроскопом. Недовольно отодвинув перегородку, служащий провел ботаника в маленький кабинет. Там, чувствуя за спиной взгляд сзекра, Фарр показал корабельную регистрационную карточку, справку о состоянии здоровья, заключение о благожелательном характере, а также прошение на въезд. Карточку клерк опустил в размягчитель, справку и заключение, внимательно рассмотрев, вернул Фарру, а сам уселся читать прошение.

Глаз исмийца, расчлененный на большие и малые сегменты, был приспособлен к двойной фокусировке. Читая его нижними секциями, клерк верхними внимательно разглядывал Фарра.

— Род занятий... — Он направил на Фарра обе пары секций сразу, затем опустил нижние и стал читать дальше: — ...исследовательские разработки. Место работы: Лос-Анджелесский университет. — Отложив бумагу в сторону, он спросил: — Могу я узнать о мотивах вашего прибытия на Исзм?

Терпение Фарра готово было лопнуть. Он указал на бумагу.

— Здесь они подробно изложены.

Клерк читал, не сводя с него глаз. Зачарованный такой ловкостью, Фарр, в свою очередь, не сводил глаз с исзмийца.

«Я провожу отпуск, — читал клерк. — Я посетил множество миров, где растения приносят людям пользу...», — он сфокусировал на Фарре обе секции. — Для чего вам это нужно? Считаете, что эта информация практически применима на Земле?

— Я заинтересован в непосредственных наблюдениях.

— С какой целью?

— Профессиональное любопытство, — пожал плечами Фарр.

— Надеюсь, вы ознакомились с нашими законами?

— А куда я мог деться? — раздраженно спросил Фарр. — Меня ими напичкали еще до того, как корабль покинул Стархольм.

— Вы понимаете, что никаких особых прав ни на полное, ни на частичное изучение вам не предоставят? Вы понимаете?

— Конечно.

— Наши правила строги, я должен это подчеркнуть. Многие посетители об этом забывают и навлекают на себя серьезное наказание.

— Ваши законы, — сказал Фарр, — я теперь знаю лучше, чем свои.

— Противозаконно выдергивать, отрывать, отрезать, присваивать, прятать или вывозить любую растительность, любой растительный фрагмент, семена, рассаду, побег или дерево, безразлично, где бы вы это ни нашли.

— Ничего противозаконного я не замышляю.

— Большинство посетителей говорят то же самое, — отозвался клерк. — Будьте любезны пройти в соседний кабинет и оставить там одежду и личные принадлежности. Перед отъездом их возвратят.

Фарр озадаченно взглянул на него.

— Но мои деньги, камера, мои...

— Вас снабдят местными эквивалентами.

Безропотно пройдя в белую эмалированную камеру, Фарр разделся. Сопровождающий упаковал одежду в стеклянную коробку и заметил, что Фарр забыл снять кольцо.

— Если бы у меня были вставные зубы, вы бы и их потребовали, — буркнул Фарр.

Исзмиец моментально обозрел прошение.

— Вы совершенно определенно заявили, что ваши челюсти естественны, и без сомнений, — верхние сегменты обличительно усталились на Фарра. — Или здесь допущена неточность?

— Нет, конечно, — возразил Фарр, — они естественны. Я всего лишь пытался пошутить.

Клерк что-то пробормотал в переговорное отверстие. Ботаника отвели в соседнюю комнату, и там его зубы подверглись самому тщательному досмотру. «Здесь, пожалуй, отучишься шутить, — сказал себе Фарр. — Чувство юмора у этих людей полностью отсутствует».

Наконец врачи, недовольно покачав головами, вернули Фарра на прежнее место, где его встретил фельдшер в тесной белой с серым форме. В руке он держал шприц для подкожных впрыскиваний.

Пациент отшатнулся.

— Что это?

— Безвредный радиант.

— Не нуждаюсь.

— Это необходимо для вашей же безопасности, — настаивал исзмиец. — Многие туристы нанимают лодки и пускаются в плавание. Случаются штормы, лодки сбиваются с курса, радиант укажет на главной панели ваше местонахождение.

— Я не хочу такой безопасности, — сказал Фарр. — Я не хочу быть лампочкой на панели.

— Тогда вы должны покинуть Исзм.

Фарр покорился мысленно, проклянув фельдшера за длину иглы и количество содержимого.

— А сейчас, будьте любезны, пройдите в соседнюю комнату для трехмерной съемки.

Ботаник пожал плечами и вошел в другую дверь.

— На серый диск, Фарр-сайнх. Ладони вперед, глаза шире.

Он стоял не двигаясь, пока по телу скользили плоские щупальца. В стеклянном куполе сформировалось его трехмерное изображение шести дюймов высотой. Фарр хмуро посмотрел на него.

— Благодарю, — сказал оператор. — Одежду и личные принадлежности вам выдадут в соседней комнате.

Гость облачился в обычный костюм туриста: мягкие белые брюки, смокинг в серую и зеленую полоску, просторный темно-зеленый вельветовый берет. Берет сразу же провалился на уши.

— А теперь я могу идти?

Сопровождающий смотрел в отверстие. Фарр заметил быстро мелькавшие буквы.

— Вы, Фарр-сайнх, ботаник-исследователь?

Это прозвучало так, словно он сказал: «Вы, Фарр-сайнх, легальный преступник?»

— Да, это я.

— Вас ожидают некоторые формальности.

Формальности заняли три часа. Фарр еще раз был представлен полицейскому, и тот его вновь тщательно допросил.

Наконец его выпустили. Молодой человек в желто-зеленой полосатой сзекровской форме проводил его до гондолы на берегу лагуны. Это было тонкое длинное судно, сделанное из одного стручка. Фарра посадили на скамью и переправили в город Джеспиано.

Так началось его первое знакомство с изсмийским городом, который оказался богаче, чем рисовало Фарру его воображение. Дома росли через неравные отрезки длины вдоль каналов и улиц. Их тяжелые шишковатые кривые стволы поддерживали нижние стручки, массив широких листьев и, наконец, верхние стручки, наполовину утопавшие в листе. Что-то мелькнуло в памяти ботаника, какое-то воспоминание. Та же пролиферация ветвей, стручки — точь-в-точь увеличенный спорангий. Та же криволинейная нестрогая симметрия. Те же характерные цвета: темно-синий на мерцающем сером фоне, пламенно-оранжевый с алым, доходящий местами до пурпурного, черно-зеленый, белый с розовым, слабо-коричневый и черный.

По улицам бродили жители Исзма — тихие бледные люди, надежно разделенные на гильдии и касты.

Гондола причалила. На берегу уже поджидал сзекр, видимо, нижний чин, в желтом берете с зелеными кисточками. Формального представления не последовало, но сзекры тихо обсудили персону Фарра между собой.

Фарр, не видя более причин задерживаться, двинулся к гостинице для космических туристов. Его никто не остановил. С этой минуты исследователь вновь стал вольной птицей, оставшись лишь объектом для слежки.

Почти неделю он отдыхал и слонялся по городу. Путешественников из внешних миров здесь было немного: руководство Исзма, не запрещая туризм полностью, чтобы не нарушать договора о доступности, тем не менее ухитрилось снизить его до минимума. Фарр зашел было к председателю «Совета по экспорту», надеясь взять у него интервью, но был вежливо и непреклонно выставлен секретарем, решившим, что инопланетянин намерен обсудить экспорт низкокачественных домов. Ничего иного Фарр и не ожидал. Он исходил все улицы вдоль и поперек, пересек на гондоле лагуну. И на него тратили время, по крайней мере, три сзекара; они теперь следовали за ним по улицам или, наблюдая, сидели в стручках на общественных террасах.

Однажды он прогуливался вокруг воды и оказался на дальней стороне острова, на песочно-каменистом участке, открытом всем ветрам и всей силе солнечных лучей. Здесь, в скромных стручковых зданиях, стоящих прямо на корнях и отделенных друг от друга полосками желтого песка, жили представители низших каст. Дома были нейтрально-зеленого цвета, а сверху пучок крупных листьев бросал на стручки черную тень.

Дома эти для экспорта не предназначались, и Фарр, человек с развитым социальным сознанием, был возмущен. Какой стыд!

Миллионы землян ютятся в подземельях, когда из ничего, из зернышка, можно построить целый жилой район! Фарр подошел к одному из домов, заглянул в низко висящий стручок. Ветка вдруг обрушилась, и не отскочи он вовремя, его бы искалечило. Все же упавший плод успел хлопнуть его по голове. Сзекр, стоящий в двадцати футах, медленно приблизился.

— Не советую досаждать деревьям.

— Я никому и ничем не досаждал.

Сзекр пожал плечами.

— Дерево думает по-другому. Оно приучено с подозрением относиться к чужим. Между низшими кастами, — сзекр презрительно сплюнул, — ссоры и вражда не прекращаются, и присутствие чужих дереву не по вкусу.

Фарр повернулся и с любопытством посмотрел на крепкий ствол.

— По-вашему, дерево обладает сознанием?

Сзекр неопределенно пожал плечами.

— Почему они не вывозятся? — спросил Фарр. — У вас был бы огромный рынок. Очень многие нуждаются в жилье, а такие дома были бы им по средствам.

— Вы сами и ответили, — сказал сзекр.

— Кто торгует на Земле?

— К. Пенче.

— Он богат?

— Исключительно.

— А был бы он так богат, если бы продавал дома наподобие этих?

— Возможно. Однако в любом случае выгоды нам не будет. Эти дома выращивать, воспитывать и перевозить не сложнее, чем дома класса АА, которыми мы торгуем, но и не проще. Советую впредь не подходить к кронам очень близко. Можете получить серьезные травмы. Дома не столь терпимы к посторонним, как их обитатели.

Фарр продолжал путь вокруг острова, мимо плодовых деревьев, сгибающихся под тяжестью фруктов, мимо приземистых кустарников, похожих на вековые растения Земли. Из центра этих ветвей росли кисти черных, как смоль, прутьев десяти футов высотой и диаметром не тоньше дюйма, гладких, лоснящихся, ровных. Когда Фарр подошел поближе, сзекр вмешался.

— Но ведь это же не дома-деревья, — запротестовал Фарр. Кроме того, я не собираюсь причинять им вреда. Меня, как ботаника, интересует необычная флора вообще.

— Все равно, — сказал лейтенант сзекров. — Ни растения, ни метод их выращивания вам не принадлежат и, следовательно, не должны вас интересовать.

— Исзмейцы, видимо, имеют плохое представление о профессиональном любопытстве, — заключил Фарр.

— Зато в качестве компенсации мы имеем хорошее представление о жадности, воровстве, присвоении и эксплуатации чужих идей.

Фарр не ответил и, улыбнувшись, пошел по берегу дальше, к многоцветным стручкам, ветвям и стволам города.

Один из этапов слежки привел Фарра в смущение. Он подошел к лейтенанту и указал на соглядателя, находящегося в нескольких ярдах.

— Почему он гримасничает? Я сажусь — он садится, я пью — он пьет, я чешу нос, и он чешет нос.

— Специальная методика, — пояснил сэкр. — Мы предугадываем ваши мысли.

— Не получится, — уверил исследователь.

Лейтенант кивнул.

— Фарр-сайнх, может быть, совершенно прав.

Фарр покровительственно улыбнулся.

— Вы что, всерьез думаете, что сможете угадать мои планы?

— Мы вправе поступать так, как нам кажется правильным.

— После обеда я собираюсь нанять морскую лодку. Вы в курсе?

Лейтенант вытащил бумагу.

— Чартер для вас готов. Это «Лхайз», и я нанял экипаж.

ГЛАВА 2

«Лхайз» оказался двухмачтовым барком в форме деревянного детского башмака, с пурпурными парусами и просторной каютой. Вместе с главной мачтой его вырастили на специальном корабельном дереве — носовая мачта в оригинале являлась черенком стручка. Остальные мачты, рангоут и такелаж программировали отдельно — процесс для изсмийцев столь же утомительный, как для земных инженеров-электронщиков — механическая работа.

«Лхайз» держал курс на запад. Атоллы выныривали над горизонтом и тонули за кормой. На некоторых из них находились небольшие безлюдные сады, другие были отданы разведению, посадке, почкованию, прививкам, сортировке, упаковке и отправке домов.

Как ботаника, Фарра очень интересовали плантации. Но при приближении к ним слежка усиливалась, превращаясь в досмотр за каждым его движением. На атолле Тжиери его раздражение возросло настолько, что он едва не сбежал от стражников. «Лхайз» причалил к волнолому, и пока двое матросов возились со швартовыми, а остальные убирали паруса и спускали снасти, Фарр легко спрыгнул с кормы на волнолом и направился к берегу. Со злорадством он услышал за спиной ропот недовольства; его охватило злобное веселье.

Перед ним раскинулся сплюснутый прибором берег; склоны базальтового кряжа утопали в зеленой, синей и черной растительности. Это была картина нерушимого мира и красоты. Фарр едва удержался, чтобы не броситься вперед и не скрыться среди листвы, но... Сзекры были хотя и обходительны, но быстры в обращении со спусковыми крючками.

От пристани к нему направлялся высокий стройный мужчина. Его тело и конечности опоясывали с интервалом в шесть дюймов синие ленты; между кольцами виднелась мертвенно-бледная кожа. Фарр замедлил шаг. Свобода закончилась.

Исзмиец поднял лорнет — стеклышко на эбонитовом стержне. Такую оптику носили представители высших каст, и она была столь же привычна, как собственные органы. Фарра лорнировали уже не раз, и не было еще случая, чтобы он при этом не взбесился. Как и у любого посетителя Исзма, как и у каждого туземца, у него не было выбора: ни укрыться, ни защититься он не мог. Теперь ему указали на его место и сделали доступным всем, кто хотел бы на него взглянуть.

— К вашим услугам, Фарр-сайнх, — исзмиец использовал язык, на котором говорят дети, прежде чем выучить речь своей касты.

— Жду вашей воли, — ответил исследователь стандартной фразой.

— Владельца пристани оповестили, чтобы он приготовился к встрече. Вы, кажется, чем-то обеспокоены?

— Мой приезд — невелика важность. Прошу вас не затрудняться.

— Друг-ученый вполне может рассчитывать на такую привилегию, — помахал лорнетом исзмиец.

— Это мой радиант вам сейчас сообщил, где я нахожусь? хмуро спросил Фарр.

Исзмиец обозрел сквозь стеклышко его правое плечо.

— Криминальных регистраций вы не имеете, интеллектуальный индекс 23, уровень настойчивости соответствует четвертому классу... Здесь есть и другая информация.

— И с кем же я имею честь говорить?

— Я себя зову Зхде Патас. Я достаточно удачлив, чтобы кое-что культивировать на этом атолле.

— Плантатор? — переспросил Фарр человека в голубую полоску.

— У нас будет о чем поговорить, — повертел лорнетом Здхе Патасз. — Надеюсь, вы у меня погостите.

Подошел самодовольный хозяин пристани. Здхе Патасз помахал лорнетом и удалился.

— Фарр-сайнх, — сказал владелец пристани, — вы серьезно намерены избавиться от гласного эскорта? Это глубоко печалит нас.

— Вы преувеличиваете.

— Вряд ли. Сюда, сайнх!

Он промаршировал по цементному скату в широкую канаву. Фарр плелся позади, и столь неторопливо, что хозяину пристани приходилось через каждые сто футов останавливаться и дожидаться его. Канавка уводила под базальтовую гряду, где превращалась в подземный ход. Четыре раза хозяин пристани отодвигал панели зеркального стекла, и четырежды двери закрывались за ними. Фарр понимал, что как раз сейчас всевозможные экраны слежения, зонды, детекторы, анализаторы изучают его, устанавливают излучение, массу и содержание металлов. Он равнодушно шел вперед. Им ничего не найти. Одежду и личные вещи у него отобрали, взамен выдали форму визитера: брюки из белого шелка, пиджак, разлинованный в серое и зеленое, и огромный темно-зеленый вельветовый берет.

Хозяин пристани постучал в изъеденную коррозией металлическую дверь. Та, словно средневековая спускная решетка, разъехалась на две половинки, открыв проход в светлую комнату. Там за стойкой сидел сзекр в обычной желто-зеленой полосатой одежде.

— Если сайнх не возражает, мы сделаем его трехмерное изображение.

Фарр спокойно встал на серый металлический диск.

— Ладони вперед, глаза шире.

Фарр стоял неподвижно. Щупальца обследовали тело.

— Благодарим, сайнх.

Фарр шагнул к стойке.

— Это не такое, как в Джеспиано. Позвольте взглянуть.

Клерк протянул ему прозрачную табличку. В центре ее находилось коричневатое пятно, очертаниями напоминающее человека.

— Не очень-то похоже, — сказал Фарр.

Сзекр опустил карточку в прорезь. На поверхности возникла трехмерная копия Фарра. Если бы ее увеличили в сотни раз, на ней можно было бы исследовать что угодно, будь то отпечатки пальцев, поры кожи, конфигурация ушей или строение сетчатки глаз.

— Мне бы хотелось иметь это в качестве сувенира, — сказал Фарр. — Эту копию в одежде. Та, что в Джеспериано, всему миру показывает все мои достоинства.

Исзмиец пожал плечами.

— Возьмите.

Фарр опустил копию в кошелек.

— А сейчас, Фарр-сайнх, вы позволите один нескромный вопрос?

— Один лишний вопрос мне не повредит.

На его мозге был сфокусирован цефалоскоп. Фарр это знал. Любое учащение пульса, любой всплеск страха тут же окажется на мониторе. Он создал в воображении призрак горячей ванны.

— Собираетесь ли вы украсть дом, Фарр-сайнх?

Итак: прохладный уютный фарфор, ощущение теплого воздуха и воды, запах мыла.

— Нет.

— Известно ли вам, хотя бы косвенно, о подобном плане? Теплая вода, лечь на спину, расслабиться...

— Нет.

Сзекр втянул губы в гримасе вежливого скептицизма.

— Известно ли вам о наказаниях, предусмотренных для воров?

— О да, — сказал Фарр. — Сумасшедший дом.

— Благодарю вас, Фарр-сайнх. Можете продолжать путь.

ГЛАВА 3

Владелец пристани оставил Фарра под присмотром двух младших сзекров в бледно-желтых и золотых лентах.

— Сюда, пожалуйста.

Поднявшись вверх по скату, они оказались в аркаде со стеклянными стенами. Фарр задержался — посмотреть на плантацию. Его филеры, встревожившись, неуклюже подались навстречу.

— Если Фарр-сайнху угодно...

— Одну минуту, — сердито сказал Фарр. — Спешить некуда.

Справа от него располагался лес, полный спутанных теней и непонятных окрасок — город Тжиери. За спиной росли здания обслуживающего персонала, но их трудно было разглядеть за великолепными домами плантаторов, сзекров, селекционеров и корчевщиков, растущими вокруг лагуны. И каждая из этих построек выращивалась, обучалась, оформлялась с применением секретов, которые исзмийцы держали в тайне даже друг от друга.

Фарру они казались очень красивыми, но все же он колебался в оценке: так трудно порой разобрать, нравится тебе или нет букет неизвестного ранее вина. Пожалуй, эта окружающая обстановка делает его пристрастным, подумал

Фарр. Ведь на Земле дома Исзма выглядели вполне пригодными для жилья. Но это была чужая планета, и все на ней казалось чужим.

Он взглянул на поля повнимательнее. Они переливались различными оттенками коричневого, серо-зеленого, зеленого цветов, в зависимости от возраста и сорта растений. На каждом поле находилось длинное приземистое строение, где созревающие саженцы отбирались, отмечались этикетками, рассаживались по горшкам и упаковывались, чтобы отправиться в разные концы Вселенной.

Двое молодых сэзкров заговорили между собой на языке касты. Фарр отвернулся к окну.

— Сюда, Фарр-сайнх.

— Куда мы идем?

— Вы — гость Зхде Патасз-сайнха.

Прекрасно, подумал Фарр. Ему уже были знакомы дома класса АА, которые экспортировались на Землю и которые затем продавал К. Пенче. Их вряд ли можно было сравнивать с теми, что плантаторы выращивали для себя. Внезапная перемена в поведении молодых сэзкров привела его в замешательство. Они стояли неподвижно, как статуи, и глядели в пол аркады.

— В чем дело? — спросил Фарр.

Полицейские тяжело дышали. Фарр опустил глаза на пол. Вибрация, тихий гул. «Землетрясение», — подумал он. Гул стал громче, зазвенели стекла. Нахлынуло чувство опасности. Он взглянул в окно. На ближайшем поле почва вдруг стала трескаться, вспучиваться уродливым бугром и взорвалась. Тонны земли обрушились на нежные саженцы. Наружу полез огромный металлический стержень, поднялся на десять, на двадцать футов. С лязгом открылась его дверь. Из удивительного корабля на поле посыпались коренастые, мускулистые коричневые люди и стали выдергивать саженцы. В распахнутой кабине остался еще один человек, который, скалясь в неестественной улыбке, выкрикивал непонятные приказы.

Фарр как зачарованный смотрел на этот набег невиданных масштабов. В городе Тжиери заиграли горны: раздался свист осколочной стрелы. Двое коричневых людей превратились в кровавые сгустки. Человек на корабле закричал, грабители бросились обратно, под защиту металлической оболочки.

Дверь щелкнула, но один из налетчиков опоздал. Он ударил кулаком в оболочку, затем забарабанил изо всех сил, не выпуская из рук саженьцев, которые ломались при ударах.

Стержень задрожал и стал приподниматься. Стрелы, летящие из форта Тжиери, уже стали отщеплять от корпуса металлическую лучину, когда в нем открылось отверстие, похожее на бычий глаз, и оружие выплюнуло голубое пламя. В Тжиери снаряд угодил в большое дерево, во все стороны полетели щепки и оно просело.

Фарру показалось, что он тонет в страшном беззвучном крике... Молодой сзекр, задыхаясь, упал на колени.

Дерево опрокинулось. Огромные стручки листовенной террасы, причудливые балконы плыли в воздухе и рушились в жуткой неразберихе. Из развалин, корчась и извиваясь, выскакивали изсмейцы.

Металлический стержень приподнялся еще на десять футов. Казалось, он вот-вот вырвется из земли и умчится в космос. Коричневый человек, отбрасываемый выпирающей землей, упорно и без всякой надежды стучал в оболочку корабля.

Фарр посмотрел на небо. Сверху пикировали три уродливых, жутких аппарата, похожих на металлических скорпионов.

Возле корабля осколочная стрела вырыла воронку. Коричневый человек отлетел на шесть футов, трижды перевернулся и остался лежать на спине.

Металлический стержень стал зарываться в землю, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Вторая стрела, словно молот ударила его в нос. Металл покоребился и дал

параллельные трещины. Но корпус корабля уже скрылся под землей, и комок земли шевелился над его верхушкой.

Следующая осколочная стрела взметнула вверх облако пыли.

Молодые сзекры поднялись. Они глядели на искореженное поле и причитали на незнакомом Фарру языке. Один из них схватил Фарра за руку.

— Идем, мы должны спасти вас, Фарр-сайнх! — причитали они. Опасно! Опасно! Мы отвечаем за вашу жизнь!

— Я здесь в безопасности, — сказал он. — Я хочу посмотреть.

Три «скорпиона» медленно проплыли вперед и назад и зависли над кратером.

— Похоже, бандиты удрали, — сказал Фарр.

— Нет! Невозможно! — крикнул сзекр. — Это конец Исзма!

С неба падал тонкий корабль. Он был значительно меньших размеров, чем скорпионы, и больше напоминал осу. Он сел на кратер и стал медленно, осторожно, словно зонд, погружаться в развороченную почву. Он ревел, дрожал и наконец исчез полностью.

Вдоль аркады пробежали несколько исзмийцев, их спины на бегу плавно извивались. Побуждаемый внезапным импульсом и не обращая внимания на протестующие крики юных сзекров, Фарр бросился за ними.

Исзмийцы по полю бежали к кратеру. Пробегая мимо обмершего тела коричневого человека, Фарр остановился. У налетчика были тяжелые льняные волосы, грубые черты лица, и в руках он все еще сжимал измочаленные саженьцы. Как только Фарр остановился, пальцы разжались и в ту же секунду открылись глаза. В них был разум. Фарр склонился над ним — отчасти из жалости, отчасти из любопытства.

Чьи-то руки обхватили его. Он заметил желтые и зеленые полосы, разъяренные лица и оскаленные рты с острыми зубами.

— Стойте, — кричал Фарр, когда его волокли прочь с поля. — Отпустите! — Пальцы сзекров впились в руки и плечи. Лица их были безумны, и Фарр придержал язык. Под ногами гроыхнуло. И земля закачалась.

Сзекры вели его в Тжиери, но затем свернули в сторону. Фарр стал сопротивляться, попытался тормозить ногами. Что-то твердое сзади сдавило шею. Полупарализованный, он прекратил борьбу. Его отвели к одинокому дереву возле базальтовой стены. Дерево было очень старое, с шишковатым черным стволом, тяжелым зонтом листьев и двумя-тремя высохшими стручками. В стволе имелось неправильной формы отверстие. В эту дыру сзекры без всяких церемоний запихнули Фарра.

ГЛАВА 4

Хрипло крича, Эйли Фарр падал во тьму. Он пинал и хватал воздух. Голова ударилась обо что-то твердое и острое. Затем стукнулось плечо, бедро, и вот уже все тело пришло в соприкосновение с поверхностью. Там, где труба изгибалась, падение становилось скольжением. Ноги ударили в мембрану, которая, видимо, не выдержала, затем еще и еще раз. Через какие-то секунды он врезался в эластичную стену. Удар его парализовал. Он неподвижно лежал, собирая остатки разума.

Пошевелившись, он ощупал голову. Шрам на темени вызывал ноющую боль. Он услышал характерный звук: беспорядочные удары и шорохи скользящего по трубе предмета. Фарр быстро отполз к стене. Что-то твердое и тяжелое ударило его по ребрам и с глухим ударом и стоном врезалось в стену. Наступившую вслед за этим тишину нарушало лишь сдавленное дыхание.

— Кто здесь? — осторожно спросил Фарр.

Ответа не последовало.

Фарр повторил вопрос на всех знакомых языках и диалектах, но безрезультатно. Он с трудом заставил себя подняться. У него не было ни фонаря, ни других способов добыть свет.

Дыхание становилось ровнее, спокойнее. Фарр наощупь пробрался во тьме и наткнулся на скрюченное тело. Он опустился на колени и уложил невидимого человека ровно, выпрямив ему руки и ноги, а сам сел рядом и стал ждать. Прошло минут пять. Стены комнаты едва заметно дрогнули, и издалека донесся глубокий звук, похожий на далекий взрыв. Через минуту или две звук и содрогание повторились. Подземная битва в полном накале, подумал Фарр. Оса против крота. Схватка не на жизнь, а на смерть.

Стены задвигались. Фарр услышал новый, более мощный взрыв. Появилось ощущение близкого финала. Человек во тьме судорожно вздохнул и закашлялся.

— Кто здесь? — окликнул Фарр.

Яркий лучик света уперся ему в лицо. Фарр вздрогнул и отодвинулся. Лучик последовал за ним.

— Убери эту чертовщину! — проворчал Фарр.

Луч прошелся вверх-вниз по его телу, задержавшись на полосатом посетительском пиджаке. В отраженном сиянии Фарр разглядел коричневого человека — грязного, измученного, в кровоподтеках. Свет исходил из пряжки на его плече.

Коричневый человек заговорил низким хриплым голосом. Язык Фарру был неизвестен, и он отрицательно покачал головой. Незнакомец еще несколько секунд рассматривал Фарра, как тому показалось, оценивая. Затем, болезненно постанывая, незнакомец поднялся на ноги и минуту или две исследовал стены, не обращая на Фарра внимания. Он тщательно изучил пол и потолок камеры. Наверху, вне досягаемости, находилось отверстие, через которое они сюда попали. В стене имелся плотно закрытый лаз. Фарр был зол и обижен, и, кроме того, очень болел шрам. Активность коричневого человека действовала на нервы. Яснее ясного было, что бежать отсюда непросто. Сзекры немногого бы стоили, если бы не предусмотрели всего.

Рассматривая сотоварища, Фарр решил, что он, наверное, тсорд, представитель наиболее человекоподобной из трех арктурских рас. О них ходили не самые лучшие слухи, и Фарру было не очень-то по душе иметь одного из них в качестве приятеля по камере, и тем более во тьме.

Закончив обследование стен, тсорд вновь переключил свое внимание на Фарра. Глаза у него были спокойными, глубокими, желтыми и холодными и светились, словно грани топаза. Он заговорил странным полусухим голосом:

— Это не настоящая тюрьма.

Фарр был изумлен. В данных обстоятельствах замечание выглядело более чем странным.

— Кто вы, чтобы так говорить?

Тсорд рассматривал его добрых десять секунд, прежде чем произнести следующую фразу.

— Наверху большое волнение. Исзмийцы бросили нас сюда для безопасности. Значит, в любую минуту нас могут забрать. Нет ни дыр для подслушивания, ни звуковых рецепторов. Это камера хранения.

Фарр с сомнением поглядел на стены. Тсорд издал низкое стонущее бормотание, вновь приведя Фарра в замешательство. Тут же он понял, что тсорд просто выражает веселье столь странным образом.

— Вас беспокоит, откуда я об этом знаю, — сказал тсорд. — У меня такая способность — чувствовать чужое внимание.

Фарр вежливо кивнул. Неотвязный взгляд тсорда становился гнетущим. Тсорд забормотал себе под нос напевный, монотонный звук. Жалоба? Погребальная песнь? Свет погас, но траурное бормотание не прекращалось. Фарр неожиданно задремал и вскоре заснул. Это был тревожный сон, и он не давал отдыха. Голова раскалывалась и горела. Он слышал знакомые голоса и приглушенные крики: он был дома, на Земле, и кого-то должен был повидать. Друга. Зачем? Во сне Фарр ворочался и разговаривал. Он знал, что спит, он хотел проснуться. Пустые голоса, шаги, неутомонные образы стали таять, и он заснул здоровым сном.

В овальную дверь ворвался свет, очерчивая силуэты двух исзмийцев, Фарр проснулся. Он был крайне удивлен, обнаружив, что тсорд исчез. Да и вся комната казалась другой. Он не был более в корне старого черного дерева.

Он с трудом принял сидячее положение. Глаза были затуманены и слезились, и мысли разбегались. Им не за что было зацепиться. Мозг при падении словно раскололся на части.

— Эйли Фарр-сайнх, — сказал исзмиец, — вы способны нас сопровождать? — На них были желтые и зеленые ленты. Сзекры.

Фарр поднялся на ноги и прошел к овальной двери. Один из сзекров шел впереди, другой — позади. Они шли по извилистому коридору. Идущий впереди сзекр отодвинул панель, и Фарр оказался в аркаде, по которой уже шел однажды.

Они вывели его наружу, под ночное небо. Звезды мерцали. Фарр разглядел родное Солнце и несколькими градусами ниже звезду, которую знал под именем Бета Ауригью. Они не вызвали в нем ни боли, ни ностальгии. Он не испытывал никаких чувств и просто смотрел, не вглядываясь. Ему было легко и покойно.

Обогнув рухнувший дом, они подошли к лагуне. Впереди из ковра мягкого мха поднимался могучий ствол дерева.

— Дом Зхде Патасз-сайнха, — сказал сзекр. — Вы его гость. Он держит слово.

Дверь скользнула в сторону, и Фарр на подгибающихся ногах шагнул внутрь ствола. Дверь тихо закрылась. Фарр остался один в просторном крутом холле. Он прислонился к стене, чтобы не потерять сознание, внезапно раздосадованный собственной слабостью и замедленностью восприятия. Он сделал попытку сосредоточиться: осколки разума медленно начали собираться, соединяться воедино.

Вперед вышла женщина-туземка. На ней были черные и белые ленты и черный тюрбан. Розово-фиолетовая кожа между лентами слабо отсвечивала. Черная линия вокруг головы подчеркивала горизонтальный разрез глаз. Фарр вдруг смутился, вспомнив, что он всклокочен, грязен и небрит.

— Фарр-сайнх, — сказала женщина, — позвольте проводить вас.

Она отвела его к шахте подъемника. Диск поднял их на сто футов, и на этой высоте у Фарра закружилась голова. Он почувствовал холодные ладони женщины.

— Сюда, Фарр-сайнх.

Фарр шагнул вперед, остановился, прислонился к стене и подождал, пока в глазах не прояснится.

Женщина спокойно ждала.

Пятно исчезло. Они стояли в сердцевине ветви, рука женщины придерживала его за талию. Он посмотрел в ее блеклые глаза-сегменты. Она безразлично поглядела на него.

— Ваши люди подмешали мне наркотики, — пробормотал он.

— Сюда, Фарр-сайнх.

Она пошла по коридору. Движения ее были столь мягкими и волнообразными, что казалось, будто она плывет. Фарр медленно пошел следом. Он чувствовал себя немного лучше, ноги окрепли.

Женщина остановилась возле последнего люка, повернулась и сделала руками широкий церемониальный взмах.

— Вот ваша камера. У вас ни в чем не будет недостатка. Для Эхде Патасза дендрология — открытая книга. Он может вырастить все что захочет. Входите и располагайтесь в его изысканном доме.

Фарр вошел в камеру — одно из четырех соединенных помещений самого совершенного стручка из всех, какие он видел. Это была гостиная. Огромный стол вырастал из пола, на нем высились дюжина подносов с продуктами.

Следующее помещение, устланное голубым ворсистыми коврами, видимо, служило комнатой отдыха, а соседнее с ним по лодыжку было заполнено бледно-зеленым нектаром. За спиной у себя Фарр неожиданно обнаружил маленького подобострастного измийца в белых и розовых ленточках мажордома. Он ловко стянул с Фарра перепачканную одежду. Фарр шагнул в ванную, и слуга хлопнул ладонью по стене. Из небольших отверстий ударили струи жидкости со свежим запахом и зябко пробежали по коже. Слуга зачерпнул ковшем бледно-зеленый нектар, полил Фарру на голову, и он

вдруг оказался покрыт пощипывающей и пузырящейся пеной. Она быстро растворилась, оставив кожу чистой и свежей.

Слуга принес початок бледной пасты. Ее он осторожно наложил на лицо Фарра, растер мочалкой, и борода растаяла.

Прямо над головой вырос пузырь жидкости, удерживаемой тонкой оболочкой. Он становился все больше, качался и подрагивал. Слуга поднял острый шип. Пузырь лопнул, пролив на Фарра жидкость с мягким запахом гвоздики. Жидкость быстро высохла. Фарр перешел в четвертую камеру, и там слуга помог ему одеться, а затем прикрепил на ногу сбоку черную розетку. Фарр, кое-что знавший об обычаях народа исзмийцев, был удивлен. Будучи персональной эмблемой Зхде Патасза, розетка была не просто украшением. Она удостоверяла, что Фарр является почетным гостем Зхде Патасза, который, следовательно, берет на себя обязанность защищать его от любых врагов. Фарру предоставлялась свобода действий внутри дома и добрая дюжина прав, обычно принадлежащих хозяину. Фарру позволялось манипулировать некоторыми нервами дома, его рефлексам, импульсами, он мог пользоваться трубопроводами. Он даже мог распоряжаться некоторыми из сокровищ Зхде Патасза и имел довольно широкую возможность поступать так, словно был его «альтер эго». Случай был необычный, а для землянина, пожалуй, уникальный. Фарр задумался, чем же он заслужил такую честь? Скорее всего, это было просто попыткой загладить вину за неприятности, которые ему причинили в связи с нападением тсордов. Да, подумал Фарр, это, пожалуй, может служить объяснением. Он надеялся, что Зхде Патасз поглядит сквозь пальцы на то, что он не соблюдает в ответ громоздких ритуалов исзмийского этикета.

Женщина, которая отводила его в камеру, появилась вновь. Она торжественно преклонила перед ним колени. Фарр был недостаточно знаком с местными манерами, чтобы решить для себя, была в этом жесте ирония или нет. Очень уж неожиданной показалась ему перемена статуса. Мисти-

фикация? Непохоже. Чувства юмора у исзмийцев не существовало.

— Эйли Фарр-сайнх, — провозгласила женщина. — Теперь, когда вы освоились, не желаете ли присоединиться к хозяину, Зхде Патасзу?

Фарр вяло улыбнулся.

— В любое время.

— Тогда позвольте показать вам путь. Я провожу вас в личный стручок Зхде Патасза, где он ожидает с великим нетерпением.

Фарр последовал вслед за ней по трубе, расширявшейся по мере приближения ветви к стволу, затем проехал на лифте вверх, вылез и пошел по другому проходу. Возле люка провожатая остановилась, поклонилась и широко развела руками.

— Зхде Патасз-сайнх ожидает вас.

Люк отодвинулся, и Фарр нерешительно вошел в камеру. Патасза он в первый момент не увидел. Фарр медленно двинулся вперед, поминутно оглядываясь. Стручок насчитывал тридцать футов в длину и открывался балконом с перилами по пояс высотой. Стены и куполообразный потолок были украшены орнаментом из шелковистого зеленого волокна. На полу густо рос темно-фиолетовый мох. Прямо из стен вырастали причудливой формы лампы. Здесь имелись четыре кресла-стручка, выстроенных вдоль одной из стен. Посередине на полу стояла высокая цилиндрическая ваза с водой, растениями и черными извивающимися углями. На стенах висели картины древних земных мастеров — изысканные курьезы чужого мира.

Зхде Патасз спустился с балкона.

— Фарр-сайнх, надеюсь, вы чувствуете себя хорошо?

— Достаточно хорошо, — осторожно ответил Фарр.

— Присядете?

— Как прикажете, — Фарр опустился на один из мягких фуксиновых пузырей. Гладкая кожа застыла по форме тела.

Хозяин присел рядом. Последовала пауза, во время которой они пристально изучали друг друга. Зхде Патасз был в

голубых лентах своей касты; кроме того, сегодня его бледные щеки украшали глянцевые красные крути. Фарр догадался, что это не просто случайные украшения. Любой атрибут внешнего вида исзмийцев был тем или иным символом. Сегодня на голове Зхде Патасза не было обычного просторного берета. Шишки и складки на его темени образовывали почти правильной формы крест — признак аристократического происхождения и тысячелетней родословной.

— Вы получаете удовольствие от визита на Исзм?

Фарр немного подумал, затем заговорил официальным тоном:

— Я здесь вижу много интересного для себя. Кроме того, я здесь столкнулся с назойливостью, которая, надеюсь, не будет продолжаться непрерывно.

Он осторожно пощупал кожу на голове.

— И лишь ваше гостеприимство способно компенсировать болезненные ощущения, которые заставили меня испытать.

— Это печальные новости, — сказал Патасз. — Кто причинил вам вред? Назовите имена, и я позабочусь, чтобы их наказали.

Фарр пришел к выводу, что вряд ли он способен опознать сзекров, бросивших его в темницу.

— В любом случае, они были возбуждены налетом, и я не держу на них зла. Но после, судя по всему, меня отравили наркотиками, этому я объяснений найти не могу.

— Ваши замечания правильны, — вкрадчиво заговорил Зхде Патасз. — Сзекры, естественно, подвергли тсорда действию гипнотического газа. Похоже, лишь благодаря нелепой ошибке вы были брошены в ту же камеру и разделили с ним эту неприятность. Нет сомнения, участвовавшие в этом сейчас испытывают угрызения совести.

Фарр заговорил с оттенком оскорбленности:

— Мои законные права попорчены. Договор доступности нарушен.

— Надеюсь, вы нас простите, — сказал Зхде Патасз. — Вы ведь, конечно, понимаете, что мы должны защищать свои поля.

— Я не имел ничего общего с налетом.

— Да. Мы это понимаем.

Фарр горько улыбнулся.

— Пока я был под гипнозом, вы из меня выжали все, что я знал.

Раздел между сегментами глаз Зхде Патасза превратился в ниточку, что Фарр счел проявлением насмешки.

— Случайно я узнал о вашем несчастье.

— Несчастье? Оскорблении!

Зхде Патасз сделал успокаивающий жест.

— Ничего особенного нет в том, что сзекры применили гипнотический газ к тсорду. Эта раса обладает большими психическими и физическими способностями, кроме того, она печально известна моральным несовершенством. В частности, именно поэтому их наняли для налета.

Фарр был удивлен.

— Вы полагаете, тсорды работали на кого-то?

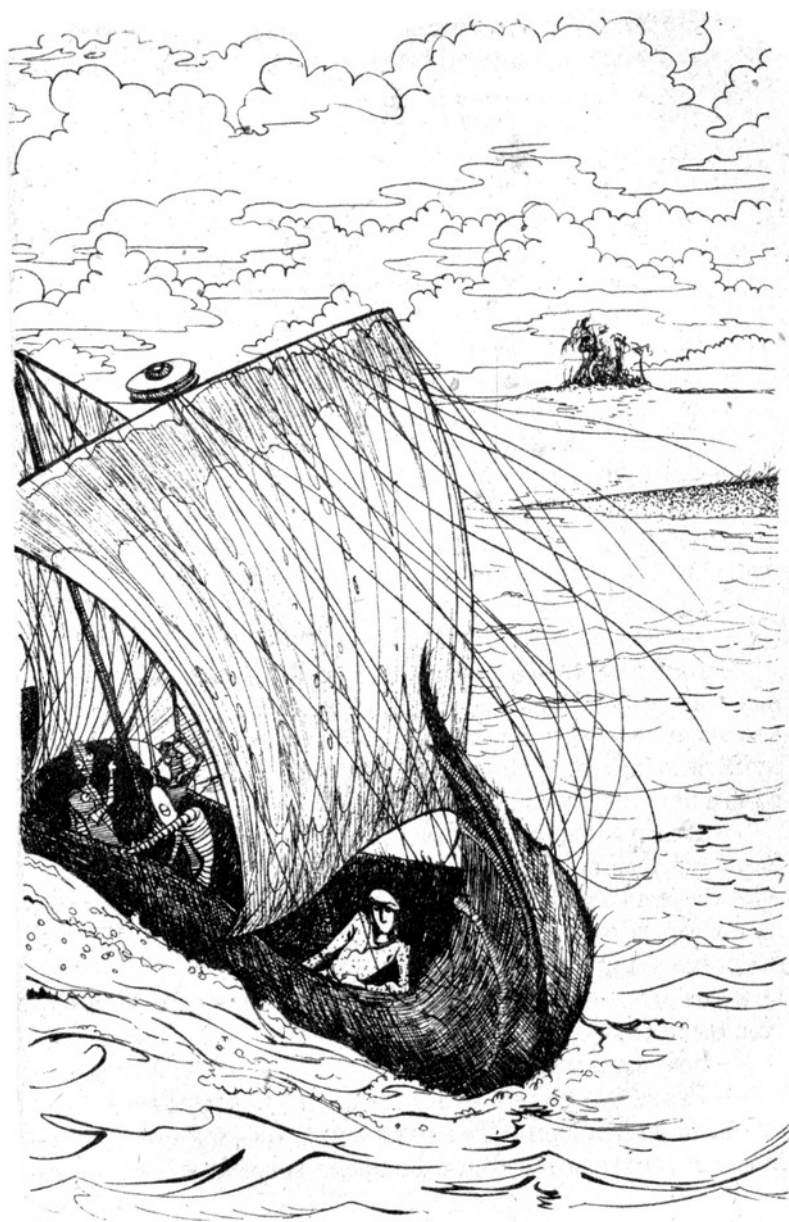
— Да. Организовано все было очень аккуратно, рассчитано очень точно. Тсорды — раса беспокойная, и нет гарантий, что экспедицию снарядили не они, но у нас есть основания думать по-другому. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы найти подлинного виновника налета.

— И потому допросили меня под гипнозом, в нарушении договора о доступности.

— Уверяю вас, вопросы вам задавались лишь те, что имели непосредственное касательство к набегу. — Зхде Патасз старался умиротворить Фарра. — Сзекры сверхприлежны, но и вы могли оказаться глубоко законспирированным агентом. Вы производите такое впечатление.

— Боюсь, вы ошибаетесь.

— Разве? — Зхде Патасз казался удивленным. — Вы прибыли на Тжиери в день нападения. На пристани пытались избавиться от эскорта. Во время встречи вы все время

пытались контролировать свои эмоции и реакции, простите, что я указываю на ваши ошибки.

— Не за что, валяйте дальше.

— В аркаде вы еще раз пытались покинуть эскорт. Вы выбежали на поле — явная попытка принять участие в нападении.

— Чепуха, — сказал Фарр.

— Для нас этого достаточно. Мы удовлетворены. Налет окончился не в пользу тсордов: мы разрушили «крота» на глубине тысячи ста футов. Никто не выжил, кроме типа, с которым вы делили темницу.

— Что с ним случилось?

Зхде Патасз помедлил. Фарру показалось, что в его голосе прозвучала неуверенность.

— В нормальных условиях он действительно мог бы оказаться самым удачливым из них. — Он помолчал, подбирая нужную фразу. Мы верим в превентивное воздействие наказания. Его бы заключили в сумасшедший дом.

— Что же с ним случилось?

— Покончил с собой в подземелье.

Фарр был сбит с толку столь неожиданным поворотом событий. Что-то, видимо, успело связать его с этим человеком, и что-то оказалось теперь потерянным...

— Вы, кажется, потрясены, Фарр-сайнх? — заботливо спросил Зхде Патасз.

— С какой стати?

— Вы устали или чувствуете слабость?

— Сейчас я более или менее пришел в норму.

Женщина принесла поднос с угощением: листики орехов, горячая ароматная жидкость, сушеная рыба.

Фарр ел с удовольствием, он был голоден. Зхде Патасз с любопытством его разглядывал.

— Странно. Мы с вами принадлежим к различным мирам, мы эволюционировали по разным направлениям; но наши цели, желания и опасения часто похожи. Мы защищаем свою собственность, то что обеспечивает наше благосостояние.

Фарр почувствовал большое пятно на голове. Оно все еще саднило и пульсировало. Он задумчиво кивнул.

Зхде Патасз подошел к стеклянному цилиндру и стал разглядывать танцующих угрей.

— Порой мы излишне тревожимся, но что делать? — Опасения заставляют нас превосходить самих себя. — Он повернулся. Долгое время они не сводили глаз друг с друга: Фарр, сгорбившийся в кресле-стручке и измиец — высокий, стройный, с большими двойными глазами на орлиной тонкой голове.

— Так или иначе, — сказал Патасз, — я думаю, вы простите нам эту ошибку. Тсорды и их руководитель (или руководители) могущественны. Но для них ситуация лучше не станет. И пожалуйста, не смотрите свысока на нашу чрезмерную заботу. Налет был предпринят с огромным размахом и почти привел к цели. Кто задумал, кто составил столь тщательный план операции? — Это мы должны выяснить. Тсорды действовали очень уверенно. Указания хватать как семена, так и саженцы со специальных участков они получили, видимо, от шпиона, скрывавшегося под видом туриста. Вроде вас, например, — Зхде Патасз вырвал клочок волокна. — Взгляните на этот шелк. Мы инъецируем жидкость в орган рудиментарного стручка. Жидкость содержит такие компоненты, как толченый нерв аммонита, золу кустарника «франз», изохромил ацетат натрия, порошок метеорита Фанодано. Жидкость подвергается шести критическим операциям и вливается только через хоботок силимпида. Скажите, — обратился он к Фарру, — сколько пройдет времени, прежде чем ваши земные исследователи научатся выращивать в стручке зеленый ворс?

— Вероятно, мы бы и пробовать не стали. Нас бы удовлетворяли дома из пяти-шести стручков, а владельцы бы обставляли их как душе угодно.

— Но это же грубость! — воскликнул Зхде Патасз. — Вы это понимаете или нет? Жилище должно быть единым целым — стены, дренаж, украшения, выращенные в нем! Зачем тогда нужны наши огромные здания, две тысячи лет напря-

женной работы? Любой невежда способен наклеить зеленый ворс, один лишь исзмиец может вырастить его!

— Да, — сказал Фарр, — я вам верю.

Зхде Патасз продолжал, убеждающе покачивая лорнетом:

— И если вы украли женскую особь дома, если ухитрились вырастить пятистручковый дом, — это только начало. В него нужно войти, его нужно подчинить, его нужно обучить. Паутина должна быть обрезана: нервы вакуляции должны быть изолированы и парализованы. Сфинктеры должны открываться и закрываться от прикосновения. Искусство благоустройства дома не менее важно, чем искусство выращивания. Без правильной обработки дом неудобен и скучен, даже опасен.

— К.Пенче не обрабатывает ни одного дома из тех, что вы присылаете на Землю.

— Пах! Дома Пенче бездушны и покорны. Их ничего не интересует. Им не хватает красоты и изящества. — Он помолчал. — Я не могу говорить. В вашем языке нет слов, которыми можно было бы выразить чувства исзмильца к своему дому. Он растит его, и сам растет в нем. Его прах достается дому, когда умирает. Он пьет его кровь, он дышит его дыханием. Дом защищает его, чувствует цвет его мыслей. Одушевленный дом способен отогнать чужака, разгневанный дом способен убить. А сумасшедший дом... в нем мы сохраним преступников.

Фарр зачарованно слушал.

— Все это хорошо для исзмицев, но землянин не настолько требователен, во всяком случае, землянин с низким доходом или низкой касты, чтобы вам было понятно. Дом ему нужен всего лишь затем, чтобы в нем жить.

— Вы можете приобретать наши дома, — сказал Зхде Патасз, мы будем рады вам их предоставить. Но вы должны использовать услуги аккредитованных распространителей.

— Вы имеете в виду Пенче?

— Да. Он наш представитель.

— Кажется, мне пора спать, — сказал Фарр. — Я устал, и голова болит.

— Жаль. Но отдохните хорошенько, и завтра, если хотите, мы посетим мою плантацию. Чувствуйте себя свободно: мой дом — ваш дом.

Молодая женщина в темном тюрбане отвела Фарра в его камеру. Она церемонно омыла ему лицо, руки и ноги, побрызгала и воздух ароматными духами.

Фарр погрузился в прерывистую дремоту. Ему мерещился тсорд. Он видел грубое коричневое лицо, слышал тяжелый голос. Сагина на голове горела, и Фарр ворочался.

Лицо коричневого человека исчезло, словно погасший огонь, и Фарр, наконец, крепко заснул.

ГЛАВА 5

На следующий день Фарра разбудили вздыхающие и шепчущие звуки музыки измийцев. Свежая одежда висела рядом. Он оделся и вышел на балкон. Вид отсюда был изумительно, сверхъестественно красив. Солнце, Кси Ауригью, еще не взошло. Небо цвета «электрик» нависало над разноцветным зеркалом моря, темнеющего к горизонту. Справа и слева стояли огромные, замысловатые дома аристократов Тжиери, и на солнце отчетливо вырисовывались силуэты их крон, а цвета стручков были приглушены: темно-синий, темно-бордовый и глубокий зеленый — такой бывает у старого вельвета. Вдоль канала дюжинами крейсировали гондолы. За каналом располагался базар Тжиери. Здесь распределялись изделия и инструменты промышленных систем Южного континента и некоторых внешних миров, при этом использовались способы обмена, в которых Фарру еще не удалось до конца разобраться.

Из апартаментов слышался звук, словно кто-то дернул за веревку, Фарр обернулся и обнаружил двух служителей — они несли высокий, со многими отделениями буфет, полный еды. И пока Кси Ауригью выпячивалось над горизонтом, Фарр успел позавтракать вафлями, фруктами, морскими клубнями и пастилой.

Едва он закончил, вновь выскочили служители. Их расторопность и проворство немного развеселили Фарра. Они уволокли буфет, и вошла женщина, которая прислуживала ему накануне вечером. Сегодня ее обычный костюм из черных лент был дополнен непонятным головным убором из таких же лент, который маскировал шишки и складки на темени и неожиданно делал женщину привлекательной. Исполнив изысканный ритуал приветствия, она сообщила, что Зхде Патасз готов к услугам Фарр-сайнха.

Вместе с ней Фарр спустился в холл у основания огромного ствола. Здесь его ожидал хозяин дома, а рядом с ним стоял исзмиец, которого он представил как Омона Бозхда, главного агента кооператива Доморастителей. Ростом тот был выше Патасза, с более широким и менее выразительным лицом, да и характер у него был, видимо, более живой и прямолинейный. Он носил синие и черные ленты и черные кружки на щеках — одежда, которая навела Фарра на мысль о его принадлежности к одной из высших каст. В отношении к нему Патасза сквозили одновременно снисходительность и уважение — во всяком случае, так показалось Фарру. Эту позицию Фарр приписал противоречию между кастой Омона Бозхда с его мертвенно-бледной кожей жителя одного из южных архипелагов и плантаторами Дездха, чья кожа отличалась слабым голубоватым оттенком. Фарр, достаточно сбитый с толку тем чрезвычайным вниманием, которое ему все время оказывали, более его не разглядывал.

Зхде Патасз проводил гостей к шарабану с мягкими сиденьями, который поддерживали над землей сотни почти бесшумных воздушных струй. Шарабан не имел никаких украшений, но и сама по себе коробка, выращенная вместе с перилами, изогнутыми и сплюсненными дугообразными сиденьями и свисающей бахромой темно-коричневого меха весьма впечатляла. Слуга в красных и коричневых лентах нажал выступающий вперед шип, включая контроль. На заднее сиденье сели еще двое слуг с инструментами, эмблемами и прочей амуницией, о предназначении которой Фарр не догадывался.

В последнюю минуту к ним присоединился четвертый из-
змиец в синих и серых лентах, которого Зхде Патасз пред-
ставил как Удира Че главного архитектора.

— Настоящее изсмийское слово, — сказал Зхде Патасз,
— Разумеется, другое и включает в себя элементы многих
других значений: это и биохимик, и инструктор, и поэт, и
провозвестник, воспитатель и так далее. Конечный эффект,
тем не менее, тот же, так что его смело можно назвать созда-
телем новых домов.

За архитектором, как само собой разумеющееся, появи-
лись трое вездесущих сзекров на другой, меньшей по разме-
рам платформе. Одного из них Фарр вроде бы узнал — он
охранял его во время налета тсордов и затем от него же Фарр
натерпелся всяческих оскорблений. Но, может быть, это был
другой сзекр — непривычному глазу все они казались на
одно лицо. Фарру пришлось в голову забавы ради пожаловать-
ся на него Зхде Патасзу. Тот клятвенно обещал наказать
виновных, но он тут же справился с побуждением: Зхде Па-
тасз, судя по всему, относился к своим обязанностям серьез-
но.

Платформы проскочили между массивными жилищами
— домами городского центра и вылетели на дорогу, что вела
вдоль ряда небольших полей. Здесь росли серо-зеленые са-
женцы — дома-дети, решил Фарр. «Дома классов ААА и
ААБР для контролеров работ с Южного континента, — по-
яснил Зхде Патасз весьма покровительственным тоном. —
Вон там — четырех— и пятистручковые деревья для масте-
ровых. Каждый район выполняет свои специальные зада-
ния, описанием которых я не хочу вас утомлять. Разумеется,
продукция, идущая на экспорт, не доставляет нам столько
хлопот: мы продаем немногочисленные, легко выращиваемые
и стандартные структуры».

Фарр поморщился. Покровительственные оттенки в голо-
се Зхде Патасза становились все более отчетливыми.

— Если бы вы решили разнообразить ассортимент, вы
могли бы необычайно увеличить вывоз товара.

Зхде Патасз и Омон Бозхд, похоже, развеселились.

— Мы вывозим столько домов, сколько хотим. К чему стремиться вперед? Кто оценит уникальные, исключительные свойства наших домов? Вы же сами говорите, что для землянина дом — не что иное, как коробка, в которой можно укрыться от непогоды.

— Вы и в самом деле нерациональны, Фарр-сайнх, — сказал Омон Бозхд, — если только мне удалось подобрать слово с наименее обидным звучанием. На Земле, вы говорите, для жилища не нужно ничего. В то же время жилище на Земле — излишек богатства, и излишек столь значительный, что на обширные проекты тратится неисчерпаемая энергия. Богатство это может позволить решить проблему дефицита домов очень легко — вернее, тем, кто контролирует это богатство. Понимая, что подобный курс для вас нереален, вы обращаетесь к нам, относительно бедным изсмейцам, которые, по вашему мнению, должны быть почему-то менее черствыми, чем люди вашей планеты. А увидев, что у нас есть собственные интересы, вы возмущаетесь — именно в этом состоит иррациональность вашей позиции.

Фарр засмеялся:

— Это искаженное отражение действительности. Мы богаты, верно. Потому что постоянно стараемся выпустить максимум продукции при минимуме усилий. Ваши дома и могут служить этим фактором обеспечения минимума усилий.

— Интересно, — пробормотал Зхде Патасз. Омон Бозхд глубокомысленно кивнул. Глайдер свернул и поднялся, чтобы перелететь через заросли остроконачных кустарников с черными шарами наверху. Вдали, за каймой берега, лежал спокойный мировой океан, голубой Фездх. Глайдер разрезал носом низкие волны прибоя и заскользил к острову.

Зхде Патасз заговорил мрачным, чуть ли не замогильным голосом:

— Сейчас вам покажут то очень небольшое, что вам разрешено видеть: экспериментальную станцию, где мы задумываем и создаем новые дома.

Фарр собрался было дать соответствующий ответ, высоко оценить и выразить заинтересованность, но Зхде Патасз более не обращал на него внимания, и он промолчал.

Платформа неслась над водой, вода под ней кипела струями, за кормой оставалась пена. Лучи Кси Ауригью искрились в голубой жидкости, и Фарр подумал, что все выглядело бы так по-земному, если бы не этот глайдер — странной формы, не эти долговязые молочно-белые в полосочку люди за спиной и не эта необычная растительность на острове впереди. Домов наподобие этих он еще не видел: тяжелые, низкие, с плотно сплетенными черными ветвями. Листва, только что освобожденная от коричневой паутины, непрерывно шевелилась.

Глайдер замедлил движение у берега и остановился в двенадцати футах от земли. Удир Че, архитектор, выскочил с черной коробкой в руках. Он оказался по колено в воде и смешно потащился к берегу. Деревья не остались равнодушными к его приходу: они поначалу склонились к нему, затем расплели и расцепили ветви. Через секунду в растительности образовался проем, достаточно широкий для глайдера. Оказавшись за стеной деревьев, Удир Че вновь забрался на борт, а ветви сомкнулись наглухо, закрывая проход.

— Деревья уничтожат любого, кто правильно не представит сигнал — он излучается из коробки. В прошлом плантаторы часто отправляли друг против друга экспедиции, сейчас этого, разумеется, нет, и в караульных деревьях нет, стало быть, особой необходимости. Но мы очень консервативны и храним старые обычаи.

Фарр огляделся вокруг, стараясь не проявлять излишнего любопытства. Зхде Патасз спокойно и весело глядел на него.

— Когда я прибыл на Исзм, — сказал наконец Фарр, — я надеялся, что представится удачный случай посмотреть наши способы защиты деревьев, но такого даже не ожидал. Должен признаться, что я озадачен. Почему вы мне это показываете? — Он пристально посмотрел на бледные хрящеватые лица исзмийцев, но ничего не мог прочесть в них.

Зхде выдержал паузу, прежде чем ответить.

— Скорее всего, вы ищете ответ там, где его быть не может. Это вполне нормальное отношение хозяина к почетному гостю.

— Возможно, — согласился Фарр, вежливо улыбнувшись. — Но если иные мотивы все же существуют?

— Допустим. Налет тсордов все еще заботит нас, и мы не против получить больше информации. Но давайте все же не будем затруднять себя подобными вопросами. Думаю, вас как ботаника должны заинтересовать наши изобретения.

— О да, конечно. — И последующие два часа Фарр рассматривал дома со стручками на опорах для планет с высокой гравитацией систем Сливо-8 и Форта-Мантинона, просторные сложные конструкции со стручками-баллонами для Феи, где сила тяжести вдвое меньше, чем на Исзме. Были деревья, у которых от центрального ствола-колонны отходили, изгибаясь, четыре широченных листа, опускались до земли и создавали, таким образом, четыре куполообразных здания, освещенных бледно-зелеными лампами. Были помещения с прочным стволом, единственным стручком-башенкой сверху и копьевидной листвой у основания: эти дома служили наблюдательными башнями феодальным племенам Эты Скорпиона. В огражденном стенами пространстве росли деревья разной степени подвижности и разумности.

— Новая, многообещающая область исследований, — сказал Фарру Зхде Патасз. — Мы обыгрываем идею выращивания деревьев для выполнения специальных задач, таких как караульная служба, садовый надзор, разработка простейших механизмов. Не думайте, что я шучу, на атолле Дюрок, насколько мне известно, мастер-плантатор у себя в резиденции вывел дерево, которое поначалу вырабатывает разноцветные волокна, а затем сплетает их в ковер желаемого образца. Да и сами мы вносим свою лепту в создание подобных чудес. К примеру, — вон тот купол, — мы добились создания удивительного биохимического соединения, в которое никогда бы не поверил человек, не знакомый с основами адаптации.

Фарр издал вежливый возглас удивления и восхищения. Он заметил, что Омон Бозхд и Удир Че внимают словам

плантатора с исключительным уважением, словно они присутствовали при чем-то значительном. И Фарру вдруг показалось, что, каковы бы ни были мотивы необычного гостеприимства Зхде Патасза, ему скоро удастся в них разобраться. А тот продолжал с ломким, хрипловатым аристократическим акцентом:

— Механизм получения соединения, если можно так выразиться, в теории несложен. Животное тело зависит от пищи и кислорода, плюс некоторые поддерживающие компоненты. Растительная система, разумеется, продуцирует эти субстанции и перерабатывает отходы животного. Оно стремится стать закрытой системой, нуждаясь лишь в притоке энергии от внешнего источника. Наши достижения, к сожалению, далеки от идеала. Совершенной цепи синтеза еще нет: весь обмен осуществляется через полупроводниковые мембраны, отделяющие растительные флюиды от животных. Тем не менее, начало положено. — Рассказывая, Зхде Патасз направился к бледной желто-зеленой полусфере, над которой вращались и трепетали длинные желтые ветви. Он вытянул руку, и открылся проход в виде арки. Омон Бозхд и Удир Че из осторожности остановились в тылу. Фарр с сомнением посмотрел на них.

Зхде Патасз еще раз наклонился.

— Думаю, вы как ботаник будете восхищены нашими успехами.

Фарр напрягал взгляд, стараясь хоть что-то разглядеть внутри. Там, в глубине, было нечто, к чему изсмийцы исподволь подводили его, что-то такое, что ему следовало испытать... Опасность? Им не было нужды его обманывать, он и так целиком был в их власти. Тем более, что Зхде Патасз был связан всеобщими законами гостеприимства, и в этом положении он ничем не отличался от, скажем, шейха бедуинов. Опасности здесь, видимо, не было. Фарр сделал шаг вперед и оказался внутри дома.

В центре пространства под растением находился слегка выступающий пласт земли жирной почвы, на котором покоился крупный пузырь, мешок желтой камеди. Поверхность мешка была изборозжена нитями сосудов и трубками вен,

защищенных оболочкой, которая в верхней части переходила в светло-серый ствол, от которого симметрично вырастала крона ветвей с широкими листьями в форме сердца. Все это Фарру удалось увидеть за мгновение, хотя с того момента, как он вошел, его внимание было привлечено тем, что содержалось в капсуле со смолой — обнаженное тело тсорда. Ноги его были погружены в темный, желтый осадок на дне мешка, голова располагалась в непосредственной близости от ствола. Верхушка черепа была отделена, обнажая массу оранжевых шариков мозга. Руки трупа были подняты до уровня плеч и вместо ладоней оканчивались клубками спутанного серого ворса, который так же скручивался в веревки, уходящие к стволу. Над обнаженным мозгом висел какой-то странный нимб. Приглядевшись, Фарр понял, что это сетка почти невидимых нитей, так же сплетавшихся в веревку и исчезающих в стволе. Глаза покойника затянулись темно-коричневой пленкой, заменявшей веки.

Фарр сделал глубокий вдох, стараясь совладать с отвращением, смешанным с жалостью. Он почувствовал внимание исзмийцев и резко обернулся. Раздвоенные глаза всех троих были устремлены на него. Фарр изо всех сил старался держать чувства под контролем. Чего бы исзмийцы от него не ожидали, он обязан их разочаровать.

— Должно быть, это тсорд, вместе с которым меня заперли.

Зхде Патасз шагнул вперед, его губы изогнулись.

— Вы его узнаете?

Фарр покачал головой.

— Я с трудом мог его разглядеть. Он для меня ничем не отличается от любого другого человека этой расы. — Он поближе подошел к мешку с янтарной массой. — Мне кажется, он жив?

— В известной степени.

— Зачем вы меня сюда привели?

Зхде Патасз выглядел обеспокоенным, возможно, он был даже рассержен. Фарр догадался, что какой-то сложный план пошел насмарку. Он взгляделся в мешок. Неужели по-

койник двигался? Омон Бозхд, стоявший слева, очевидно, тоже заметил почти неразличимое движение мускула.

— Тсорд обладает большими жизненными и психическими ресурсами, — сказал Омон Бозхд, двигаясь вперед.

Фарр повернулся к Зхде Патасзу.

— Я полагал, что он умер, — сказал он.

— Так и есть, — сказал Зхде Патасз. — Он уже не Чайон Тентесский Четырнадцатый, барон замка Баникрести. Он перестал быть личностью и превратился в орган, придаток дерева.

Фарр вновь оглянулся на тсорда. Глаза того открылись, лицо приняло странное выражение. Фарру показалось, что несчастный слышит их разговор, понимает его. Омон Бозхд замер и напряженно ждал. Так же выглядели Зхде Патасз и Удир Че. Последний разразился фразой на языке изсмийцев, указывая на листву. Фарр посмотрел и увидел, что листья шевелятся. В доме не было ни малейшего сквозняка. Фарр опустил взгляд на лежащего, и тут их глаза встретились. Лицо тсорда было напряжено, мускулы вокруг рта затвердели. Фарр никак не мог заставить себя оторвать от него взгляд. Но вот окаменевший рот открылся, зашевелились губы. Над раскрытой головой скрипнули и застонали тяжелые ветви.

— Невероятно, — вскричал Омон Бозхд. — Реакция дерева неверна!

Ветви качнулись и накренились. Послышался ужасный треск, и вся масса листвы обрушилась на Зхде Патасза и Удира Че. Во второй раз раздался стон ломающейся плоти: ствол раскололся и все здание упало. Лопнул мешок, и тсорд вывалился наружу и повис над землей, удерживаемый ворсистыми канатами, которыми оканчивались его руки. Голова его откинулась назад, рот страшно оскалился.

— Я не дерево! — выкрикнул он горловым булькающим голосом. Я — Чайон Тентесский. — Из рта его потекли струйки желтой лимфы. Он конвульсивно закашлялся и усталился на Фарра. — Беги, беги отсюда! Оставь этих проклятых древожителей. Выполни то, что должен!

Омон Бозхд бросился помогать Зхде Патасзу выбраться из-под рухнувшего дерева; Фарр оторопело смотрел на них. Висящий узник обмяк.

— Теперь я умираю, — произнес он гортанным шепотом, — не как дерево Исзма, а как тсорд, Чайон Тентесский!

Фарр отвернулся и стал помогать Зхде Патасзу и Омону Бозхду извлекать Удира Че из-под листвы. Но безуспешно. Сломанная ветвь проткнула ему шею. Зхде Патасз издал крик отчаяния.

— Существо убивает после смерти, как вредит при жизни! Оно уничтожило самого талантливого из наших архитекторов! — Зхде Патасз повернулся и пошел прочь из дома. Омон Бозхд и Фарр последовали за ним.

В молчании и унынии они возвратились в город Тжиери. От расположения плантатора к Фарру не осталось ничего, кроме обычной вежливости. Когда глайдер скользил по центральной улице, Фарр произнес:

— Зхде Патасз-сайнх, сегодняшнее событие глубоко взволновало вас, и думаю, мне не стоит более злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Фарр-сайнх вправе поступать, как считает нужным, — тактично ответил Зхде Патасз.

— Я на всю жизнь сохраняю воспоминания о пребывании на атолле Тжиери, — сказал Фарр. — Вы позволили мне заглянуть в проблемы, которые интересуют плантаторов Исзма, и я благодарю вас.

Зхде Патасз поклонился.

— Заверяю Фарр-сайнха, что у нас, в свою очередь, никогда не сотрется память о вашем визите.

Глайдер остановился на площади, рядом с которой росли три гостиницы, и Фарр высадился. Чуть помедлив, Омон Бозхд сделал то же. Последовал финальный обмен формальными благодарностями и столь же формальными возражениями, затем глайдер отъехал.

Омон Бозхд подошел к Фарру.

— Что вы теперь намерены делать? — спросил он важно.

— Мой чартер все еще действует, — сказал Фарр и поморщился, не испытывая ни малейшего желания посещать

плантации на других атоллах. — Вероятно, я вернусь на Джеспано. А потом...

— А потом?

Фарр раздраженно пожал плечами.

— Еще не знаю.

— Как бы то ни было, желаю приятного путешествия.

— Благодарю вас.

Когда он отправился в ресторан на ужин, сзекры вновь оказались за спиной, и Фарр почувствовал удушье. После ужина — типичных исзмийских блюд из морских и растительных паст — Фарр спустился по улице к причалу, где попросил, чтобы «Лхайз» немедленно подготовили к отплытию.

Капитана на борту не оказалось: боцман возразил, что раньше следующей зари отплыть никак невозможно. Чтобы убить вечер, Фарр отправился на прогулку вдоль берега. Прибой, теплый ветер, песок были как на Земле, но силуэты чужих деревьев и двое сзекров за спиной совершенно портили картину, и Фарр ощутил приступ ностальгии. Он поостранствовал уже достаточно. Пора было возвращаться на Землю.

ГЛАВА 6

Фарр оказался на борту «Лхайза» прежде, чем солнце Кси Ауригью окончательно осветило горизонт, и, когда перед ним раскинулись свободные просторы Фездха, Фарр вновь обрел хорошее расположение духа. Экипаж был за работой: пропускали тросы, разворачивали паруса, и «Лхайз» был охвачен лихорадочной отправки. Фарр забросил тощий багаж в каюту, разыскал капитана и велел ему отчаливать. Капитан поклонился, затем отдал экипажу несколько распоряжений. Прошло полчаса, а «Лхайз» все еще стоял у причала. Фарр подошел к капитану, стоявшему на носу.

— В чем дело?

Капитан указал вниз, где матрос в плоскодонке что-то делал с бортом.

— Корпус ремонтируется, Фарр-сайдх. Мы скоро отправимся.

Фарр вернулся на приподнятую корму и уселся в тени под навесом. Прошло еще пятнадцать минут. Он успокоился и стал даже получать удовольствие от окружающей обстановки, от суеты на причале, от прохожих в полосках и ленточках всевозможных цветов... Трое сзекров подошли к «Лхайзу» и взошли на борт. Они переговорили с капитаном, тот повернулся и дал экипажу команду.

Паруса наполнились ветром, отдали швартовы, закрепила оснастка. Фарр, неожиданно разъярившись, выскочил из кресла. Он собрался было приказать сзекрам высадиться на берег, но остановился. Результат можно было предугадать заранее. Заставив себя успокоиться, Фарр вернулся в кресло. Разрезая и вспенивая голубую воду, «Лхайз» выходил в море. Атолл Тжиери уменьшился, превратился в тень над горизонтом и исчез из виду. Парусник, подгоняемый ветром, летел на запад. Фарр нахмурился. Насколько он мог припомнить, он не давал никаких указаний насчет места назначения. Он подозревал капитана.

— Я вам не давал приказов. Почему мы держим курс на запад?

Одна из пар сегментов глаз капитана переместилась.

— Наше место назначения — Джеспано. Разве не этого желает Фарр-сайнх?

— Нет, — агрессивно ответил Фарр. — Мы поплывем на юг, на Виджэнх.

— Но, Фарр-сайнх, если мы не будем держать курс прямо на Джеспано, вы можете пропустить вылет корабля!

От изумления Фарр с трудом мог говорить.

— Да вам-то какое дело? — сказал он наконец. — Я что, упоминал, что хочу лететь на космическом корабле?

— Нет, Фарр-сайнх. Я не слышал.

— Тогда будьте добры не предугадывать более моих желаний. Мы отправимся на Виджэнх.

Капитан помедлил.

— Ваши приказы, Фарр-сайнх, должны быть тщательно взвешены. Но следует учитывать еще и приказания сзекров. Они хотят, чтобы «Лхайз» плыл на Джеспано.

— В таком случае, — сказал Фарр — пусть сами сзекры и оплачивают чартер. От меня вы ничего не получите.

Капитан медленно повернулся и отправился за советом к сзекрам. Последовал короткий спор, в ходе которого капитан и сзекры бросали пристальные взгляды в сторону Фарра, стоявшего поодаль. Все же «Лхайз» повернул на юг, а рассерженные сзекры прошли на нос.

Путешествие продолжалось. Вскоре Фарр лишился покоя. Экипаж был бдителен, но уже менее исполнителен. Сзекры следили за каждым его шагом и при любом удобном случае с откровенной наглостью обыскивали каюту. Фарр чувствовал себя более арестантом, чем туристом. Было очевидно, что его сознательно вызывают на провокацию, словно хотят внушить отвращение к Исзму. «Не так уж это и сложно, — сказал себе Фарр мрачно. — День, когда я покину эту планету, будет счастливейшим в моей жизни».

Над горизонтом выросла группа островов. Это был атолл Виджэнх, похожий на Тжиери, как брат-близнец. Фарр заставил себя выйти на берег, но не нашел там более интересного занятия, чем сидеть на террасе гостиницы с кубком «марциза», терпкого, чуть солоноватого напитка из морских водорослей. Выходя, он обнаружил плакат с фотографией корабля и расписанием прилетов и вылетов. Звездочет «Андре Саймик» должен был покинуть Джеспериано через три дня. Затем вылетов не предусматривалось целых четыре месяца. Фарр с большим интересом изучил плакат. Вернувшись в порт, он аннулировал чартер, после чего предпринял воздушный перелет на Джеспериано.

Он прибыл в тот же вечер и тут же взял билет до Земли, после чего сразу ощутил покой и уверенность. «Восхитительная ситуация, — говорил он себе. — Полгода назад я не мог думать ни о чем, кроме путешествия на неведомую планету, а сейчас мечтаю лишь о возвращении домой».

Гостиница аэропорта представляла собой огромную поросль, созданную дюжиной сцепившихся между собой деревьев. Фарру предоставили удобный стручок, нависавший над каналом, который соединял лагуну с центром города Джеспериано. Узнав, наконец, время отправления, Фарр успокоился. Ресторанные блюда в импортной фасовке вновь казались ему вкусными. Посетители, жившие в гостинице, принадлежали преимущественно к антропoidным расам, было здесь также с дюжину землян.

Единственным раздражающим фактором оставалась непрекращающаяся слежка сзекров, и притом столь назойливая, что Фарр пожаловался сначала администрации

гостиницы, а затем лейтенанту сзекров — и в том и в другом случае ответом ему было лишь слабое пожатие плечами. В конце концов он пересек отгороженную площадку и вошел в маленькое бетонное бунгало, офис районной администрации по договорам, одно из очень немногочисленных неорганических зданий на Исзме. Администратором оказался толстый коротышка-землянин со сломанным носом, ершиком черных волос и суетливыми повадками. У Фарра немедленно возникла неприязнь к нему. Тем не менее он спокойно и убедительно изложил свои претензии, и чиновник обещал принять меры.

На следующий день Фарр явился в Административный дворец, большое величественное здание, возвышающееся над центральным каналом. На этот раз глава администрации был с ним лишь подчеркнуто вежлив, хоть и пригласил на лейч. Они ели на балконе. Внизу по каналу проплывали стручки-лодки, полные фруктов и цветов.

— О вашем случае я звонил в Сзекр-Центр, — начал хозяин. Они напустили туману, что для них необычно. Обычно они выражаются ясно и безоговорочно: турист шпионил.

— Я до сих пор не могу понять, за что они меня так преследуют.

— Вероятно, вы присутствовали, когда компания арктуриан...

— Тсорды.

Администратор поправился:

— ... когда тсорды совершили массированный налет на плантацию Тжиери.

— Верно, я там был.

— Видимо, этого оказалось достаточно, чтобы возбудить их подозрения. — Администратор рассеянно вертел в руках кофейную чашечку. — Они считают, что один или несколько туристов планировали и руководили набегом, и, похоже, вас выбрали как одну из наиболее подходящих кандидатур.

Фарр откинулся в кресле.

— Это неправдоподобно. Сзекры накачали меня гипнотиками и допросили. Они знают все, что знаю я. И, наконец, плантатор на Тжиери сделал меня своим гостем. Он и его

друзья не верят, что я замешан во что-то, это просто невозможно.

Администратор уклончиво пожал плечами.

— Может быть, сэскры договорились, что конкретных претензий к вам они не имеют. Но так или иначе, вам удалось превратиться в объект для подозрений.

— Выходит, виновен я или нет, мне никуда не деться от их изысканности? Это противоречит букве и духу договора.

— Полагаю, что я, так же как и вы, знаком с требованиями договора. — Администратор был раздражен. Он подвинул Фарру вторую чашку, метнув на него любопытный взгляд. — Надеюсь, вы не виновны... Но, возможно, вам что-то известно. Вы общались с кем-нибудь из тех, кого они подозревают?

Фарр беспокойно зашевелился.

— Они бросили меня в один погреб с тсордом. Я с трудом мог с ним говорить.

Было очевидно, что его ответ администратора не убедил.

— Тогда, должно быть, вы сделали что-нибудь не так. Что бы вы ни говорили, изсмейцы никогда никого не беспокоят просто ради каприза.

У Фарра лопнуло терпение, и он воскликнул:

— Кого вы защищаете? Меня? Или сэскров?

— Попробуйте моими глазами взглянуть на ситуацию, — холодно произнес администратор. — В конце концов, нет никакой гарантии, что вы тот, за кого вас принимают.

— Прежде всего полицейские должны доказать мою вину. Но даже в этом случае вы — мой законный представитель. Зачем еще вас здесь держат?

Администратор перевел разговор:

— Я разговаривал с комендантом. Он уклончив. Может быть, он считает вас жертвой, приманкой или курьером. Возможно, сэскры ждут, когда вы сделаете неверный шаг и выведете их на того, кто вами руководит.

— Им долго придется ждать. Кроме того, они меня оскорбили.

— Как так?

— После налета меня бросили в погреб. Я имею в виду, меня заключили в полем корне под землей. Я сильно ушиб голову. Ссадины до сих пор дают себя чувствовать.

Он пощупал темя, где наконец начали прорастать волосы, и вздохнул. Ясно было, что администратор ничего делать не будет. Он обвел взглядом балкон.

— Это место, должно быть, звукоизолировано?

— Мне нечего скрывать, — чопорно ответил администратор. — Они могут слушать днем и ночью. Что они, возможно, и делают. — Он встал. — Когда уходит ваш корабль?

— Через два или три дня, в зависимости от окончания погрузки.

— Советую вам терпимо относиться к слежке. Так будет лучше.

Фарр небрежно поблагодарил и вышел. Сэкры уже ждали. При виде него они вежливо кивнули. Фарр сделал глубокий вздох. Он уступал. Поскольку в его положении не предвиделось улучшений, оставалось только смириться.

Он вернулся в гостиницу и принял душ в полупрозрачном утолщении на стене стручка. Вместо воды из форсунки, необычайно похожей на коровье вымя, струился прохладный сок со свежим запахом. Переодевшись в чистую одежду, выданную гостиницей, Фарр отправился на террасу. Ему наскучило одиночество, и он с интересом оглядел столики. Он имел некоторое слабое представление о других постояльцах. Мистер и миссис Эндервю, странствующие миссионеры; Джонас Ральф и Уилоред Уиллеран, инженеры, возвращавшиеся на Землю с Большой экваториальной автострады Капеллы 12 и в эту минуту сидевшие вместе с группой путешествующих школьных учителей, только что прибывших на Исзм; трое округлых коммерсантов из Монаго, потомков землян, но в условиях Монаго или Тауруса 61-111, модифицированных в собственный соматический тип.

Справа от них сидели трое ниницев — высоких, стройных, почти не отличимых от людей, подвижных, прозорливых и многоречивых. Затем двое молодых землян (Фарр решил, что они студенты); за ними — группа велиарктуриан, представителей расы, от которой отделились и через миллион лет

развились на другой планете тсорды. По другую сторону от монагиан сидели четверо исзмийцев, значение которых Фарра не интересовало, и неподалеку от них, озабоченно потягивая из кубка «марциз», еще один исзмиец в голубом, белом и черном. Фарр опешил. Он не был уверен — все исзмийцы казались ему похожими друг на друга — но этот почти наверняка был не кто иной, как Омон Бозхд.

Почувствовав его взгляд, тот повернул к нему голову и вежливо кивнул, затем встал и подошел.

— Могу я к вам присоединиться?

Фарр указал на кресло.

— Я не ожидал, что так скоро буду иметь удовольствие возобновить наше знакомство, — сухо сказал он.

Омон Бозхд произвел один из туманных местных жестов, значение которого было за пределами понимания Фарра.

— Вам известно о моем намерении посетить Землю?

— Нет, конечно.

— Странно.

Фарр промолчал.

— Наш друг Зхде Патасз просил передать вам сообщение, — сказал Омон Бозхд. — Первое: он посылает со мной свой искренний привет и говорит, что испытывает чувство стыда за неприятное происшествие, омрачившее ваш последний день на Тжиери. Для нас до сих пор загадка, откуда у тсорды взялась такая психическая сила, позволившая ему совершить подобное действие. Второе: он рекомендует вам в ближайшие несколько месяцев как можно осторожнее выбирать знакомства. И третье: на Земле, где я буду чужестранцем, он поручает меня вашему покровительству и гостеприимству.

Фарр размышлял вслух.

— Откуда Зхде Патасз-сайнх узнал, что я собираюсь вернуться на Землю? Покидая Тжиери, я не имел такого намерения.

— Я говорил с ним не позднее, чем вчера ночью по телекому.

— Ясно, — недовольно произнес Фарр. — Да, естественно, я постараюсь сделать все, чтобы помочь вам. Какую область нашей планеты намерены вы посетить?

— Мои планы еще не окончательны. Я буду инспектировать дома Эхде Патасза на различных участках, и, скорее всего, мне придется много попутешествовать.

— А что значит «осторожно выбирать знакомства в ближайшие несколько месяцев»?

— Только одно. Похоже, слухи о налете тсбордов достигли Джеспериано, а значит, будут распространяться и далее. Определенные преступные элементы могут заинтересоваться вашей деятельностью. Впрочем, я говорю слишком свободно. — Омон Бозхд встал, поклонился и вышел. Фарр в недоумении смотрел ему вслед.

На следующий вечер главная администрация гостиницы, обратив внимание на большое число гостей с Земли, организовала банкет с привычной им кухней и человеческой музыкой. Явились почти все гости, земляне и прочие.

От скотча с содовой Фарр быстро захмелел и вскоре принялся ухаживать за самой юной и миловидной из приезжих учительниц. Она не отвергала его, и вскоре они прогуливались рука об руку по террасе, нависавшей над берегом и болтали о пустяках. Затем она вдруг бросила на него лукавый взгляд.

— Насколько я могу видеть, вы определенно не относитесь к общему типу.

— К типу? Какому типу?

— Ну, вы понимаете, к типу людей, способных дурачить туземцев и красть деревья у них из-под носа.

— Инстинкт вас не подводит, — рассмеялся Фарр, — и верно, не отношусь!

Она вновь посмотрела на него искоса.

— А я слышала о вас кое-что другое.

— Вот как? И что же вы слышали? — спросил Фарр, стараясь, чтобы голос его звучал легко и небрежно.

— Разумеется, все это секрет, потому что, если туземцы узнают, вас отправят в сумасшедший дом, так что вполне естественно, что вы не хотите об этом говорить. Хотя человек, который мне это сказал, вполне надежен, и я, конечно, никому не скажу ни слова. Но я вас только приветствую.

— Совершенно не понимаю, о чем вы говорите, — раздраженно сказал Фарр.

— Конечно, вы никогда не сознаетесь, — с сожалением произнесла молодая женщина. — В конце концов я могу оказаться агентом туземцев — они нас используют, вы знаете.

— Повторяю вам в последний раз, — сказал Фарр, — я не понимаю, о чем вы говорите.

— О налете на Тжиери, — сказала молодая женщина. — Говорят, что вы руководили им извне. Что вы контрабандой вывозите деревья с Исзма на Землю. Все об этом говорят.

— Что за нелепая чушь, — печально рассмеялся Фарр, — если бы это было так, неужели я был бы на свободе? Разумеется, нет. Исзмийцы значительно умнее, чем вы о них думаете. Откуда возникла эта идея?

Молодая женщина пришла в замешательство. Наверняка невинному, заурядному Эйли Фарру она бы предпочла похитителя деревьев.

— Не знаю, уверяю вас.

— Где вы об этом слышали?

— В отеле. Некоторые из гостей говорили.

— Любовь к сенсациям.

Молодая женщина фыркнула, и ее отношение к Фарру стало заметно холоднее. Когда они вернулись и сели, комнату пересекли четверо сзекров в головных уборах, говоривших о высоком ранге владельцев. Они остановились перед столом Фарра и поклонились.

— Если Фарр-сайнху угодно, требуется его присутствие в одном месте.

Фарр откинулся на спинку кресла. Он осмотрелся, но все отводили лица. Учительница пребывала в крайней степени возбуждения.

— Где же требуется мое присутствие? — произнес Фарр голосом, полным бешенства. — И зачем?

— Нужно сделать обычные формальные уточнения, связанные с вашими легальными занятиями на Исзме.

— Они не могут подождать хотя бы до завтра?

— Нет, Фарр-сайнх, прошу вас, пройдемте.

Кипя от негодования, Фарр встал и в окружении сэкров покинул террасу.

В четверти мили от гостиницы на берегу стояло маленькое трехстручковое дерево. Внутри на диване сидел старый туземец. Он указал Фарру садиться напротив и представился. Его звали Юзимр Адислж, он принадлежал к касте ученых теоретиков, философов и прочих, формулирующих абстрактные принципы.

— Узнав о вашем пребывании на Джеспериано и о том, что вы очень скоро улетаете, я счет своим долгом немедленно с вами познакомиться. Я знаю, что на Земле вы работаете в области, непосредственно связанной с нашим полетом деятельности.

— Все верно, — сказал Фарр. — Я чрезвычайно польщен вашим вниманием, но хотелось бы, чтобы оно выражалось в менее настойчивой форме. В гостинице теперь все уверены, что сэкры арестовали меня за попытку украсть дом-дерево.

Юзимр Адислж равнодушно пожал плечами.

— Страстная тяга к нездоровым сенсациям — характерная черта этих человекообразных потомков обезьяны. Думаю, лучше к ним относиться с презрением.

— Верно, — сказал Фарр. — Я согласен. Но была ли необходимость посылать четырех сэкров передать ваше приглашение? Это неблагоприятно.

— Не имеет значения. Люди нашего положения не должны заботиться о таких пустяках. А теперь расскажите о ваших мотивах и о сути ваших интересов.

Четыре часа они спорили об Исзме, о Земле, о Вселенной, о людском многообразии и о будущем. Когда сзекры, чье количество и ранг сократились до двух нижних чинов, наконец проводили Фарра в отель, он почувствовал себя вознагражденным.

На следующее утро, выйдя на террасу к завтраку, он вызвал у окружающих нечто вроде благоговейного трепета. Миссис Эндервью, симпатичная молодая жена миссионера, сказала:

— Мы были совершенно уверены, что вас посадили в тюрьму. Или даже в сумасшедший дом. И мы удивлены, что вы сейчас же не подняли администратора.

— В этом нет необходимости, — сказал Фарр. — Всего лишь ошибка. Но благодарю вас за участие.

Монагиане спросили его:

— Правда, что вы с тсордами сумели полностью перехитрить сзекров? Если так, то мы поможем вам очень выгодно сбыть свое дерево.

— Я ни с кем не хитрил, — сказал Фарр. — У меня нет никаких деревьев.

— Разумеется, разумеется, — кивнул, подмигивая, монагианин. — Здесь, на Исзме, даже трава имеет уши.

На следующий день звездолет «Андре Саймик» спустился с небес, и час вылета был установлен окончательно: через два дня в 9 утра. В течение этих дней сзекры были еще более прилежны. Вечером перед вылетом один из них подошел и церемонно сообщил:

— Если Фарр-сайнх обладает временем, его просят подойти в портовую контору.

— Очень хорошо, — сказал Фарр, готовясь к худшему. Он отправил багаж в космопорт и явился в портовую контору,

ожидая, что его подвергнут последнему, самому интенсивному допросу.

Сзекры полностью разочаровали его. Его отвели в стручок, где помощник коменданта после долгого допроса сказал в завершение:

— Фарр-сайнх, на протяжении последних недель вы чувствовали нашу заинтересованность.

Фарр выразил согласие.

— Я не имею права открывать перед вами подоплеку происходившего, — сказал сзекр, — но слежка была вызвана соображениями вашей же безопасности.

— Моей безопасности?

— Мы подозреваем, что вы в опасности.

— Вот как? Восхитительно.

— Отнюдь. Совсем наоборот. В тот вечер, когда давали концерт, мы извлекли отравленный шип из вашего кресла. Или другой случай, пока вы пили на террасе, вам в кубок добавили яд.

От изумления челюсть Фарра отвисла. Где-то кем-то была совершена чудовищная ошибка.

— Вы в этом уверены? Это невероятно.

Сзекр, развлекаясь, сузил щелочки двойных глаз.

— Вспомните правила, связанные с прибытием на Исзм. Они позволяют нам держать под запретом ввоз оружия. Яд — другое дело. Щепотку пыли можно заразить миллионами вирусов и спрятать без всякого труда. Далее, любой приезжий, замысливший убийство, может воспользоваться удавкой или ядом. Бдительность сзекров предупреждает акты физического насилия, так что встревожить нас может только яд. Каковы вспомогательные средства? Еда, питье, инъекции. Классифицируя подобные способы и приспособления, мы всегда можем найти соответствующий раздел уголовного кодекса и прочитать: «Отравленный шип, заноза или зазубрина, предназначены для прокола бедра или ягодицы посредством вертикального давления под действием силы

тяжести». Следовательно, в нашу слежку неизменно входит проверка мест, на которых вы любите посидеть.

— Понятно, — сказал Фарр сдавленным голосом.

— Отраву у вас в питье мы обнаруживаем с помощью реагента, который темнеет в случае любого изменения первоначального материнского раствора. Когда помутнел один из бокалов скотча с содовой, мы его заменили.

— Это крайне непонятно, — сказал Фарр. — Кому понадобилось меня травить? Чего ради?

— Я имею право вас только предупредить.

— Но против чего вы меня предупреждаете?

— Детали ничем не помогут вашей безопасности.

— Но я же ничего не сделал!

Помощник коменданта показал лорнетом.

— Вселенная существует восемнадцать миллиардов лет и последние два миллиарда производит разумную жизнь. За это время не наберется и часа, когда торжествовала бы полная справедливость. Не исключено, что состояние ваших личных дел вполне согласуется с происходящими событиями.

— Другими словами...

— Другими словами — ходите беззвучно, глядите по углам и не позволяйте соблазнительным самочкам увлечь себя в темные комнаты. — Он дернул тугую струну, вошел молодой сзекр. — Проводите Эйли Фарр-сайнха на борт «Андре Саймика». Мы отменяем все дальнейшие проверки.

Фарр недоверчиво воззрился на него.

— Да, Фарр-сайнх, — сказал сзекр. — Мы чувствуем, что вы были честны.

Совершенно запутавшийся, Фарр покинул стручок. Что-то было не так. Исзмейцы отменили проверки. Такого не бывало никогда и ни с кем.

Оказавшись в каюте на борту корабля, он улегся на эластичную панель, служившую койкой. Итак, он был в опасности. Так сказал сзекр. Эта мысль никак не укладывалась в

голове. Фарр был человек не робкого десятка. Он не побоялся бы вступить в бой с явными врагами. Но знать, что в любую минуту тебя могут лишить жизни и не подозревать, кто, зачем и как... От таких раздумий в желудке поднималась тошнота. Конечно, думал Фарр, помощник коменданта может и ошибаться. Может быть, он воспользовался тайственной угрозой, чтобы заставить Фарра держаться подальше от Исма.

Он встал и тщательно обыскал каюту, но не обнаружил ни скрытых механизмов, ни шпионских тайников. Затем он навел порядок в своем имуществе таким образом, чтобы сразу можно было заметить нарушение. Отодвинув ворсистую панель, Фарр выглянул в коридор. Он был пуст. Фарр вышел и торопливо прошел в комнату отдыха.

Там он изучил список пассажиров. На борту, включая его самого, находились двадцать восемь путешественников. Некоторые из имен были ему знакомы: мистер и миссис Эндервю, Джонас Ральф, Уильфред Уиллеран и Омон Бозхд; прочие приблизительные транскрипции чужеродных фонем не значили для него ничего.

Фарр вернулся в каюту, запер дверь и улегся на кровать.

ГЛАВА 7

Своих спутников он смог увидеть не раньше, чем «Андре Саймик» вышел в межзвездное пространство, и капитан пришел в комнату отдыха, чтобы огласить, как полагается, список корабельных правил. Здесь к тому времени собрались семеро исзмийцев, девять землян, трое коммерсантов с Монаго, трое монахов с Кодайна, совершавших ритуальное паломничество по планетам и еще пятеро с различных миров. Большинство пассажиров прибыли на Исзм этим же кораблем. Исзмийцы, за исключением Омона Бозхда, были наряжены в золотые и черные ленты — форма агентов плантаторов, людей высокопоставленных и строгих, более или менее равных по рангу. Фарр предположил, что по меньшей мере двое из них сзекры. Группу землян составляли двое словоохотливых юных студентов, седеющие санитарные инженеры, возвращавшиеся на Землю, супруги Эндервью, Ральф и Биллеран, а также Карто и Мабел Влевски, молодая путешествующая пара.

Фарр изучил всех, пытаясь представить каждого в отдельности в роли потенциального убийцы, но вскоре окончательно запутался. Попавшие на борт корабля словно автоматически становились источниками подозрений, особенно кодайнские монахи и торговцы с Монаго. Не было никаких причин подозревать исзмийцев, да и землян — ка-

кой им смысл причинять ему вред? Какой смысл кому бы то ни было убивать его? Он рассеянно почесал голову, с огорчением обнаружив, что шрам, оставшийся от падения в полость корня на Тжиери, никуда не делся.

Путешествие было скучным — монотонные часы прерывались лишь трапезами и периодами сна, которые каждый пассажир мог назначать по собственному желанию. Чтобы избавиться от скуки, а может быть, потому, что скука не давала думать ни о чем другом, Фарр затеял невинный флирт с миссис Эндервю. Муж ее был погружен в написание многотомного доклада об успехах миссии на Дана Куури, что на планете Мазен, и появлялся только во время еды, оставляя миссис Эндервю на попечение себя самой и Фарра. Это была очаровательная женщина, с чувственным ртом и провоцирующей полуулыбкой. Усилия Фарра не заходили далее игры ума, теплоты в голосе, многозначительного взгляда или двух — и он был весьма удивлен, когда миссис Эндервю (он так и не запомнил ее имени) однажды вечером спокойно явилась в его каюту с улыбкой пугливой и безрассудной.

Фарр сидел на кровати, моргая.

— Можно войти?

— Вы уже вошли.

Миссис Эндервю медленно кивнула и затворила за собой панель. Фарр вдруг обнаружил, что она гораздо милее, чем он позволил себе заметить, и что она пользуется духами непреодолимой сладости: алоэ, кардамон, лимон.

Она присела рядом и сказала:

— Я так скучаю! — Ночь за ночью Меррит пишет и думает только о своем бюджете. А я — я люблю жизнь...

Приглашение вряд ли могло быть более откровенным. Фарр прикинул так и этак. Он кашлянул. Миссис Эндервю, слегка покраснев, смотрела на него.

Раздался стук в дверь. Фарр вскочил на ноги, словно уже был в чем-то виновен, и отодвинул панель. Снаружи стоял Омон Бозхд.

— Фарр-сайнх, можно вас на секунду? Я понимаю, что сейчас не самое удобное время.

— Да, — сказал Фарр. — Как раз сейчас я занят.

— Дело безотлагательное.

Фарр повернулся к женщине.

— Одну минутку. Я сейчас вернусь.

— Поспешите! — она выглядела очень беспокойно. Фарр с удивлением поглядел на нее и открыл было рот, чтобы заговорить.

— Шш! — предостерегла она. Он пожал плечами и вышел.

— В чем дело? — спросил он изсмийца.

— Фарр-сайнх, вы хотите сохранить жизнь?

— И даже очень, — сказал Фарр. — Но...

— Тогда пригласите меня в каюту. — Омон Бозхд сделал шаг вперед.

— Это едва ли возможно, — сказал Фарр. — И вообще...

— Вы поняли меня или нет? — серьезно спросил изсмиец.

— Нет, — сказал Фарр. — Я хочу, но, видимо, не могу.

Омон Бозхд кивнул.

— Галантность следует отбросить. Давайте войдем в каюту. Времени мало. — Отодвинув панель, он шагнул внутрь. Фарр прошел следом, чувствуя себя очень глупо.

Миссис Эндервью вскочила.

— О! — воскликнула она, заливаясь краской. — Мистер Фарр!

Фарр беспомощно развел руками. Миссис Эндервью попыталась выйти из каюты, но изсмиец загородил ей путь. Он улыбнулся — рот раскололся, обнажая серое небо и дугу острых зубов.

— Прошу вас, миссис Эндервью, не уходите, ваша репутация в безопасности.

— Я не хочу терять время, — резко ответила она. Фарр вдруг увидел, что она совсем не миловидна, что у нее помятое лицо, а глаза злые и себялюбивые.

— Прошу вас, — сказал иззмиец. — Не сейчас. Сядьте, если уютно.

Стук в дверь. Голос, хриплый от бешенства.

— Откройте, эй, вы, там, откройте!

— Конечно же, — сказал Омон Бозхд и широко распахнул панель. В дверном проеме стоял Эндервью, сверкая белками глаз. В руке он держал шуттер, рука его дрожала. Он увидел иззмиюца и плечи его поникли, а челюсти лязгнули.

— Извините, что не приглашаю войти, — сказал Фарр. — У нас слегка тесновато.

Эндервью возобновил атаку.

— Что здесь происходит?

Миссис Эндервью шагнула вперед, держась за перила.

— Ничего, — произнесла она сдавленным голосом. — Совсем ничего. — Она выбралась в коридор.

— Для вас здесь ничего нет, — небрежно сообщил Омон Бозхд Эндервью. — Вам бы следовало присоединиться к вашей даме.

Эндервью медленно повернулся на каблуках и отошел.

Фарр почувствовал слабость в коленях. Он не мог измерить глубину причин, не мог разобраться в водоворотах мотивов и целей... Он сел на койку, краснея от мысли, что его провели, как простака.

— Отличный способ вычеркнуть человека из жизни, — сказал Омон Бозхд. — По крайней мере, не противоречит земным установкам.

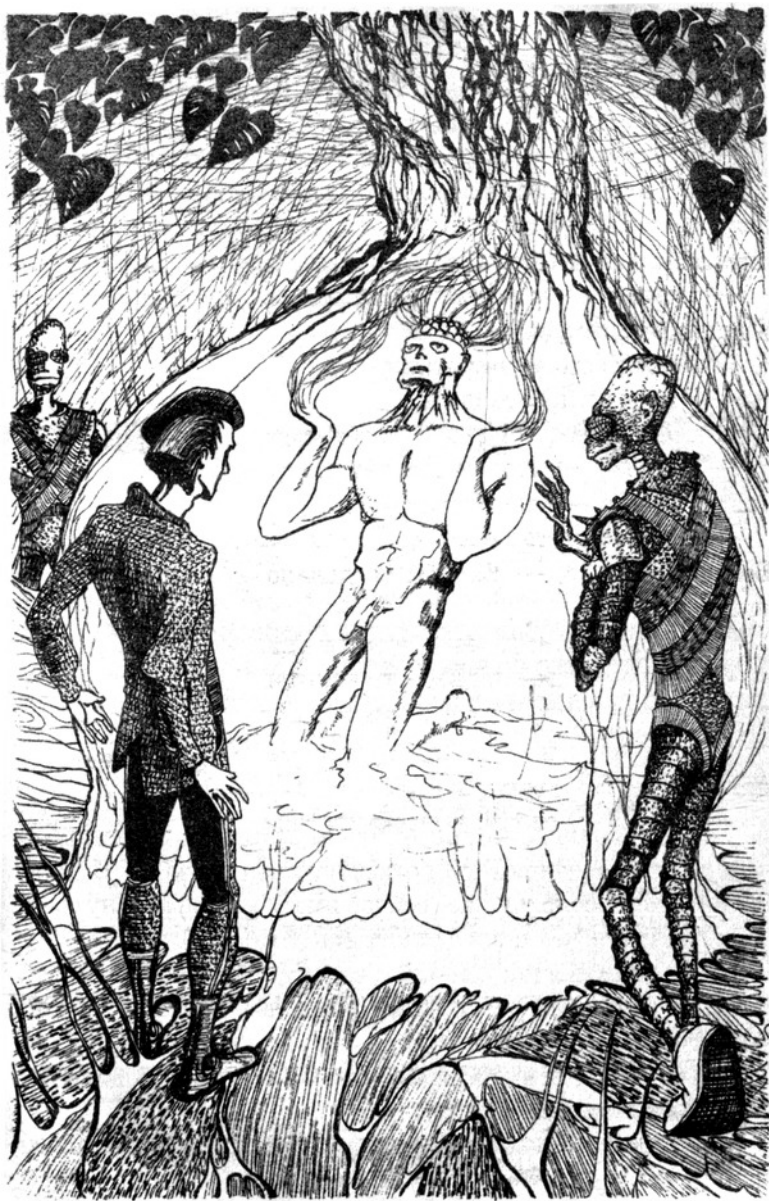
Фарр быстро вскинул глаза, уловив в этом замечании сарказм.

— Что же, вы спасли мою шкуру — по меньшей мере два или три квадратных фута.

— Пустяки, — ответил Омон Бозхд, покачивая несуществующим лорнетом.

— Для меня не пустяки, — сказал Фарр. — Я люблю свою шкуру.

Иззмиец повернулся, чтобы выйти.

— Пойдите, — окликнул его Фарр, поднимаясь. — Я хочу знать, что происходит.

— Все и так очевидно.

— Может быть, я дурак.

Бозхд задумчиво посмотрел на него.

— Наверное, вы слишком близки к происходящему, чтобы увидеть картину целиком.

— Вы — сзекр?

— Все иностранные агенты — сзекры.

— Ладно, что же все-таки происходит? Что от меня нужно Эндервью?

— Они тщательно взвесили пользу и опасность, которую вы можете принести.

— Это совершенно фантастично!

Омон Бозхд сфокусировал на нем обе фракции глаз и заговорил, размышляя:

— Каждая секунда бытия — новый мираж. Осознание ежесекундно ожидающих нас бесчисленных вариаций и возможностей — улицы в будущее. Мы идем по одной из них, но кто знает, куда приведут другие. Это вечное волшебство, таинственная неопределенность в последующие секунды вкупе с минувшей и есть непрерывно разворачивающийся ковер развязки.

— Да, да, — сказал Фарр.

— Разум наш немеет перед чудом жизни, перед мощью ее и величием. — Омон Бозхд отвел наконец глаза. — В сравнении с ней происходящее сейчас имеет не больше внутреннего значения, чем один единственный вздох.

— Вдыхать я могу, сколько захочу, — сказал Фарр жестко. — А умереть могу лишь однажды, так что, видимо, практическая разница тут все же имеется. Очевидно, вы думаете так же, и я признаю, что нахожусь у вас в долгу. Но — почему?

Омон Бозхд помахал отсутствующим лорнетом.

— Конечно, рациональность для исзмийцев — совсем не то, что для землян. Тем не менее мы подчиняемся некоторым инстинктам, таким как благоговение перед жизнью и стремление помогать знакомым.

— Ясно, — сказал Фарр. — Значит, ваш поступок — не более чем дружеская услуга?

Омон Бозхд поклонился.

— Можно сказать и так. А теперь я пожелаю вам спокойной ночи. — Он вышел из каюты.

Фарр в оцепенении опустился на койку. За последние несколько минут чета Эндервью из добродушного миссионера и его привлекательной супруги превратились в пару безжалостных убийц. Но почему? Почему?

Фарр в оцепенении покачал головой. Помощник коменданта, сзекр, упоминал ядовитый шип и отравленное питье: очевидно, на них лежит ответственность и за это. Он гневно вскочил на ноги, подбежал к двери, отодвинул ее и посмотрел вдоль перил. Вправо и влево уходили полосы серого стекла. Наверху такие же перила давали доступ к следующим каютам. Фарр добрался до конца перил и через арку заглянул в комнату отдыха. Двое исзмийцев и двое молодых туристов — санитарных инженеров — играли в покер. Исзмийцы одной парой сегментов смотрели в карты, другой — на противников и выигрывали.

Фарр вернулся. Он поднялся по трапу на верхнюю палубу. Тишину нарушали звуки механизмов — заглушенные вздохи насосов, бормотание вентиляции, неразборчиво болтали в комнате отдыха пассажиры.

Фарр подошел к двери с табличкой «Мэррит и Антея Эндервью» и подождал, прислушиваясь. Он ничего не услышал, ни звуков, ни голосов. Он поднял руку, чтобы постучать, но задержал ее, вспомнив объяснение жизни Омоном Бозхдом — бесконечность улиц в будущее... Он мог постучать, а мог и вернуться к себе в каюту. Он постучал.

Никто не ответил. Фарр поглядел вдоль перил. Еще можно было вернуться. Он тронул дверь. Она открылась. В комнате было темно. Фарр нащупал локтем выключатель, свет залил комнату. Меррит Эндервью жестко сидел в кресле и глядел на него бесстрастными глазами.

Он был мертв. Антея Эндервью лежала на нижней койке, расслабленная и совершенно недвижимая.

Фарр не стал подходить ближе, она тоже была мертва. Шуттер, поставленный на нижний уровень вибрации, гомогенизировал их мозги; их мысли и память превратились в сероватую массу, а улицы в будущее, которые они избрали, рухнули в небытие. Фарр не двигался. Он пытался удержать дыхание, но знал, что беда уже случилась. Он вышел и затворил за собой дверь. Стюардесса, видимо, вскоре обнаружит трупы.

... Через некоторое время он стоял в своей каюте и думал с растущим беспокойством. Он может оказаться в центре подозрений. Этот дурацкий флирт с Антеей Эндервью, возможно, стал уже достоянием гласности. Его присутствие в каюте легко можно установить. На всех предметах в комнате должна остаться пленка от его дыхания, и если никто из пассажиров на борту не обладает той же группой дыхания, все станет ясно.

Фарр решил. Он вышел из каюты и прошел через комнату отдыха. Никто на него не смотрел. Он поднялся по трапу мостика и постучал в дверь каюты капитана.

Капитан Дорристи отодвинул панель. Это был приземистый молчаливый мужчина с косящими черными глазами. За его спиной стоял Омон Бозхд. Фарр заметил, что мускулы щек у него напряглись, а рука сделала движение, словно крутанула лорнет. Внезапно Фарр почувствовал облегчение. Он увернулся от удара, который Омон Бозхд старался ему нанести.

— Двое пассажиров мертвы. Это чета Эндервью.

— Интересно, — сказал Дорристи. — Входите.

Фарр шагнул в дверь. Омон Бозхд глядел в сторону.

— Господин Бозхд сказал мне, что вы убили их, — мягко сказал Дорристи.

Фарр обернулся и взглянул на исзмийца.

— Возможно, он самый искусный лжец на корабле. Он сам все это подстроил.

Посмотрев на одного и на другого, Дорристи ухмыльнулся.

— Он говорит, что вы ухлестывали за этой женщиной.

— Это было лишь вежливое внимание. Путешествие было скучноватым до сегодняшнего дня.

Дорристи взглянул на исзмийца.

— Что вы скажете на это, господин Омон Бозхд?

Исзмиец продолжал вертеть несуществующий лорнет.

— Что-то иное, чем вежливость, привело миссис Эндервью в каюту Фарра.

— Что-то иное, чем альтруизм, заставило Омона Бозхда прийти в мою каюту и не дать Эндервью убить меня.

Омон Бозхд выразил удивление.

— Я ничего не знаю о вашей связи.

Вспыхнув от гнева, Фарр повернулся к капитану.

— Вы ему верите?

Дорристи угрюмо улыбнулся.

— Я не верю никому.

— Вот что произошло. В это трудно поверить, но это правда. — Фарр рассказал ему свою историю. — ... Когда Бозхд вышел, я задумался. Я собирался докопаться до сути тем или иным путем и потому я пришел в каюту Эндервью. Открыв дверь, я увидел, что они мертвы. И сразу же пришел сюда.

Дорристи ничего не сказал, но теперь рассматривал Омона Бозхда пристальнее, чем Фарра. Наконец он пожал плечами и сказал исзмийцу:

— Я опечатаю каюту. Полиция вскрыет ее. Вы получите свои вещи, когда мы вернемся на Землю.

У Омона Бозхда помутнели нижние части глаз. Он небрежно покачал отсутствующим лорнетом.

— Я слышал рассказ Фарра, — сказал он, — он убедил меня в своей искренности. Думаю, что я ошибся. Непохоже, что он способен совершить преступление. Приношу свои извинения. — Он вышел из кабины. Фарр с триумфом глядел ему вслед.

Дорристи взглянул на Фарра.

— Выходит, вы их не убивали?

— Разумеется, нет! — оскорбился ботаник.

— Тогда кто?

— Полагаю, что кто-то из исзмийцев. А почему — не имею ни малейшей догадки.

Дорристи кивнул, затем грубовато пробурчал уголком рта:

— Ладно, разберемся, когда сядем в Барстоу. — Он искав взглянул на Фарра. — Я буду благодарен, если вы поменьше будете об этом говорить. Ни с кем этого не обсуждайте.

— Я и не собирался, — коротко ответил Фарр.

ГЛАВА 8

Т ела сфотографировали и отправили на холодное хранение, каюту печатали. Корабль гудел сплетнями, а Фарр обнаружил, что случай с супругами Эндервью не так-то просто сохранять в тайне.

Земля приближалась. Особых опасений Фарр не испытывал, но беспокойство и ощущение таинственности оставались: почему Эндервью не кому-нибудь, а именно ему устраивали ловушку? Будет ли и на Земле оставаться опасность? Он начал злиться. Эти интриги — не его дело, он не желает в них участвовать. Но неприятное убеждение давило на сознание: он вовлечен, как бы стойко он ни отрицал эту мысль. У него хватало работы: его занятия, тезисы, подготовка стерео, которые он надеялся продать одной из широковещательных сетей.

Но оставалось что-то еще, странная безотлагательность, воздействие чего-то, что непременно следовало сделать. Это тревожило Фарра, вносило в его душу неудовлетворенность. Словно где-то глубоко, глубоко в мозгу оставалась неясная извилина. Это не было связано ни со смертью Эндервью, ни со всем происходившим. Что-то следовало сделать, что-то, о чем он забыл... или не знал никогда?

Омон Бозхд заговорил с ним лишь однажды, подойдя в комнате отдыха. Он сказал:

— Вы должны знать, что находитесь лицом к лицу с угрозой. На земле я буду бессилен вам помочь.

Негодование Фарра еще не прошло.

— На Земле вы, возможно, понесете наказание за убийства.

— Нет, Эйли Фарр-сайнх, мою причастность не докажут.

Фарр взгляделся в его бледное узкое лицо. Исзмиец и землянин, имея различное происхождение, после эволюции подошли к одному гуманоидному приближению: обезьяноподобной амфибии. Но между этими расами никогда не существовало контакта или симпатии. Фарр спросил с любопытством:

— Вы их не убивали?

— Разумеется, человеку с интеллектом Эйли Фарра нет необходимости повторять очевидное.

— Не стесняйтесь, повторяйте. Повторяйте и переповторяйте. Я глуп. Вы их убили?

— С вашей стороны неучтиво требовать ответа на такой вопрос.

— Очень хорошо, не отвечайте. Но зачем вы пытались свалить это убийство на меня? Вы ведь знаете, что я этого не делал. Что вы против меня имеете?

Тонкий рот Омона Бозхда растянулся в улыбке.

— Совершенно ничего. Преступление, если преступление было совершено, никогда бы не приписали вам. Следствие доказало бы вашу невиновность в два или три дня, а вместе с тем выявило бы еще кое-какие детали.

— Почему вы сняли свои обвинения?

— Я увидел, что сделал ошибку. Я всего лишь человек — и далеk от непогрешимости.

Внезапно на Фарра напал гнев:

— Почему вы говорите намеками и недомолвками? Почему не скажите прямо, если вам есть, что сказать?

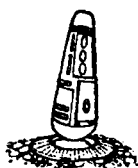
— Фарр-сайнх сам утверждает за меня. Мне нечего сказать. Сообщение, которое я должен был сделать, я сделал. Он не должен ожидать, что я буду кривить душой.

Фарр кивнул и ухмыльнулся.

— В одном вы можете быть уверены: если я найду способ сорвать вам игру, я это сделаю.

С каждым часом Солнце становилось ярче: и с каждым часом Фарр становился ближе к дому. Он не мог заснуть. В желудке образовался кислый комок. Травма головы, замешательство, беспокойство привели к психическому недомоганию. Вдобавок шрам никак не заживал: он болел и чесался. Фарр опасался, что на Исзме в рану попала инфекция. Он встревожился — рисовались картины выпадения волос и приобретения кожей молочно-белого, как у исзмийцев, оттенка. Не исчезла также таинственная внутренняя неудовлетворенность. Он порылся в памяти, пересмотрел день за днем, месяц за месяцем, стараясь выделять и подчеркивать, обобщать и проверять — но без успеха. Он скомкал проблему, все замечания и пометки в один гневный ком и отшвырнул его.

Но, наконец, после самого долгого, самого изводящего из путешествий, какие только совершал Фарр, звездолет «Андре Саймик» вошел в Солнечную Систему.

Солнце, Земля, Луна... Архипелаг ярких круглых островов после долгого пути в море тьмы. Солнце проплыло по одну сторону корабля, Луна промелькнула по другую. Прямо по курсу раскинулась Земля: серая, зеленая, желтовато-коричневая, белая, в облаках и ветрах, в закате и льдах, сквозняках, морозах и пыли — пуп Вселенной, склад, конечная станция, расчетная палата, куда представители внешних рас прибывают как провинциалы.

Была полночь, когда корпус звездолета коснулся Земли. Сквозь дрожь доносились тенор, баритон, бас и многие другие, неведомые человеческому уху голоса генераторов.

Пассажиры ожидали в салоне, и среди них, как выбитые зубы в челюсти, были Эндервью. Нервы каждого, кто неподвижно сидел в креслах или стоял, были напряжены до предела.

Насосы вздыхали, нагнетая внешний воздух. В иллюминаторах светились фонари. Входной люк лязгнул, открываясь: послышались приглушенные голоса, капитан Дорристи впустил высокого человека с резкими, интеллигентными чертами лица, коротко подстриженными волосами и темно-коричневой кожей.

— Это детектив, инспектор Кирди из специальной бригады, — сказал Дорристи. — Он будет расследовать смерть мистера и миссис Эндервю. Прошу оказать ему помощь: от этого зависит, насколько быстро мы освободимся.

Никто не заговорил. С одной стороны, словно ледяные статуи, стояли исзмийцы. Из уважения к земным нарядам они были одеты в брюки и накидки. В выражении их лиц читались подозрение и недоверие, чувствовалось, что даже здесь, на Земле, они намерены хранить от посторонних свои секреты.

Трое младших по званию детективов вошли в комнату, огляделись. Напряжение возросло.

Инспектор Кирди заговорил приятным голосом:

— Я постараюсь вас не затруднять. Я бы хотел поговорить с мистером Омоном Бозхдом.

Омон Бозхд изучал Кирди через зрительный прибор, который на этот раз у него оказался с собой, но, видимо, правое плечо инспектора не содержало никаких полезных сведений, он никогда прежде не посещал Исзм и вообще не путешествовал дальше Луны.

Омон Бозхд сделал шаг вперед и представился. Кирди пригласил его в каюту капитана. Прошло десять минут. В дверях появился помощник.

— Мистер Эйли Фарр!

Фарр встал и последовал за вошедшим.

Кирди и Омон Бозхд сидели лицом друг к другу. Они разительно отличались друг от друга: один — бледный, с аскетическим орлиным профилем, другой — темный, горячий, прямой.

Кирди обратился к Фарру:

— Я хотел бы, чтобы вы выслушали рассказ мистера Бозхда и сказали мне, что вы об этом думаете. — Он обернулся к исзмийцу. — Не были бы вы так добры повторить свое заявление?

— По существу, — сказал Омон Бозхд, — ситуация такова. Еще до вылета с Джеспериано у меня были основания подозревать, что Эндервю замыслили причинить вред Фарр-сайнху. Этими подозрениями я поделился с друзьями.

— С остальными джентльменами с Исзма? — уточнил Кирди.

— Совершенно верно. С их помощью я установил в каюте Эндервью следящую ячейку. Мои опасения оправдались. Они вернулись в каюту и были убиты. Находясь у себя, я был свидетелем происшедшего. Разумеется, Фарр-сайнх не имеет к этому отношения. Он был и есть абсолютно невиновен.

Они внимательно рассматривали Фарра. Тот нахмурился. Неужели он оказался столь простодушен, столь непроницателен?

Омон Бозхд вновь обратил фракцию глаз на Кирди.

— Фарр, как я сказал, совершенно невиновен. Но я счел разумным оградить его от дальнейшей опасности, и потому ложно обвинил его. Разумеется, Фарр-сайнх отказался сотрудничать и предупредил меня. Мои обвинения не вызвали доверия у капитана Дорристи, и я от них отказался.

Кирди повернулся к Фарру.

— Вы продолжаете верить, что Омон Бозхд убийца?

Фарр боролся со злостью.

— Нет, — процедил он сквозь зубы. — Его история до такой степени фантастична, что я в нее верю. — Он посмотрел на исзмийца и спросил:

— Почему раньше вы об этом не говорили? Вы сказали, что все видели. Кто же убил их?

Омон Бозхд вертел в руке свой зрительный прибор.

— Я знаком с вашими процессуальными уголовными законами, — сказал он. — Мои обвинения не обладают достаточным весом, авторитеты потребуют решающих улик. Такие улики существуют. Когда вы их обнаружите, мое заявление станет ненужным, в лучшем случае окажет косвенную помощь.

Кирди обернулся к помощнику:

— Возьмите мазки кожи, образцы дыхания и пота у всех пассажиров.

Когда образцы были собраны, Кирди вышел в середину салона и заявил:

— Я буду спрашивать каждого отдельно. Тем пассажирам, что согласятся давать показания с помощью цефалоскопа, разумеется, будет больше доверия. Напоминаю, что этот прибор не может помочь доказать вину — он способен

лишь подтвердить невиновность. Самое худшее, что он сможет сделать — это не сумеет оградить вас от подозрений. Напоминаю, что многие считают отказ от цефалоскопа не только своим правом, но и моральной обязанностью. Следовательно, те, кто предпочтет давать показания без верификации с помощью инструмента, не должны опасаться предвзятости.

Допрос длился три часа. Вначале ему подверглись измийцы. Они по одному покидали салон и возвращались с одинаковым выражением терпеливого спокойствия на лицах. Затем были допрошены кодайниане, потом монагиане, за ними все прочие неземляне, и, наконец, Фарр. Кирди указал на цефалоскоп.

— Воспользоваться прибором выгоднее прежде всего вам.

— Нет, — сказал Фарр с горькой усмешкой. — Я терпеть не могу разных приспособлений. Можете принимать или не принимать на веру мои показания, как хотите.

Кирди вежливо кивнул.

— Очень хорошо, мистер Фарр. — Он сверился с записями. — Вы впервые встретили Эндервью на Джеспериано, на Исзме?

— Да, — Фарр описал обстоятельства.

— Вы никогда не видели их прежде?

— Никогда.

— Насколько мне известно, во время визита на Исзм, вы были свидетелем набега?

Фарр рассказал об этом случае и о своих дальнейших приключениях. Кирди задал еще один-два вопроса, затем позволил Фарру вернуться в салон.

Один за другим были допрошены оставшиеся земляне: Ральф и Виссеран, супруги Влевски, юные студенты. Остался лишь Пол Бенгстон, седовласый санитарный инженер. Кирди проводил студентов в салон.

— Итак, — сказал он, — цефалоскоп и другие методы позволили снять подозрение со всех допрошенных. Очень существенно, что ни у кого из пассажиров, с которыми я беседовал, компоненты дыхания не совпадают со снятыми с браслета миссис Эндервью.

Все в комнате заволновались. Взоры устремились на Пола Бенгстона, к лицу которого то прилиwała, то отливала кровь.

— Не пройдет ли со мной, сэр?

Тот поднялся, сделал несколько мелких шагов вперед, оглянулся направо, налево, затем прошел вслед за Кирди в каюту капитана.

Прошло пять минут. Затем появился помощник инспектора.

— Мы приносим извинения, что заставили вас ждать. Можете высаживаться.

Комнату отдыха охватил гул. Посреди всеобщей суматохи Фарр сидел неподвижно. Что-то давило изнутри — гнев, разочарование, унижение. Это нарастало и наконец выплеснулось, наполнив разум яростью. Фарр вскочил, пробежал через комнату и поднялся по ступенькам в каюту капитана.

Помощник Кирди остановил его.

— Извините, мистер Фарр, я думаю, вам лучше не вмешиваться.

— Мне все равно, что вы думаете, — огрызнулся Фарр. Он надавил на дверь. Она была заперта. Он стал стучать. Капитан Дорристи отодвинул ее на фут и высунул квадратное лицо.

— Ну? В чем дело?

Фарр уперся рукой в подбородок капитана, толкнул его внутрь. Затем распахнул дверь и вошел в каюту. Дорристи замахнулся, чтобы нанести удар, и Фарр был рад — это давало повод бить в ответ, крушить, калечить. Но один из помощников встал между ними.

Кирди стоял, глядя на Пола Бенгстона. Он повернул голову.

— Да, мистер Фарр.

Дорристи с красным лицом, кипя от негодования и невнятно бормоча что-то, отошел.

— Этот человек — преступник? — спросил Фарр.

Кирди кивнул.

— Улики очевидны.

Фарр взглянул на Бенгстона. Лицо его стало неясным, оплыло, и, казалось, изменилось, как при комбинированных съемках: искренность, добродушный юмор сменились жесткостью и бессердечием. Фарр удивился, как он мог так обмануться. Он подался вперед. Пол Бенгстон встретил его взгляд с неприязненным вызовом.

— Почему? — спросил он. — Почему все это случилось?
Бенгстон не ответил.

— Я хочу знать, — сказал Фарр. — Почему?

Молчание.

Фарр смирил гордыню.

— Почему вы не хотите отвечать? — спросил он снова.

Пол Бенгстон пожал плечами и глуповато рассмеялся.

Фарр стал умолять:

— Это из-за чего-то, что я знаю? Из-за того, что я видел?

Бенгстона охватило нечто похожее на истерию. Он сказал:

— Мне просто не нравится твоя прическа, парень!

И он расхохотался до слез.

— Больше я от него ничего не могу добиться, — мрачно сказал Кирди.

— Что его побудило к этому? — жалобно спросил Фарр.

— Какие причины? Почему Эндервью хотели меня убить?

— Если узнаю, я сообщу вам, — сказал Кирди. — Где я могу вас найти?

Фарр подумал. Что-то ему нужно было сделать... Это придет к нему в свое время.

— Я собираюсь в Лос-Анджелес. Остановлюсь в отеле «Император».

— Дурак! — сказал Бенгстон.

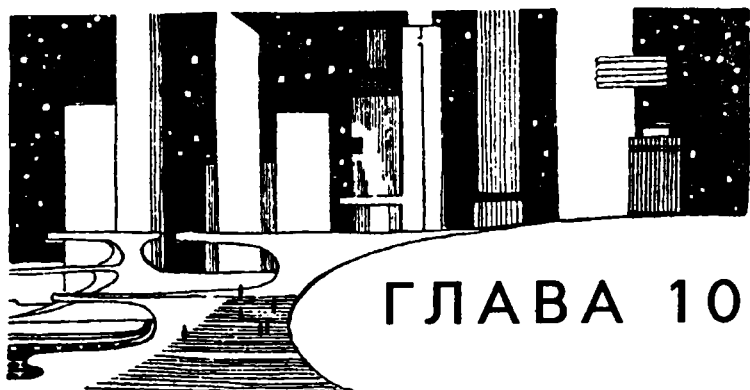
Фарр сделал полшага к нему и замахнулся.

— Полегче, мистер Фарр! — сказал Кирди. — Я вам сообщу.

Фарр взглянул на Дорристи. Дорристи кивнул.

— Ничего, не стоит извиняться.

ГЛАВА 10

Когда Фарр вернулся в комнату отдыха, пассажиры уже высадились и теперь проходили через иммиграционную контору. Фарр заторопился вслед, его охватил приступ клаустрофобии — звездолет «Андре Саймик», величественная птица космоса, превратился вдруг в клетку, в стальной гроб. Фарр не имел больше сил ждать; он должен был скорей ступить на твердую землю.

Наступило утро. Порыв ветра дунул в лицо, принесся запах шалфея и пустынную пыль, и мерцали звезды, тускнея на востоке. На верхней площадке трапа Фарр машинально посмотрел вверх, разыскивая Кси Ауригью. Вон там — Капелла, а вокруг нее вращается яркая звезда и рядом — Изсм. Фарр спустился по трапу и ступил на асфальт. Он вновь был на Земле. В голове неожиданно и быстро вспыхнула мысль: конечно же, подумал он, успокаиваясь, ему нужно повидать этого человека, К. Пенче.

Но не сейчас. Завтра. Сначала в отель «Император». Ванна. Сто галлонов горячей воды. И сто галлонов скотча — «ночной колпак». И — в постель.

Подошел Омон Бозхд.

— Было приятно с вами познакомиться, Фарр-сайнх. И мой совет вам — будьте осторожны. Я боюсь, что вы еще в очень большой опасности.

Он поклонился и отошел. Фарр проводил его взглядом. У него не было желания смеяться над предостережением. Он быстро оформил въезд и отправил багаж в «Император». Обогнув ряд гелимобилей, он вошел под свод общественного туннеля. Под ногами появился диск (он всегда вызывал вибрацию в шахте, и постоянно возникала мысль: а что, если на этот раз он не появится?).

Диск медленно остановился. Фарр заплатил за проезд в док на одноместной машине, сел, набрал на пульте место назначения и развалился на сиденье. Он не мог разобраться с мыслями. В памяти оживали картины недавнего прошлого: районы космоса, Изсм, Джеспиано, многостручковые дома. На борту «Лхайза» он шел к атоллу Тжиери. Он вновь испытывал ужас набега на поля Патасза, падение в темницу-корень, заключение в паре с тсордом. Он вспомнил поведение жуткого островка для экспериментов Патасза... Картины сменяли одна другую, и они были отчетливы, хотя Изсм остался далеко, во многих световых годах отсюда.

Гудение машины убаюкало его. Веки отяжелели, он задремал.

Он заставил себя проснуться, заморгал. Все происшедшее казалось призрачным, фантазмагоричным. Но так было на самом деле. Фарр пытался собраться с мыслями, но разум отказывался рассуждать и строить планы. Здесь в туннеле, в самом обычном туннеле, убийство казалось невозможным.

На Земле ему мог помочь один человек — К.Пенче. Земной агент по продаже домов Исзма, человек, которому Омон Бозхд вез плохие новости.

Машина вздрагивала, ревела и неслась по главному туннелю к океану. Дважды она притормаживала в лабиринте местных ответвлений и, наконец, остановилась.

Дверца распахнулась, и служитель в форме помог ему выйти. Он зарегистрировался в будке со стереозэкранами: лифт поднял его на двести футов до поверхности, затем еще на пятьсот футов до этажа, на котором находилась его ком-

ната. Он оказался в длинном зале, где преобладали уютные оливково-зеленый, соломенный, красновато-коричневый и белый тона. Одна стена была из стекла, и отсюда открывался вид на Санта Моника, холмы Биверли и океан. Фарр довольно вздохнул. Дома Исзма, во многих отношениях более замечательные, никогда не смогут заменить ему отель «Император».

Фарр принял ванну и плавал в горячей воде, приятно пахнувшей глиной. Ритмично выбрасывались и прохладные струи, массируя ноги, спину, ребра, плечи... Он едва не заснул. Дно ванны поднялось, поворачивая его вертикально, и поставило на ноги. Потоки воздуха высушили тело; лучи солнечной лампы быстро придали коже приятный загар.

Он вошел в комнату и нашел высокий сосуд скотча с содовой на сто галлонов, постоял у окна, потягивая виски и наслаждаясь чувством крайней усталости.

Солнце взошло. Его свет, словно прилив, затопил огромные просторы города. Где-то там, где находился прежде Сигнальный холм, а теперь размещался богатый район, жил К. Пенче. Фарр вдруг почувствовал замешательство. «Странно, — подумал он, — почему с ним должно быть связано решение всего?» Ладно, в этом он разберется, когда увидит этого человека.

Фарр поляризовал окно, и свет в комнате погас. Он установил сигнализатор стенных часов на полдень, упал на кровать и заснул.

Когда окно деполяризовалось и дневной свет залил комнату, Фарр сел в кровати и искал меню. Он заказал кофе, грейпфрут, бекон и яйца, затем соскочил с кровати и подошел к окну. Величайший город мира простирался, насколько хватало глаз. Белые шпили пронзали городскую дымку, повсюду суетилась и вибрировала торговля и жизнь.

Стена вытолкнула стол с завтраком. Фарр отвернулся от окна, уселся, стал есть и смотреть новости по стереоэкрану. Через минуту он позабыл о своих заботах. За долгое время отсутствия он был лишен возможности следить за происходящим. События, которые год назад его не интересовали,

теперь казались значительными. Он почувствовал упоение. Это было хорошо — находиться дома, на Земле.

Голос с экрана сказал:

— А теперь сообщения из открытого космоса. Только что стало известно, что на борту пакетбота серии «Красный шар» «Андре Саймик» погибли двое пассажиров, выдававших себя за миссионеров, возвращающихся со службы в со-
звездии Матрэм...

Фарр смотрел, забыв о завтраке. Упоение исчезло.

Голос излагал суть происшествия. Экран смоделировал звездолет: сначала внешний вид корабля, затем камера про-
бралась внутрь и направилась прямо к «роковой каюте». Как мил и непосредственен был комментатор! Каким второстепенным и незначительным выглядело событие в его изложении!

— ... Как установлено, обе жертвы и убийца принадлежали к преступной корпорации «Плохая погода». Очевидно, они посетили Исзм, третью планету Кси Ауригью с целью похитить женскую особь дома.

Голос прервался. Появилось изображение супругов Эндервю и Пола Бенгстона.

Фарр выключил экран и убрал столик обратно в стену, затем встал и вновь подошел к окну взглянуть на город. Нужно было срочно встретиться с К.Пенче.

Из стенного шкафа он извлек белье, бледно-голубой волонистый костюм, новые сандалии. Одеваясь, он намечал, как проведет этот день. Прежде всего, конечно, Пенче... Фарр призадумался, застегивая сандалии. Что он должен сказать ему? И вообще, какое отношение Пенче может иметь к его заботам? Что он может сделать? Его монополия зависит от исзмийцев: он вряд ли рискнет противодействовать им.

Фарр вздохнул и отбросил раздражающие размышления. Идти было нелогично, но наверняка совершенно правильно. Он был уверен в этом, он чувствовал это всем нутром.

Закончив одеваться, он подошел к стереоэкрану и набрал оффис К.Пенче. Появилась эмблема фирмы Пенче — обычный импортный дом Исзма с вертикальными полосами массивных букв: «К.Пенче-дома». Инстинктивно, на всякий

случай, Фарр не стал нажимать на кнопку, которая бы включила его изображение на экране К.Пенче.

Женский голос произнес:

— Предприятие К.Пенче.

— Это... — Фарр помедлил и решил не называть своего имени. — Соедините меня с К.Пенче.

— Кто говорит?

— Мое имя — тайна.

— Какое у вас дело?

— Тайна.

— Я соединяю вас с секретарем Пенче.

Появилось изображение секретаря. Это была молодая, томная, обаятельная женщина. Она взглянула на экран.

— Пришлите, пожалуйста, свое изображение.

— Нет, — сказал Фарр. — Соедините меня с К.Пенче. Я буду говорить непосредственно с ним.

— Боюсь, что это невозможно, — сказала секретарша. — Это противоречит правилам нашего учреждения.

— Сообщите мистеру Пенче, что я только что прибыл с Исзма на борту «Андре Саймика».

Секретарша отвернулась и заговорила в микрофон. Через секунду ее изображение растаяло, и на экране появился К.Пенче. У него было крупное, властное лицо. В глубоких прямоугольных впадинах пылали глаза, бугры мускулов обрамляли рот. Брови изгибались в сардонические дуги; выражение их не было ни приятным, ни неприятным.

— Кто говорит? — спросил он.

Ответ всплыл из глубины мозга, как пузыри со дна темной цистерны. Это были слова, которые он никогда не собирался произносить.

— Я прилетел с Исзма. Я достал... — Фарр слушал себя с изумлением. Слова пришли опять. — Я прилетел с Исзма... — он изо всех сил стиснул зубы.

— Кто это? Где вы?

Фарр откинулся, выключил экран и бессильно рухнул в кресло. Что это было? Он ничего общего не имел с Пенче. Он ничего не имел для Пенче. «Ничего», естественно, означало женскую особь дома. Фарр мог быть наивным, но не до такой

степени. У него не было ни дома, ни саженца, ни побега, ни семени, ни черенка.

Зачем ему необходимо было увидеть Пенче? Пенче не сможет помочь ему, но голос из другой части мозга доверительно шептал: «Пенче известны все нити, он даст добрый совет...» «Ну что ж, — вяло подумал Фарр. — Вполне может оказаться и так.»

Фарр расслабился. Да, конечно — это могло быть его мотивом. Но, с другой стороны, Пенче — бизнесмен, зависящий от Исзма. Если Фарру и следовало к кому-нибудь обращаться, то лишь в полицию, в спецбригаду.

Он сидел, почесывая подбородок. Конечно, ничего страшного не случится, если он его повидает... Да и гора с плеч...

Фарр вскочил с возмущением. Это было бессмысленно. Зачем ему надо видеть Пенче? Хоть бы одну логичную причину... Причин не было вообще. Он принял окончательное решение: он ничего общего не имеет с Пенче.

Он покинул комнату, прошел в главный коридор отеля и подошел к стойке, чтобы получить деньги по банковскому купону. Изображение отправили в банк, ждать нужно было всего несколько секунд. Фарр барабанил пальцами по углу стойки. Рядом с ним дородный мужчина спорил с клерком. Мужчина хотел передать постояльцу сообщение, к чему клерк относился скептически. Мужчина стал гневно выкрикивать слова; клерк стоял за стеклянным бастионом, чопорный, привередливый и качал головой. Уверенный в своих силах, защищенный правилами и инструкциями, он наслаждался.

— Если вы не знаете его имени, почему вы уверены, что он проживает в нашем отеле?

— Я знаю, что он здесь, — сказал мужчина. — Это очень важно, чтобы он получил сообщение.

— Очень странно, — размышлял клерк. — Вы не знаете, как он выглядит, вы не знаете его имени... Вы легко можете свое сообщение передать не по адресу.

— Это мое дело.

Клерк с улыбкой покачал головой.

— Очевидно, все, что вам известно, это что он прибыл в пять утра. В это время у нас остановились несколько гостей.

Фарр подсчитал деньги. Беседа вторглась в сознание. Он замер с раскрытым бумажником в руке.

— Этот человек прибыл из космоса. Он только что высадился с «Андре Саймика». Теперь вы понимаете, кого я имею в виду?

Фарр тихо отошел. Он совершенно ясно представлял, что случилось. Пенче выяснил, откуда шел вызов: для него это было важно. Он послал человека в «Император», чтобы установить с ним контакт. Из дальнего угла комнаты он наблюдал, как крупный мужчина в ярости отошел от стойки. Фарр знал, что на этом он не остановится. Кто-нибудь из боев или горничных информирует его за деньги.

Фарр отошел к двери и оглянулся. Женщина с невыразительной внешностью шла вслед за ним. Он встретился с ней взглядом, она отвела глаза. В походке ее случилась едва заметная заминка, но и без того подозрения Фарра уже возросли до предела. Женщина быстро прошла мимо, ступила на ленту у выхода и, миновав парк с орхидеями возле отеля, выехала на Бульвар Заката.

Фарр направился следом, стараясь не потерять ее в толпе. Он поравнялся с транспортным навесом и свернул налево к стоянке гелитакси. Ближайший экипаж, стоявший под навесом, был пуст. Фарр вскочил и сказал наугад:

— Лагуна Бич.

Экипаж взлетел. Фарр смотрел в иллюминатор. В сотне ярдов за кормой поднялся еще один экипаж.

— Сверни к Риверсайд, — сказал Фарр водителю.

Экипаж позади тоже повернул.

— Высади меня здесь, — сказал Фарр.

— Южные ворота? — спросил водитель, подозревавший, наверное, что у Фарра не все дома.

— Да. Южные ворота.

Не очень далеко от офиса Пенче, подумал Фарр. Совпадение.

Экипаж опустил. Фарр заметил, что преследовавший их экипаж не отставал. Он не испытывал особых опасений:

отделаться от хвоста — дело крайне простое, это может легко сделать даже ребенок, который смотрит стерео.

Белая стрелка указывала вход в подземку. Фарр вошел в шахту. Диск подхватил его и мягко закачался, остановившись. Подземку сделали будто специально для того, чтобы можно было избавиться от тени. Он набрал место назначения и удобно уселся в кресле. Машина разгонялась, гудела, тормозила, покачивалась. Дверца открылась. Фарр вылез и на лифте поднялся на поверхность. Он заметил следы и замер — что же он делает? Это ведь Сигнальный Холм, некогда утыканный нефтяными вышками, а теперь потерявшийся под валами экзотической зелени: десять миллионов деревьев и кустарников, окутывавших особняки и дворцы. Здесь были бассейны, водопады и тщательно ухоженные клумбы с цветами: алый гибискус, пламенно-желтый флажок, гардения цвета сапфира, — в сравнении с этим висят сады Семирамиды были ничто. Бейль-Эйр казался помойкой, а Топанга — выскочкой.

В общей сложности К. Пенче владел двенадцатью акрами Сигнального Холма. Свой земли он расчистил, не обращая внимания на протесты и вежливые просьбы и побеждая на судебных процессах. Ныне Холм был переполнен домами-деревьями с Исзма, шестьюдесятью разновидностями четырех основных типов, единственным, что ему было позволено продавать.

Фарр медленно брел вдоль тенистой аркады, которая прежде звалась Атлантик-Авеню. Интересно, — думал он, — что совпадение все же привело его сюда. Что ж, он ведь был рядом, и может быть, повидать Пенче — неплохая идея.

— Нет! — сказал упрямо Фарр. Он принял решение, и никакое иррациональное побуждение не заставит его передумать. Странное дело, невзирая на огромную величину Лос-Анджелеса, он оказался почти у дверей К. Пенче. Слишком странно, слишком мало шансов на случайность. Видимо, работало подсознание.

Он оглянулся. Возможно, никто не следил, но минуту или две он вглядывался в сотни людей, проходивших мимо, молодых и старых, в нарядах всех фасонов, величин и цветов.

По неуловимым признакам он выделил стройного человека в сером костюме: тот создавал странное впечатление. Фарр изменил направление, бросился в лабиринт открытых магазинов и киосков под аркадой, подошел к кафетеррию, утопавшему в тени пальмовых листьев, и спрятался за стеной зелени.

Прошла минута. Наконец появился человек в сером костюме: он спешил. Фарр вышел и тяжелым взглядом уставился в холодное, напмаженное лицо.

— Не меня ли вы ищете, мистер?

— Чего ради? — сказал человек в сером костюме. — Я вас никогда в жизни не видел.

— Надеюсь, и я больше вас не увижу, — сказал Фарр. Он отправился к ближайшей шахте и сел в машину. Подумав минуту, он набрал Альтадену. Машина загудела. Фарр неудобно сидел на краешке кресла. Как они сумели его выследить? В туннеле? Немыслимо.

На всякий случай он снял Альтадену и набрал Помону.

Через пять минут он бесцельно брел по бульвару Долины. Еще через пять минут он засек хвост — молодого рабочего с пустым лицом. «Или я сошел с ума? — спросил себя Фарр. — Или у меня развилась мания преследования». Он задал тени суровую задачу, обходя кварталы, словно искал какой-то конкретный дом. Молодой рабочий не отставал.

Фарр зашел в ресторан, вызвал по стереозкрану специальную бригаду и попросил, чтобы его соединили с инспектором Кирди. Тот вежливо приветствовал Фарра. Он отрицал, что приставил к нему человека, но, похоже, заинтересовался этим сообщением.

— Подождите немного, — сказал он. — Я свяжусь с другими департаментами.

Прошло три или четыре минуты. Фарр увидел, что безликий молодой человек вошел в ресторан, занял местечко по укромнее и заказал кофе.

Кирди вернулся.

— Мы не имеем к этому отношения, — сказал он. — Возможно, частное агентство.

Фарр выглядел разочарованным.

— Я могу что-нибудь предпринять?

— Вам досаждают все это время?

— Нет.

— Мы ничего не можем сделать. Спуститесь в туннель, стряхните его.

— Я спускался в туннель дважды — они не отстают.

Кирди был в замешательстве.

— Надеюсь, позже они расскажут мне, как этого добились. Мы, например, более не следим за подозреваемыми — они слишком легко нас смахивают.

— Я попытаюсь еще раз, — сказал Фарр. — А затем будет фейерверк.

Он вышел из ресторана. Молодой человек допил кофе и быстро вышел следом.

Фарр спустился в туннель. Он ждал, но молодой человек не появлялся. Это было уже слишком. Он вызвал машину и оглянулся вокруг. Вообще никого не было поблизости. Фарр сел и набрал Венча. Машина тронулась. Разумного способа, каким его могли бы выследить в туннелях, не существовало.

В Венча его тенью оказалась привлекательная молодая домохозяйка, якобы вышедшая за покупками.

Фарр забрался в шахту и отправился на Лонг-Бич. Там оказался стройный человек в сером костюме, который впервые привлек его внимание на Сигнальном Холме. Он был непробиваем, когда Фарр узнал его, и безучастно пожал плечами, словно хотел сказать: «А чего вы ждали?» Сигнальный Холм опять оказался неподалеку, в какой-нибудь миледвух. Может быть, это все же хорошая мысль — в конце-концов заглянуть к Пенче.

— Нет!

Фарр зашел в кафе внутри аркады, сел на виду у «хвоста» и заказал сандвич. Человек в опрятном сером костюме уселся за столик неподалеку и запасся чаем со льдом. Фарру очень захотелось выколотить правду из этой ухоженной физиономии. Но не стоит: можно кончить тюрьмой. Кто организовал эту слежку? Пенче? Фарр сразу же отбросил эту мысль. Человек Пенче появился в гостинице, когда он уходил, и ему тогда удалось уклониться от встречи.

Кто же тогда? Омон Бозхд?

Фарр сидел неподвижно, затем рассмеялся — громким, чистым, пронзительным смехом. Люди удивленно оглядывались. Человек в сером бросил на него осторожный, оценивающий взгляд. Фарр продолжал сотрясаться от хохота, сбрасывая нервное напряжение. Хотя бы раз подумать об этом, а ведь все было так ясно, так просто!

Он взглянул на потолок аркады, представив небо над ним. Где-то в нем, в пяти или десяти милях, висел аэробот. А внутри сидел измиец с чувствительным зрительным прибором и радио. Куда бы ни направился Фарр, радиант в левом плече посылал сигнал. В экране-лорнете он был виден не менее отчетливо, чем маяк.

Он подошел к стереозкрану и вызвал Кирди. Тот крайне заинтересовался его догадкой.

— Я слышал об этом способе. Очевидно, они так и сделали.

— Да, — сказал Фарр. — Очевидно. Как бы мне от них избавиться?

— Одну минуту. — Прошло пять минут. Кирди вернулся к экрану. — Оставайтесь на месте, я пришлю к вам человека.

Посыльный вскоре прибыл. Фарр прошел в туалет и перевязал плечо и грудь плетеной металлической тесьмой.

— Ну, а теперь, — зловеще сказал он себе, — теперь посмотрим!

Стройный человек в сером костюме беззаботно проводил его до туннеля. Фарр набрал Санта Монику.

На станции Сушен-Авеню он вышел на поверхность, прошел вперед по бульвару Уиллишир, затем назад в направлении Биверли Хиллз. Он был один. Он использовал все уловки, о которых знал. Никто за ним не следил. Он зашел в Клуб Единорога — просторный, пользующийся дурной репутацией салон с приятным старомодным запахом опилок, воска и пива. Он подошел прямо к стереозкрану и вызвал отель «Император». Да, для него было сообщение. Клерк включил запись, и в следующую секунду Фарр глядел в массивное сардоническое лицо Пенче. Густой хриплый голос звучал примирительно: слова были тщательно подобраны и взвешены.

— Я хотел бы повидать вас при ближайшем удобном для вас случае, мистер Фарр. Мы оба понимаем, что необходимо благоразумие. Я уверен, ваш визит принесет выгоду нам обоим. Я буду ждать вас.

Запись кончилась, появился клерк.

— Должен ли я стереть или зарегистрировать, мистер Фарр?

— Стереть, — сказал Фарр. Он покинул кабину и направился в дальний конец бара. Бармен задал традиционный вопрос:

— Что тебе, брат?

— «Вена Штадтбрау», — заказал Фарр.

Бармен повернулся, крутанул колесо, разрисованное виноградной лозой и пестрое от этикеток. Сто двадцать положений колеса соответствовали ста двадцати бакам. Он подставил глиняную кружку, и в нее ударила струя темной жидкости. Бармен выжал группу до конца и поставил кружку перед посетителем.

Фарр сделал большой глоток и расслабился. Он потер лоб.

Он был в замешательстве. Происходило что-то очень странное. Пенче выглядел достаточно благоразумным. В конце концов, возможно, это неплохая идея — Фарр вяло отбросил эту мысль. Удивительно, как много масок находит это побуждение! Трудно оградить себя от них. Прежде всего нужно объявить для себя вето на любую деятельность, которая включала бы визит к Пенче. Во избежание компромисса — оцепенение, контрпобуждение, которое оденет оковы на свободу действий. Кутерьма. Как может человек думать ясно, если подсознательный толчок не отличает от сознательных чувств?

Фарр заказал еще пива. Бармен повиновался. Это был маленький коротышка со щеками-яблоками и тонкими усами. Фарр вернулся к своим мыслям, представлявшим интересную психологическую проблему, и при других обстоятельствах Фарр занялся бы ей с удовольствием. Он попытался объяснить это. «Что пользы мне видеть Пенче? Он гонится за выгодой. Или он уверен, что у меня есть то, что ему нужно?» Это могла быть только женская особь дома.

У Фарра ее не было. Следовательно, ему не было никакого смысла встречаться с Пенче.

Но до конца он был неудовлетворен, понимая, что упрощает положение вещей. Изсмийцы тоже замешаны в деле, и они тоже уверены, что у него есть женская особь дома. Пока они следили за ним, их не интересовало, где он должен скрывать эту гипотическую особь.

Пенче, естественно, не хочет, чтобы они об этом узнали. Если изсмийцы узнают, что Пенче участвует в деле, первое, что они сделают — разорвут договор. Или даже убьют его.

К.Пенче играет на высокие ставки. Во-первых, он мог бы выращивать собственные дома. Они стоили бы ему долларов двадцать-тридцать, а продавал бы он их в любом количестве по две тысячи за штуку. Он бы стал богатейшим человеком во Вселенной, богатейшим человеком в истории Земли. Моголы Древней Индии, магнаты викторианской эпохи, нефтяные короли, Пан-Евразийские синдикаты в сравнении с ним выглядели бы нищими.

Это было во-первых. Во-вторых, Пенче, вполне возможно, мог бы лишиться монополии. Фарр вспомнил его лицо, хрящеватый рот, нос челноком, глаза, словно закопченные стеклянные окошки в стенке доменной печи. Фарр инстинктивно понял позицию.

Это была бы интересная борьба. Пенче, возможно, недоучел проницательного мозга изсмийцев, фанатического усердия, с которым они защищают свое добро. Вероятно, и они недооценили могучего богатства Пенче и гениальности земных технологов. Древний парадокс: неистощимая сила и несокрушимый объект. «И я, — подумал Фарр, — я между ними. Если я не выскочу, меня, очень может быть, раздавят. — Он задумчиво приложился к пивной кружке. — Если бы я знал точно, что происходит, если бы знал, как ухитрился впутаться в эту историю, я бы нашел способ выскочить. Еще бы — ведь я обладаю такой силой! Или это лишь кажется».

Фарр опять потребовал пива. Внезапно он резко обернулся и оглядел бар. Никто не следил за ним. Фарр взял кружку и отправился к столику в темном углу.

Ситуация — по крайней мере вовлеченность Фарра — начала проявляться с момента набега тсордов на Тжиери. Фарр возбудил подозрения исзмийцев: они арестовали его. Он делил заключение с уцелевшим тсордом. По полости корня исзмийцы пустили гипнотический газ. Наверняка они изучили его вдоль и поперек, изнутри и снаружи, разум и тело. Если бы он был соучастником, если бы прятал при себе побег или семя, они бы узнали это.

«Что же они сделали на самом деле?» Его освободили, ему облегчили возвращение на Землю. Он стал приманкой, живцом.

А на борту «Андре Саймика» — что все это значило? Предположим, они поняли опасность, которую представляет Фарр, и решили убрать его. А как насчет Бенгстона? Возможно, его функции заключались в том, что он шпионил за ними обоими. Он убил Эндервью, либо защищая интересы Пенче, либо, чтобы завладеть большим куском добычи. И провалился. Теперь он под охраной специальной бригады.

Выстроившаяся картина была гипотетической, умозрительной, но приводила к логическому заключению: К.Пенче организовал налет в Тжиери. Ему же принадлежал металлический крот, который на глубине тысячи ста футов разрушила затем металлическая оса. Налет едва не увенчался успехом. У исзмийцев, должно быть, тряслись поджилки. Они теперь без передышки будут выслеживать организаторов налета. Несколько смертей не значат ничего. Деньги тоже не значат ничего. И Эйли Фарр не значит ничего.

Легкий холодок пробежал по спине.

Очаровательная блондинка в сером наряде из блестящей кожи задержалась возле столика.

— Эй, Чарли! — Ее волосы были рассыпаны по плечам. — Ты что такой унылый? — И она упала в кресло рядом с ним.

Мысли Фарра забрели уже на беспокойную территорию, и появление девушки его испугало. Он смотрел на нее, и ни единый мускул на его лице не шевелился. Прошло пять, десять секунд.

Она заставила себя рассмеяться и поежилась в кресле.

— Ты выглядишь так, будто таскаешь в голове все беды мира.

Фарр осторожно поставил пиво на стол.

— Я пытаюсь выбрать лошадь, — сказал он.

— В такой духоте? — Воткнув в рот сигарету, она вытянула губы. — Дай-ка огоньку!

Фарр зажег сигарету, рассматривая девушку из-под век, обдумывая каждую деталь ее внешности, стараясь поймать на фальши, на нетипичной реакции. Он не заметил, как она вошла, и не видел, чтобы где-нибудь на столе оставался ее недопитый бокал.

— Со мной можно разговаривать за выпивкой, — беззаботно сказала она.

— А что будет после того, как я куплю тебе выпивку?

Она смотрела в сторону, избегая встретиться с ним глазами.

— Я думаю... Я думаю, это тебе решать.

В еще более резких терминах Фарр осведомился у нее — сколько. Она покраснела, все еще глядя в противоположную стену бара, затем заволновалась:

— Я думаю, ты ошибся. Или я ошиблась... Я думала, ты будешь так добр — поставишь выпивку...

Фарр спросил:

— Ты работаешь на бар? На должности?

— Конечно, — ответила она чуть ли не агрессивно. — Это отличный способ провести вечер. Иногда встречаешь хорошего парня... Что у тебя с головой? — Она подалась вперед, вглядываясь. — Кто-нибудь стукнул?

— Если я расскажу тебе, где раздобыл этот шрам, — сказал Фарр, — ты назовешь меня лгуном.

— Валяй, попробайся.

— Некоторые люди на мне помешались. Они подвели меня к дереву и втокнули внутрь. Я падал в корень две или три сотни футов. А по пути расцарапал голову.

Девушка смотрела на него искоса, губы ее растянулись в кривую улыбку.

— А на дне ты повстречал маленьких розовых человечков с зелеными фонариками. И большого белого пушистого кролика.

— Я же тебе говорил! — сказал Фарр.

Она наклонилась к его виску.

— Тебе идут длинные серые волосы.

— Я их надеюсь сохранить, — сказал Фарр, убирая голову.

— Успокойся, — она холодно смотрела на него. — Ты что, очень спешишь? Или я должна рассказать тебе историю своей жизни?

— Одну минуту, — сказал Фарр. Он встал и направился к бару. Он указал бармену:

· — Блондинка за моим столом, видите ее?

Бармен взглянул.

— И что?

— Она часто здесь болтается?

— Впервые в жизни вижу.

— А разве она не работает у вас на должности?

— Брат, я же тебе сказал. Я вижу ее впервые в жизни.

Фарр вернулся к столу. Девушка молчала и барабанила пальцами по столу. Фарр пристально посмотрел на нее.

— Ну? — буркнула она.

— На кого ты работаешь?

— Я тебе сказала.

— Кто тебя ко мне подослал?

— Не говори ерунды. — Она попыталась подняться. Фарр схватил ее за запястья.

— Пусти! Я закричу!

— Очень надеюсь, — сказал Фарр. — Я бы хотел увидеть кого-нибудь из полиции. Сиди тихо, или я сам их позову.

Она медленно опустилась в кресло, затем подалась к нему, подняв лицо вверх и обвив ладони вокруг его шеи.

— Я так одинока! Честное слово. Я вчера приехала из Сиэттла, не знаю здесь ни души. Поэтому не будь со мной таким... мы могли бы так понравиться друг другу... Правда?

Фарр ухмыльнулся.

— Сначала поговорим, а потом будем нравиться.

Что-то ранило его, что-то сзади, на шее, где касались ее пальцы. Он моргнул и схватил ее за руки. Она вскочила, вырвалась, глаза ее светились радостью.

— А теперь, что ты теперь будешь делать?

Он рванулся к ней; она отпрянула, лицо ее стало озорным. Глаза Фарра наполнились слезами, в суставах появилась слабость. Он зашатался, столик опрокинулся. Бармен взревел и выскочил из-за стойки. Фарр сделал два неверных шага вслед девушке, которая спокойно направилась к выходу. Бармен загородил ей дорогу.

— Одну минуту!

В ушах крик. Фарр услышал, как девушка чопорно произнесла:

— Пропустите меня! Он пьян. Он оскорбил меня... каких только гадостей не наговорил.

Бармен смотрел свирепо и нерешительно.

— Что-то непонятное здесь происходит.

— Тем более — не впутывайте меня в эту историю!

Колени Фарра подогнулись; сухой комок заполнил горло, рот. Он чувствовал вокруг движение, чувствовал осторожные ладони на теле, и слышал очень громкий голос бармена: «В чем дело, Джек? Что случилось?» Разум Фарра был уже не здесь, а за оградой из переплетенных стеклянных ветвей. Голос рвался из горла:

— Вызовите Пенче... Вызовите К.Пенче...

— К.Пенче, — произнес кто-то тихо. — Парень спятил.

— К.Пенче... — бормотал Фарр. — Он заплатит... Позовите его, скажите ему — Фарр...

ГЛАВА 11

Эйли Фарр умирал. Он погрузился в красный и желтый хаос фигур, они толпились и качались вокруг. Когда движение прекратилось, когда фигуры вытянулись и улетели, когда алые и золотые цвета расплылись и погрузились во тьму, Эйли Фарр, видимо, скончался.

Он видел, как приходит смерть, — словно сумерки вслед закату жизни... Внезапно он почувствовал неуютность, разлад. Яркий взрыв зелени нарушил гармонию красного, розового и голубого...

Эйли Фарр вновь ожил.

Доктор выпрямился и отложил шприц.

— Еще бы чуть-чуть, — сказал он, — и все.

Конвульсии прекратились, Фарра милосердно лишили сознания.

— Кто этот парень? — спросил патрульный.

Бармен скептически взглянул на Фарра.

— Он просил вызвать Пенче.

— Пенче? К.Пенче?

— Так он сказал.

— Ладно. Позовите его. В крайнем случае он на вас может только накричать, не больше.

Бармен отправился к экрану. Патрульный посмотрел на доктора, который все еще стоял на коленях перед Фарром.

— Что с ним стряслось?

Доктор пожал плечами.

— Трудно сказать, какая-то женская болезнь. В наши дни существует столько всякой дряни, которой можно напичкать человека...

— Ссадина у него на голове...

Доктор взглянул на череп Фарра.

— Нет. Это старая рана. Его укололи в шею, вот отметка.

Бармен вернулся.

— Пенче говорит, что он уже в пути.

Они посмотрели на Фарра с новым выражением.

Санитары положили по бокам его стальные шесты, просунули под телом металлические ленты и прикрепили их к шестам, подняли его и понесли. Бармен засеменял рядом.

— Ребята, куда вы его забираете? Я должен буду сказать Пенче.

— Он будет находиться в травматологической больнице на Лонг Бич.

Пенче прибыл через три минуты после отъезда скорой помощи. Он вошел, посмотрел направо, налево.

— Где он?

— Вы мистер Пенче? — уважительно спросил бармен.

— Конечно, это Пенче, — сказал патрульный.

— Вашего друга отправили в травматологическую больницу на Лонг Бич.

Пенче повернулся к одному из людей, стоявших позади.

— Разберись, что здесь случилось, — сказал он и покинул бар.

Санитары положили Фарра на стол и сняли с него одежду. Судивлением они рассматривали металлическую полосу, опоясывающую правое плечо.

— Это что такое?

— Что бы то ни было, надо снять.

Они сняли металлическую тесьму, омыли Фарра антисептическим газом, сделали ему несколько различных уколов и отправили его в палату на отдых.

Пенче вызвал главный офис.

— Когда мистер Фарр будет транспортабелен?

— Одну минуту, мистер Пенче.

Пенче ждал. Клерк наводил справки.

— Он уже вне опасности.

— Его можно перевозить?

— Он все еще без сознания, но доктор говорит, что с ним все будет в порядке.

— Будьте добры, пусть скорая помощь отвезет его ко мне домой.

— Очень хорошо, мистер Пенче. Принимаете ли вы на себя ответственность за здоровье мистера Фарра?

— Да, — сказал Пенче. — Оформите.

Дом Пенче на Сигнальном Холме был роскошным изделием типа 4 класса АА, эквивалентным среднему традиционному земному зданию стоимостью в тридцать тысяч долларов. Пенче продавал дома четырёх разновидностей класса АА в количестве, которое мог себе позволить, по десять тысяч долларов за штуку — за ту же цену, что и дома классов А, Б и ВВ. Для себя изсмийцы, разумеется, выращивали дома более тщательно. Это обычно бывали старые жилища с взаимосвязанными стручками, стенами, окрашенными флуоресцентной краской, сосудами, выделяющими нектар, масло и соляной раствор, воздухом, обогащенным кислородом и всевозможными добавками, фотофобными стручками, стручками с бассейнами, в которых циркулировала тщательно профильтрованная вода, стручками, в которых росли орехи, кристаллы сахара и сытные вафли. Изсмийцы не экспортировали ни таких, ни трех-четырёхстручковых стандартных домов. Выращивать эти дома было не проще, но отдача от них была велика.

Миллиард землян все еще жили в условиях ниже нормы. Северные китайцы рыли пещеры в лесу, индийцы-дравиды строили грязные хижины. Американцы и англичане занимали разрушающиеся многоквартирные дома. Пенче находил ситуацию прискорбной: огромный рынок не использовался. Пенче хотел использовать его.

Существовала практическая трудность. Эти люди не могли платить тысячи долларов за дома классов АА, АБ, ББ, даже если бы и Пенче мог бы их продавать неограниченно. Ему были необходимы трех-четырёх-пятитручковые стандартные дома, которые изсмйцы отказывались поставлять.

Проблема имела классическое решение: набег на Исм за деревом-самкой. Должным образом оплодотворенная женская особь могла дать миллион семян в год. Почти половина из них будут женскими. Через несколько лет Пенче сможет получать десять, сто, тысячу, пять тысяч миллионов семян домов.

Для большинства людей разница между десятью миллионами и ста миллионами в год кажется незначительной. Пенче, однако, оперировал в мыслях миллионами. Деньги — это не просто средство покупать, но и энергия, орудие власти, основа для убеждения и эффективности. На себя он тратил мало денег, личная жизнь его была достаточно скромна. Он жил в своем демонстраторе класса АА на Сигнальном Холме, тогда как мог бы обладать небесным островом на околоземной орбите. Он мог бы разнообразить свой стол самыми редкими мясом и дичью, изысканными консервами, коллекционными винами, необычными напитками и фруктами с других планет. Он мог бы заполнить гарем гуриями, о которых и султан не мечтал. Но Пенче питался бифштексами и пил кофе и пиво. Он оставался бакалавром, позволял себе попадаться на глаза общественности, лишь когда пресса затрагивала его бизнес. Как многие одаренные люди бывают лишены слуха, так и Пенче был почти лишен склонности к радостям цивилизации.

Он сознавал собственный недостаток и порой испытывал меланхолию. В такие минуты он сидел, сгорбившись, похожий на дикого кабана, и раскаленная топка просвечивала сквозь закопченные стекла его глаз. Но чаще всего на его лице царило кислое и сардоническое выражение. Прочих людей можно было смягчить, отвлечь, удержать под контролем с помощью добрых слов, красивых вещей, удовольствий. Пенче знал эти способы и пользовался знанием, как плотник пользуется молотком, не задумываясь о внутренней сути инструмента. Он наблюдал и действовал без иллюзий и предрассудков; именно в этом, быть может, и таилась огромная сила Пенче, то внутреннее зрение, которое позволяло ему видеть мир и себя самого в свете грубой объективности.

У себя в студии он ожидал, когда придет «скорая помощь» и санитары вынесут носилки. Он вышел на балкон и заговорил тяжелым хриплым голосом:

- Он в сознании?
- Приходит в себя, сэр!
- Несите его сюда.

ГЛАВА 12

Или Фарр пробудился в стручке с пыльно-желтыми стенами и темным коричневым потолком с ребристым сводом. Он поднял голову, заполненную тьмой, и, обведя стручок глазами, увидел тяжелую угловатую мебель: кресла, диван, стол, заваленный бумагами, одну или две модели домов и древний испанский буфет.

Над ним склонился тонкий человек с крупной головой и серьезными глазами. На нем был белый форменный жакет, от которого пахло антисептиками. Доктор.

За спиной доктора стоял Пенче. Это был высокий мужчина, но не столь высокий, как представлялось Фарру. Он медленно подошел и посмотрел на него сверху вниз.

У Фарра в мозгу что-то щелкнуло. Горло наполнилось воздухом, голосовые связки завибрировали: рот, язык, зубы, небо выдавили слова. Фарр был изумлен, услышав их.

— У меня — дерево.

Пенче кивнул.

— Где?

Фарр глупо посмотрел на него.

Пенче спросил:

— Как вам удалось вывезти дерево с Исзма?

— Я не знаю, — сказал Фарр.

Он приподнялся, опершись на локоть, потер подбородок, моргнул и пробормотал:

— Я не знаю, что говорю. У меня нет никакого дерева.

— Или у вас оно есть, или у вас его нет, — нахмурился Пенче.

— У меня нет никакого дерева. — Фарр попытался сесть. Доктор помог ему, поддерживая за плечо. Фарр чувствовал слабость.

— Что я здесь делаю? Меня кто-то отравил. Девушка. Блондинка в таверне. — Он посмотрел на Пенче с нарастающим гневом. — Она работает на вас.

Пенче кивнул.

— Это верно.

Фарр потер лицо.

— Как вы меня разыскали?

— Вы обращались в «Император» по стерео. В холле мой человек постоянно ждал вызова.

— Так, — устало произнес Фарр. — В общем, все это ошибка. Как, зачем и почему, я не знаю. Кроме того, я пострадал. Мне это не нравится.

Пенче взглянул на доктора.

— Как он?

— Сейчас уже все в порядке. Скоро к нему вернутся силы.

— Хорошо. Можете идти.

Доктор покинул стручок. Пенче подтащил кресло, стоявшее у него за спиной, и уселся.

— Анна работает слишком грубо, — сказал Пенче. — Ей еще не доводилось пользоваться иголкой. — Он пододвинулся ближе вместе с креслом. — Расскажите о себе.

— Прежде всего, — сказал Фарр, — где я?

— Вы в моем доме. Я за вами присматриваю.

— Зачем?

Пенче, внутренне веселясь, качнул головой назад и вперед.

— Вы сказали, что привезли для меня дерево. Или семя. Или побег. Что бы то ни было, мне это нужно.

Фарр заговорил ровным голосом:

— У меня его нет. Я ничего о нем не знаю. Во время налета я находился на Тжиери — больше ничего общего я с этой историей не имею.

Пенче спросил совершенно спокойно.

— Вы связывались со мной, когда прибыли в город. Зачем?

— Не знаю, — покачал головой Фарр. — Мне что-то нужно было сделать. Я это делал. Только что я сказал, что имею для вас дерево. Почему — непонятно.

— Я вам верю, — кивнул Пенче. — Мы найдем это дерево. Может быть, не сразу, но...

— Нет у меня вашего дерева! И мне до вас нет дела, — он встал, оглянулся и направился к двери. — А сейчас я пойду домой.

Пенче весело смотрел ему вслед.

— Двери на запоре, Фарр.

Фарр остановился, глядя на твердую розетку дверей. Релакс-дефи-нерв, должно быть, где-то в стене. Он надавил на желтую пыльную поверхность, похожую на пергамент.

— Не сюда, — сказал Пенче. — Возвращайтесь-ка обратно, Фарр.

Дверь раздвинулась. Омон Бозхд стоял в проеме. На нем был облегающий костюм в бело-синюю полоску, шляпа-колокол, щегольски надвинутая на уши. Лицо его было безмятежным, строгим, полным человеческой, но неземной силы.

Он вошел в комнату. Следом вошли двое изсмийцев, разлинованных в желтое и зеленое: сзекры. Фарр отпрянул, освобождая проход.

— Хелло, — сказал Пенче. — А я-то думал, дверь надежна. Вы, ребята, наверное, знаете все уловки.

Омон Бозхд вежливо кивнул Фарру.

— Сегодня мы потеряли вас на некоторое время, рад видеть вас. — Он посмотрел на Пенче, затем опять на Фарра. — Вашей целью, как видно, был дом К.Пенче.

— Судя по всему, — сказал Фарр.

Омон Бозхд тактично пояснил:

— Когда вы находились в подземелье на Тжиери, мы вас анестезировали с помощью гипнотического газа. Тсорд сразу понял. Эта раса способна в течение шести минут удерживать

дыхание. Когда вы уснули, он ухватился за возможность сделать вас исполнителем своей воли. — Он взглянул на Пенче. — Он до конца верой и правдой служил хозяину.

Пенче промолчал. Омон Бозхд вновь обратился к Фарру.

— Он захоронил инструкции в глубине вашего мозга. Затем он отдал вам украденное дерево. Шесть минут прошло. Он сделал вдох и потерял сознание. Позднее мы отправили вас к нему, надеясь, что таким образом приказ сотрется. Мы потерпели неудачу: тсорд поразил нас своими психическими возможностями.

Фарр поглядел на Пенче. Тот стоял, небрежно опершись на стол. Напряжение нарастало, и скоро должен был произойти взрыв — так при легчайшем прикосновении выскакивает чертик из коробки.

Омон Бозхд отвернулся от Фарра — тот уже сослужил свою службу.

— Я прибыл на Землю, — сказал он, — с двумя миссиями. Должен сообщить вам, что по причине налета тсордов партия домов класса АА вам отправлена быть не может.

— Так, так, — сказал Пенче кротко. — Жаль!

— Вторая моя миссия — найти человека, которому Эйли Фарр должен был передать дерево.

— Вы проверили память Фарра? — заинтересованно спросил Пенче. — Ну и почему же вы не смогли ничего узнать?

Вежливость у исзмийцев в крови, в рефлексах. Омон Бозхд склонил голову.

— Тсорд приказал Фарру все забыть и вспомнить лишь тогда, когда его нога коснется Земли. Он обладал огромной гипнотической силой: разум Фарр-сайнха отличается значительной стойкостью. Мы могли лишь следить за ним. Его место назначения было здесь — это дом К. Пенче. Таким образом, теперь я могу завершить выполнение второй миссии.

— Ну? Выкладывайте, — сказал Пенче.

Омон Бозхд поклонился. Голос его был спокоен и официальный.

— Мое первоначальное сообщение к вам изменилось, Пенче-сайнх. Вы не получите более домов класса АА. Если вы

высадитесь на территории Исзма или его колоний, вы понесете наказание за преступление, совершенное против нас.

Пенче начал головой — так бывало всегда, когда его охватывало сардоническое веселье.

— Выходит, вы меня уволили, и я вам больше не агент?

— Правильно.

Пенче повернулся к Фарру и спросил его неожиданно резким голосом:

— Деревья? Где они?

Фарр невольно приложил ладонь к бурому пятну на теле.

— Подойдите, Фарр, присядьте, — сказал Пенче. — Дайте взглянуть.

Фарр зарычал.

— Держитесь от меня подальше, я вам не игрушка.

— Тсорд загнал шесть семян под кожу на черепе Фарр-сайнха, — произнес Омон Бозхд. — Это был очень остроумный тайник. Семена маленькие. Мы искали тридцать минут, прежде чем нашли.

Фарр с отвращением ощупал голову.

— Садитесь, Фарр, — хриплым голосом сказал Пенче. Останемся там, где стоим.

— Я знаю, где стою! — Фарр отпрянул к стене. — Не с вами!

— Не хотите бросить исзмийцев, — рассмеялся Пенче.

— Я не бросаю никого. Если у меня в голове и есть семена, это касается только меня!

Пенче шагнул вперед, лицо его слегка исказилось.

— Семена были извлечены, Пенче-сайнх. Бутры, которые Фарр-сайнх может нащупать — это танталовые шарики.

Фарр ощупывал свой череп. И верно, они были здесь: твердые выступы, которые до сих пор он считал относящимися к шраму. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Ладонь скользнула по волосам и задержалась. Он невольно взглянул на Пенче, на исзмийцев. Похоже, они на него не смотрели. Он прижал маленький предмет, который обнаружил в волосах. словно маленький пузырек, капсула, размером не больше

пшеничного зерна, и соединялось все это с кожей волокнами. Анна, блондинка, увидела лишь длинные серые...

Фарр нетвердо произнес:

— С меня достаточно... Я пошел!

— Нет, — бесцветно произнес Пенче. — Вы останетесь здесь.

Омон Бозхд вежливо сказал:

— Я надеюсь, земные законы не позволяют задерживать человека против его воли. Если мы этому задержанию не противодействуем, то в равной мере становимся виновными. Или это не так?

Пенче улыбнулся.

— В некоторых пределах.

— В целях самозащиты мы требуем, чтобы вы не совершали противозаконных действий!

Пенче агрессивно подался вперед.

— Вы уже все сказали. А теперь убирайтесь к черту!

Фарр попытался пройти мимо него. Пенче, подняв руку, уперся ладонью ему в грудь.

— Вам лучше остаться, Фарр. Вы в безопасности.

Фарр взгляделся в глубину его тлеющих глаз. Гнев и унижение мешали ему говорить. Наконец он вымолвил:

— Нет уж, я лучше пойду. Меня тошнит от игры в простак! Лучше живой простак, чем мертвый болван!

Фарр оттолкнул руку Пенче.

— А я попытаю счастья.

Омон Бозхд пробормотал что-то своим исзмийцам. Они разделились и стали по обе стороны сфинктера.

— Вы можете идти, — сказал Омон Фарру. — К. Пенче вас не задержит.

Фарр остановился.

— В ваших услугах я тоже не нуждаюсь.

Он оглядел стручок и подошел к стереозкрану.

Пенче это одобрил; он ухмыльнулся в сторону исзмийцев.

— Фарр-сайнх! — вскрикнул Омон Бозхд.

— Все легально! — ликовал Пенче. — Оставьте его.

Фарр прикоснулся к кнопкам. Экран замерцал, и на нем возникла расплывчатая фигура.

— Дайте мне Кирди, — сказал Фарр.

Омон Бозхд подал знак. Исзмиец справа скользнул вдоль стены, перерезал соединяющую трубку. Изображение погасло.

Брови Пенче полезли вверх.

— Говорите о преступлениях, — взревел он, — а сами ломаете мой дом!

Губы Омона Бозхда стали растягиваться, обнажая бледные десны, зубы.

— Прежде чем я...

Пенче поднял левую руку. Его указательный палец выбросил струю оранжевого пламени. Омон Бозхд увернулся, огненная игла отстригла ему ухо. Двое других с поразительной скоростью бросились к двери.

Пенче вновь поднял палец. Фарр рванулся вперед, схватил его за плечо, развернул. Пенче сжал челюсти и выбросил правый кулак в коротком апперкоте. Удар угодил Фарру в область желудка. Фарр промазал круговой правой, отшатнулся назад. Пенче мгновенно развернулся, но исзмицы уже скрылись за сфинктером и тот затянулся за ними. Фарр и Пенче остались в стручке одни. Фарр отшатнулся от стены, и Пенче качнулся назад.

— Вы спасли их; идиот!

Стручок сотрясался, дергался. Фарр, полуобезумевший от душившей его ярости, бросился вперед. Пол в стручке открылся рябью, Фарр упал на колени.

— Спасли, я сказал! На кого вы работаете — на Землю или на Исзм? — рявкнул Пенче.

— Вы — не Земля! — задыхался Фарр. — Вы — К.Пенче! Я буду драться! Потому что меня уже мутит оттого, что меня используют! — Он постарался подняться на ноги, но слабость одолела. Он рухнул на спину, дыхание оборвалось.

— Дайте взглянуть, что у вас в голове.

— Держитесь от меня подальше. Я вам разобью физиономию.

Пол стручка рванулся вверх, подбросив Фарра и Пенче. Пенче встревожился:

— Что они делают?

— То самое, — сказал Фарр. — Они — исзмейцы, а это — дом Исзма. Они могут играть на нем, как на скрипке.

Стручок затихал, вибрируя и содрогаясь.

— Так-то лучше... — сказал Пенче. — А теперь — что у вас там в голове?

— Не подходите! Что бы то ни было — это мое!

— Нет, мое, — мягко произнес Пенче. — Я заплатил, чтобы его привезти сюда.

— Вы не знаете даже, что это такое.

— Знаю. Я это вижу. Это побег. Первый росток только что вылез наружу.

— Вы спятили! Дерево не может прорасти у меня в голове!

Стручок стал стягиваться, выгибаясь кошачьей спиной. Крыша над головой заскрипела.

— Надо бы выбраться отсюда, — пробормотал К. Пенче, подошел к сфинктеру и дотронулся до открывающего дверь нерва.

Сфинктер оставался закрыт.

— Они перерезали нерв, — сказал Фарр.

Стручок продолжал стягиваться. Пол кренился. Сводчатая крыша скрипела. Трах! Ребро лопнуло, обломки посыпались вниз. Острая щепка упала в футе от Фарра.

Пенче прицелился пальцем в сфинктер: заряд ударил в диафрагму. Она отплатила облаком зловонного пара.

Пенче отпрянул назад, потрясенный.

Лопнули еще два ребра.

— Они убьют нас, если попадут, — сказал Пенче, обзревая выгнутый потолок. — Назад! Вы, Эйли Фарр, зеленый ходячий дом!..

— Вы сгинете, Пенче, прежде чем соберете урожай.

— Прекратите истерику! — приказал Пенче. — Идите сюда.

Пол опрокинулся. Мебель начала скользить в пасть — Пенче отчаянно уворачивался. Фарр поскользнулся. Стручок изгибался. Осколки ребер отщеплялись, отлетали, барабанили по стенам. Мебель громоздилась друг на друга, валясь на Фарра и Пенче, сталкиваясь, калечась, разбиваясь.

Стручок задрожал; стулья и столы запрыгали, опрокидываясь. Гость и хозяин пытались высвободиться, прежде чем тяжелая мебель не раздавила им кости.

— Они действуют снаружи! — выкрикнул Фарр. — Дергают нервы.

— Если бы мы смогли выбраться на балкон...

— Мы бы вылетели на землю.

Дрожь возрастала. Осколки мебели и ребер загрохотали, как горошины в банке. Пенче стоял, упершись руками в стол, и пытался удержать его. Фарр подхватил осколок и принялся бить в стену.

— Что вы делаете?

— Исзмильцы стоят снаружи и бьют по нервам. Я пытаюсь попасть по другим.

— Вы нас можете убить! — Пенче взглянул на голову Фарра. Не забудьте, что это растение...

— Вы больше боитесь за растение, чем за себя. — Фарр не переставал стучать, выбирая ровные места.

Он попал по нерву. Стручок вдруг застыл, страшно напрягшись. Стена начала выделять крупные капли сока с кислым запахом. Дом неистово задрожал, его содержимое загрохотало.

— Не тот нерв! — закричал Пенче. Он схватил осколок и стал им колотить. По стенам стручка прошел звук, похожий на сдавленный стон. Пол покрылся буграми, корчась в растительной агонии. Потолок начал рушиться.

— Нас раздавит! — воскликнул Пенче. Фарр заметил блеск металла — шприц доктора. Он схватил его, вонзил в зеленую выпуклость прожилки стены и надавил на поршень, но уже было поздно.

Стручок вздрагивал, тряся, пульсировал. Перегородки комнат вздувались пузырями и лопались. Сок из них стекал струями во входной канал. Стручок бился в конвульсиях, дрожал и осыпался. Фарр и Пенче выкатились на балкон вместе с обломками ребер и мебели и полетели вниз. Фарр задержал падение, уцепившись за прут баллюстрады. Прут оборвался, и Фарр упал. Лететь до газона ему пришлось не больше фута, он приземлился на кучу хлама. Под ним ока-

залось что-то мягкое; оно ощупало его ноги и оттолкнуло с большой силой. Это был Пенче.

Они покатались по газону. Силы Фарра были почти на исходе. Пенче сдавил ему ребра, навалился и схватил за горло. Фарр увидел сардоническое лицо в дюйме от своего. Он изо всех сил ударил коленями. Пенче вздрогнул, задохнулся, но быстро оправился. Фарр вонзил ему в нос большой палец и крутанул. Голова Пенче откинулась назад, хватка ослабла.

— Я вырвал эту штуку... — закричал Фарр. — И сломал ее.

— Нет! — захлебнулся Пенче. — Нет! — закричал он. — Фроун! Карлайл!

Фигуры появились. Пенче поднялся.

— В доме трое изсмийцев. Не выпускать! Станьте у ствола, стреляйте наверняка.

— Стрельбы сегодня вечером не будет, — произнес холодный голос.

Лучи двух фонарей уперлись в Пенче. Он трясся от злобы.

— Кто вы?

— Специальная бригада. Я — детектив, инспектор Кирди.

— Возьмите изсмийцев, — выдохнул Пенче. — Они в моем доме. Непрошенные гости вышли на свет. Омон Бозхд сказал:

— Мы находимся здесь, чтобы вернуть свою собственность.

Кирди недружелюбно посмотрел на них.

— Что еще за собственность?

— В голове Фарра. Росток дома.

— Вы обвиняете Фарра?

— Еще чего! — сердито сказал Фарр. — Они палились на меня каждую минуту, они обыскивали меня, гипнотизировали...

— Виноват Пенче, — жестко произнес Омон Бозхд. — Агент Пенче обманул нас. Он поместил шесть семян туда, где мы наверняка должны были их найти. У него также был тонкий корешок, он соединил его с кожей Фарра, спрятав среди волос. Мы его не заметили.

— Большая удача, — сказал Пенче.

Кирди с сомнением смотрел на Фарра.

— Эта вещь и в самом деле осталась жива?

Фарр выдавил смешок.

— Жива? Она пустила корни, наметила стручок, покрылась листочками. Она проросла. У меня теперь дом на голове!

— Это собственность Исзма, — заявил Омон Бозхд. — Я требую его возвращения.

— Это моя собственность, — сказал Пенче. — Я купил ее, заплатив за нее.

— Это моя собственность, — возразил Фарр. — В чьей голове она растет?

Кирди покачал головой.

— Пожалуй, всем вам следует пройти со мной.

— Никуда я не пойду, пока не арестован, — сказал Пенче с большим достоинством. — Говорю вам, арестуйте исзмийцев! Они разломали мой дом.

— А я сказал: пойдете со мной, вы все! — повторил Кирди и бросил полицейским: — Опустите сюда машину.

Омон Бозхд сделал выбор. Он горделиво выпрямился во весь рост, белые волосы сверкнули во тьме. Взглянув на Фарра, он порывшись в одежде и извлек шуттер.

Фарр плашмя бросился на землю.

Заряд пролетел над головой. Из пистолета Кирди вырвалось голубое пламя. Омона Бозхда осветил голубой ореол. Он был уже мертв, но стрелял вновь и вновь. Фарр покатился по темной земле. Двое других исзмийцев открыли по нему огонь, не обращая внимания на пистолеты полицейских. Они высвечивались голубым сиянием, умирали, но продолжали стрелять. Заряды попали Фарру в ноги. Он застонал и остался лежать неподвижно.

Исзмийцы рухнули.

— А теперь, — удовлетворенно произнес Пенче, — я позабочусь о Фарре.

— Полегче, Пенче, — предупредил Кирди.

— Держитесь от меня подальше! — крикнул Фарр.

— Я заплачу десять миллионов за то, что растет у вас в волосах.

— Нет! — свирепо огрызнулся Фарр. — Я сам его выращу. И буду раздавать семена бесплатно...

— Рискованное предприятие, — сказал Пенче. — Если это семена самца, пользы не будет никакой.

— А если самки... — Фарр замолчал — полицейский доктор принялся перевязывать ему ноги.

— ...Польза будет, — сухо dokonчил Пенче. — Но вы встретите противодействие.

— Чье?

— Исзмицев.

Санитары принесли носилки.

— Они будут мешать. Я даю вам десять миллионов. Я воспользуюсь этим шансом.

Усталость, боль, нервное истощение сломили Фарра.

— Ладно... Меня тошнит от всей этой возни.

— Тогда подпишем контракт! — с триумфом закричал Пенче. Эти офицеры будут свидетелями!

Фарра положили на носилки. Заметив в его волосах растительный побег, доктор склонился над ним, протянул руку и выдернул его.

— Ой! — крикнул Фарр.

— Что он делает? — закричал Пенче.

— Вам бы стоило получше следить за своим имуществом, Пенче, — слабым голосом произнес Фарр.

— Где он? — в панике закричал Пенче, хватая доктора за ворот.

— Кто? — спросил доктор.

— Дайте свет! — крикнул Пенче.

Фарр некоторое время смотрел, как Пенче и его люди шарят по кустам в поисках бледного побега, затем впал в беспамятство.

Днями позже Пенче пришел к Фарру в больницу.

— Вот, — сказал он, — ваши деньги. — Он положил купон на столик. — Десять миллионов долларов.

— Это куча денег, — сказал Фарр, посмотрев на него.

— Да, — сказал Пенче.

— Вы, должно быть, нашли побег.

Пенче кивнул...

— Он был еще жив. Он и сейчас растет... Но это... самец. Он взял со стола купон, поглядел на него, затем положил обратно. — Я проиграл пари.

— У вас были хорошие шансы, — возразил ФARR.

— Денег мне не жалко; — спокойно произнес Пенче и посмотрел в открытое окно на Лос-Анджелес. ФARR пытался угадать, о чем он думает.

— Легко найдено, легко потеряно, — повторил Пенче и полуобернулся, собравшись уходить.

— А что теперь? — спросил ФARR. — У вас нет женской особи и нет растений, чтобы перепродавать дома.

— Женские особи есть на Исзме, — сказал Пенче. — И даже очень много. Я попытаюсь достать несколько штук.

— Еще один налет?

— Называйте, как хотите.

— А вы как это называете?

— Экспедицией.

— Рад, что я не имею к этому отношения.

— Человек никогда не может знать заранее, — заявил Пенче. — Может быть, вы еще передумаете.

— Уж на этот счет не сомневайтесь, — заверил его ФARR.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Джек Вэнс (Jack Vance; настоящее имя Джон Холбрук Вэнс) родился 28 августа 1920 года в США, городе Сан-Франциско, штат Калифорния.

После окончания Университета штата Калифорния в городе Беркли в 1942 году получил степень бакалавра (первая ступень квалификации исследователя).

Спустя 3 года, в 1945, был напечатан первый рассказ писателя "Мыслители Мира" в журнале Thrilling Worder Stories.

Джек Вэнс имел несколько псевдонимов, правда, иногда печатался и под собственным именем. Знатоки признают его одним из самых изысканных и щепетильных писателей-фантастов Америки. Автор более 50 книг и дюжины новелл-мистерий, его работы включают в себя такие жанры как фэнтези, научная фантастика и мистический детектив. Общепринято считать, что все истории Джека Вэнса сплетаются и направляют читателя в одну большую Вселенную будущего, чью историю и культуру исследует писатель; затем размещаются герои, о приключениях и хрониках которых повествует Вэнс; многие из этих героев друг друга знают и поэтому сливаются в один сериал. Примером такого сериала могут служить оконченные и начатые циклы Вэнса: "Принцесса демонов"; "Чай"; "Планета приключений"; "Аластор" и "Дордэн". Эти циклы включают в себя чуть ли не половину всех повестей Вэнса. Исключением здесь видится сериал "Аластор": ("Трильон: Аластор 2262"; "Марин: Аластор 993" (1975); "Вист: Аластор 1716" (1978), где писатель описывает часть истории каждой планеты в системе скопления Аластора. Эти новеллы показывают фантастику Вэнса как приключенческую, очень изобилующую неожиданными поворотами сюжета и пробуждающую читательскую фантазию, его герои странны, но в них можно поверить, его миры экзотичны и космополитичны. Роман "Звездный король" обладает всеми этими качествами, к тому же это — первая книга сериала из пяти романов ("Принцесса демонов"), описывающих историю человеческой цивилизации далекого будущего, представленного Вэнсом в своем развитии как динамичное и противоречивое общество. Несмотря на то, что Вэнсом написано много коротких рассказов, только две работы получили премии.

Сборник "Последний Замок" (The last Castle — 1967) отмечен премиями "Небьюла" (Nebula) за 1966 год и "Хьюго" (Hugo) за 1967 год, а за роман "Повелители драконов" (The dragon masters; 1963 год) писатель получил премию "Хьюго" 1963 года. Оба фрагмента фантастического разнообразия обычного стиля Вэнса достаточны для предположения о том, что Вэнс может быть автором множества настроений. Его сегодняшняя работа, как обычно, уносит нас из авторских традиций, особенно это заметно в "Лионессе" (1983) — длинной эпической фантазии.

В целом проза Вэнса отличается глубиной образов и яркостью воображения.

На русском языке опубликовано несколько рассказов Вэнса — "Дар речи" в ежегоднике "На суше и на море" за 1961 год; "Удар милосердия" и "Гнусный Макинч" в сборнике "Ночь, которая умирает" (Москва, Мир, 1988 год) и рассказ "Додкин при деле" в сборнике "Последнее новшество" (Москва, Профиздат, 1991 год).

Романы "Дома Исзма" (The Houses of Iszm; 1964) и "Звездный Король" (The Star King; 1964) в нашей стране печатаются впервые.

В. Пономарев

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный король	5
Дома Исзма.....	237
<i>Коротко об авторе.....</i>	<i>348</i>

З-43   Звездный король: Сборник. Пер.с англ.—
М.: КРИМ-ПРЕСС, Асмадей, 1992. — 352 с. с ил. —
(Фантастические романы).

ISBN 5-86558-010-8

Третья книга серии «Библиотека Асмадея» вводит читателя в сложный и противоречивый мир фантастического детектива. Признанный мастер этого жанра популярный американский писатель Джек Вэнс. Его герои ведут расследование преступлений, которые совершают силы зла в далеком будущем нашей цивилизации.

3       $\frac{4703040100-010}{86558-92}$ без объявл.

ББК 84.7 США

Подписано в печать 16.03.1992. Формат 84х108/32. Бумага газетная.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Физ.п.л. 14, усл.п.л. 18,48
Тираж 100 тыс.экз. Заказ № 2878. Переплет 7Б
Цена договорная. "С"—7

Издательства КРИМ-ПРЕСС, "Асмадей"
103009 Москва, Тверской бульвар, 10-12

Российский государственный информационно-издательский центр «Республика»
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473. Москва, Краснопролетарская 16.

КРИМ-ПРЕСС

Только подписка на специализированный блок информации КРИМ-ПРЕСС позволит Вам получить доступ к ежедневной оперативной информации о криминогенной обстановке в стране, материалам сводок и архивов правоохранительных органов и спецслужб, обзорам, подготовленным лучшими аналитиками этих ведомств, а также комментариям и прогнозам ведущих экспертов в области криминологии, права, государственной безопасности и т.д.

КРИМ-ПРЕСС - это "горячие" репортажи наших корреспондентов с места событий, возможность приподнять завесу над тайной жизнью преступных общин в нашей стране и за рубежом, а также узнать правду о деятельности различных спецслужб вчера и сегодня.

КРИМ-ПРЕСС - это компетентный взгляд на проблемы борьбы с организованной преступностью.

КРИМ-ПРЕСС - это анализ и прогноз.

КРИМ-ПРЕСС - это Ваша путеводная нить в запутанном лабиринте имен, дат и событий в мире криминалистики и шпионажа.

К услугам подписчиков — современные электронные средства связи (телетайп, телефакс, компьютерная связь). Ежедневный объем передачи оперативной информации - до 10 страниц в зависимости от индивидуальных потребностей наших клиентов. Материалы передаются тремя блоками — в 10.00, 14.00, 18.00 и включают две подборки - информация от корреспондентов по СНГ и из-за рубежа. Мы готовы направлять Вам раз в день или в неделю специальный блок информации с учетом интересующей Вас более узкой тематики или по определенному региону. КРИМ-ПРЕСС может выполнить все Ваши пожелания по освещаемому нашим агентством кругу проблем!

Ежемесячно подписчики смогут получать "КРИМ-ПРЕСС/дайджест" - сборник последних публикаций зарубежной и отечественной прессы по вопросам криминалистики, права, безопасности и на другие интересующие наших клиентов темы.

По всем вопросам, связанным с подпиской на КРИМ-ПРЕСС, обращаться по адресу:
103009, Тверской бульвар, 10-12, КРИМ-ПРЕСС
телефон: 202-71-61
телефакс: 202-99-48

**БУДЕМ БЛАГОДАРНЫ ВАМ ЗА ЛЮБЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ТЕМАТИКЕ
КРИМ-ПРЕСС!**

телефон: 202-38-84

АССОЦИАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВ

МОЛЭКСИМП

готовит к выпуску в 1992 г. следующие книги:

В серии «Золотая корона»

Сериал исторических романов Мишеля Зевако «Пардайяны».

Сборники детективов «Нетерпеливый палач», «Ключ от морга», «Преступная любовь».

Сборник авантюрно-исторических повестей «Рыцарь таверны».

Сборник вестернов «Ущелье разбитого сердца».

В серии «Библиотека Асмадея»
скоро выходят книги фантастики:

Джек Вэнс «Звездный король»

Пол Андерсон «Звездный торговец»

Роберт Говард «Конан-Завоеватель»

А также в этом году Ассоциация издательств КРИМ-ПРЕСС, откроет для Вас новую серию, которая явится приятным сюрпризом для искушенного читателя.

Первые книги серии - это:

Сборник фантастики «Сатанинская сила»

Брайан Стэблфорд «Империя вампиров»

Рекс Миллер «Слоб»

и другие новеллы ужаса

УЖАС, МИСТИКА ЧЕРНАЯ ФЭНТЭЗИ

Все это ждет Вас в 1992 году!

